

A young couple is seen from behind, sitting on a grassy hill. The woman is wearing a white, short-sleeved dress with a full skirt, and her hair is styled in a long braid. The man is wearing a white, short-sleeved shirt and light-colored trousers. They are both looking out over a vast, hazy landscape under a sunset sky with soft, golden light. The overall mood is romantic and serene.

**Виктория
Старкина**

Квест

Виктория Старкина

Квест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68938731

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90453-8

Аннотация

Тихая жизнь уютного городка Донска нарушена множеством экстраординарных событий: совершено убийство молодой женщины и убийца неизвестен; у пожилой соседки похищена любимая домашняя мышь, верная невеста; много лет любившая своего жениха, неожиданно бросает его ради красавца-актера; на город вот-вот упадет комета, которая уничтожит весь мир. Что стоит за всем этим? Мистическая сила или цепочка знаков судьбы? Книга про эффект бабочки, где события влияют друг на друга. Это история о силе добрых поступков, которой есть и детективный элемент, и сатира, и любовный треугольник. Вам понравились фильмы "Меланхолия" и "Не смотри наверх"? Тогда, эта книга для вас!

Содержание

Глава 1. Город Донск	7
Глава 2. Луиза	19
Глава 3. За сигаретами	35
Глава 4. О мышах и людях	48
Глава 5. Дневник Луизы	69
Глава 6. Луизины сны	90
Глава 7. Квест	102
Глава 8. Дневник Луизы. Любовь-болезнь	115
Глава 9. Разговор по душам	133
Глава 10. Обещание	146
Глава 11. Благословение	161
Глава 12. Комета	176
Глава 13. Суббота	189
Глава 14. Театр	206
Глава 15. Письмо	223
Глава 16. Любовь фантомная	237
Глава 17. Любовь реальная	255
Глава 18. Искушение	269
Глава 19. Смерть	282
Глава 20. Последние часы	291
Глава 21. Последний ужин	306
Глава 22. Завод	317
Глава 23. Карлсон	333

Глава 24. Исход

352

Эпилог

366

Виктория Старкина

Квест

Пролог

В тот день Бог решил уничтожить Землю. Этот крошечный клочок материи, один из множества во Вселенной, не оправдал ожиданий и все больше откатывался назад, в адские дебри, а закрывать глаза на прорастающий в холодной пустоте темный мир, полный мрачных страданий и безысходности, Он не хотел.

Сколько шансов дали людям и тем, кто населял планету прежде! Так много, бесконечно много знаков получили они, начиная от Великого потопа и заканчивая ударами метеоритов. Да, не погасло Солнце, оно будет светить еще несколько миллионов лет, но Земля, в том виде, в котором существовала теперь, не заслуживала внимания и не давала ни малейших надежд на перемены к лучшему. Потому пора заканчивать с ней, незамедлительно. Сегодня. Сейчас.

На миг Он приблизился к волшебному зеркалу – зеркалу Вселенной, отделявшему высший мир от мира материального: на его тусклой непрозрачной поверхности непрестанно отражался каждый миг прошлого, настоящего и будущего в любом из тысяч миров на миллиардах планет в миллионах звездных систем. Их было множество, но Он мог видеть все.

И каждого в отдельности.

Создатель всмотрелся в зеркало, туда, где голубой бусиной мягко светилась Земля. И Его взгляд устремился к движущейся точке, микроскопической точке, которая чем-то привлекала внимание...

Глава 1. Город Донск

Все случается так, как нужно, и тогда, когда нужно. У жизни очень простая формула.

Павел Петрович Красавин был избран на третий срок в качестве мэра города Донска. Сам по себе этот факт наполнял душу радостью, особенно в теплый пятничный вечер, когда служба окончилась и, покинув здание мэрии, Павел Петрович твердой походкой, размахивая левой рукой, шел к автомобилю. Водитель Василий уже ждал, чтобы отвезти начальника домой, к жене и детям.

Павел Петрович был неплохим мэром: его мысли чаще были заняты общественным, а не личным, и крутились вокруг Донска: как сделать город лучше, чище, уютнее. В этом Павел Петрович преуспевал.

Донск – небольшой городок в триста тысяч жителей, – располагался на берегах узкой извилистой реки Донки, светлый, немного провинциальный, с широкими проспектами и просторными прямоугольными площадями, украшенными массивными фонтанами – о таком городке раньше сказали бы «уездный».

Улицам и переулкам здесь давали названия, связанные с деревьями, птицами, животными. Был и Лебединый переулок, и Липовая аллея, и Каштановый проспект. Названия

отражали действительность: Донск утопал в зелени, крыши домов скрывались за могучими ветвями, а осенью улицы засыпало золотым дождем опавших листьев, которые дворники не успевали убирать. Листья царили над городом, порхали в воздухе, скрывали в резных узорах солнечные лучи, устилали дорожки, площади, мостовые, весной их сменяли ковры из зеленых сережек и белых лепестков.

Высотных домов в Донске почти не было, – в основном низкоэтажная застройка, раскинувшаяся по обоим берегам, – но позднее, уже при новом мэре, справа от Донки устремились в небо башни, стеклянные, прозрачные, тонкие. Жители города их не любили, предпочитали гулять в старых районах, среди небольших особнячков с витиеватыми фасадами, короткими водосточными трубами, узорными балконами и массивными подоконниками. Летом они были заставлены поддонами с геранью и петуниями, спускавшимися к тротуару буйными розовыми плетями.

Павел Петрович старался, чтобы в городе стало больше парков, меньше автомобильных происшествий, и не было, упаси боже, преступлений, следил и за коммунальным хозяйством, и за настроением граждан, в общем, был отличным градоначальником, но не без недостатков, конечно. И если другие власть имущие, в стремлении сделать город лучше, порой превращали жизнь его обитателей в настоящий ад, бессмысленно и беспощадно перекладывая плитку и асфальт, выстраивая в очередь вереницы укладчиков-катков,

реставрируя и без того неплохие фасады, организуя клумбы и детские площадки там, где они никому не нужны, то Павел Петрович имел другую, но столь же всепоглощающую страсть: обожал сносить дома. Вот и сейчас, в дороге, он выглядывал из окна автомобиля представительского класса, размышляя, какой дом снести, чтобы на его месте построить новый. Повыше. Да продать в нем квартир побольше и подороже.

Жители Донска не разделяли странного увлечения, их устраивали дома, в которых они проживали, благо, те были добротны, отстроены на совесть еще при прошлой власти. Но разве убедишь Павла Петровича!

С беспощадностью и стремительностью орла, защищающего гнездо, кидался он на строения, которые, по его мнению, требовали благоустройства и реновации, особенно реновации, зачастую под его горячую руку попадали школьные здания, администрации, заводы и фабрики. Дошло до того, что промышленные предприятия Донска были вынесены за пределы города, в единую заводскую зону, а там, где они располагались прежде, Павел Петрович построил симпатичные, прилепившиеся друг к другу, как ласточкины гнезда, таунхаусы, одинаковые, будто клонированные.

– Как думаешь, Вася, – спросил мэр водителя, – Надо бы пустые дома снести? Заброшенные. Есть тут еще, осталась парочка.

– Да быть того не может, – невозмутимо откликнулся Ва-

силий, продолжая следить за дорогой. Других автомобилей было не так много, Вася мог повернуться к собеседнику, но он считал доверенную ему жизнь величайшей ценностью, а потому не смел отвлекаться.

– Остались, остались, я тебе говорю, – пробормотал Павел Петрович, обращаясь скорее, к самому себе, чем к Василию, – Видел недавно на плане, смотрел, изучал. Не так много, но есть еще. Как и развалюхи, театр, например. Ну куда, скажи, в приличном городе такой театр? Это же стыд, засмеют! Приедет администрация района – и засмеют, так ведь?

– Театр – здание старинное, – в голосе Василия послышалось сомнение, и он пожал плечами. – С ним история связана.

– Понимаю, что связана, – мэр кивнул. – А все-таки, Донску не повредило бы новое здание. И дворец культуры можно бы построить! Большой, настоящий! Чтобы там не только сцена, не только кинозал, а все-все! И спортивные секции, и кружки, и занятия проходили бы. Лекции, семинары. Что думаешь?

– Мысль хорошая, – Василий кивнул, задумчиво глядя на дорогу. – Но ДэКа – одно, театр – другое. Театр большой нам и не нужен, у нас не миллионник, а театралов совсем немного осталось. Мне, вот, театр даром не предлагайте, я б лучше на стадион пошел, футбол глянуть.

– Так ведь есть стадион, – опешил Павел Петрович, – В прошлом году стройку завершили.

– Есть, хороший. Ничего не скажешь. Но футбола-то нет! Кто к нам из звезд приезжал? Никто. А был бы интересный матч – я б первым бежал на стадион.

– По мне футбол лучше дома смотреть, – Павел Петрович откинулся на кожаную спинку сиденья. – Хоккей – тогда, лучше вживую. Сидишь рядышком, вся коробка – как на ладони. И девицы эти, которые выбегают в перерывах, видны лучше некуда! А на стадионе даже с хороших мест видимость так-себе, далеко. Не видно, не слышно, только фанаты орут. Нет, я лучше дома, перед телевизором, с сыновьями.

– И с пивком?

– Можно и с пивком, – согласился Павел Петрович, устал улыбнувшись. Пил он мало и редко, но любил показаться «своим парнем» особенно перед избирателями.

Василий одобрительно крякнул и пустился в рассуждения о недавно просмотренной игре, мэр постепенно потерял нить повествования и, продолжая делать вид, что внимательно слушает, – умение бесценное для любого политика, вернулся мыслями к зданию театра. Снести его надо – и точка!

Пока Павел Петрович размышлял о сносе и новом строительстве, в его собственном доме супруга Меланья жарила к ужину блинчики. Меланья Красавина – младше мужа на двенадцать лет, вышла за Павла Петровича совсем юной, в те годы он еще не был мэром, а являл собой печального вдовца, обремененного сыном-подростком. Подобные трудности не смутили молодую женщину, та с радостью приня-

ла предложение руки и сердца respectableного, как ей казалось, мужчины, и вскоре они зажили счастливой семьей: Павел Петрович, вечно пропадающий на работе, красавица Меланья, старший сын мэра Артем и младший, общий сын супругов Сенечка. Разница в возрасте между братьями составляла шестнадцать лет, а к началу этой истории Сенечке едва исполнилось одиннадцать.

Братья были совсем непохожи. Высокий, стройный, темноволосяй и темноглазый, Артем пошел лицом в свою мать, а характером в отца: твердый, волевой, бесстрашный, служил в Донске старшим офицером полиции и служил отлично, Павлу Петровичу не приходилось краснеть за отпрыска.

Светловолосый, даже белобрысый, курносый, с россыпью веснушек, Сенечка был хрупким, немного болезненным, впечатлительным и романтичным. Погруженный в свои мысли, он мог часами смотреть в окно, любуясь красотой открывающегося пейзажа, застывать, если обнаруживал что-то увлекательное, ведомое ему одному. Много раз пересматривал одни и те же понравившиеся фильмы, любил читать, особенно приключения и сказки, витал в облаках, а потому, хоть и не был хулиганом, частенько прогуливал школу и учился из рук вон плохо, к немалому огорчению родителей.

Меланья Красавина, ныне весьма успешный дизайнер, в юности выиграла несколько региональных конкурсов, потом работала в Доме моды в Донске. Став мэром и состоятельным человеком, Павел Петрович купил жене небольшое ате-

лье, которое стараниями самой Меланьи, и не без помощи супруга, превратилось в мощную фабрику, выпускавшую широкий ассортимент продукции: от готовой одежды до эксклюзивных дизайнерских аксессуаров.

Пока Меланья жарила блинчики, Сенечка в компании одноклассника Михаила, или просто Мишки, – вихрастого, длинноногого парня, – в который раз пересматривал все серии «Властелина колец». Мишка скучал, молчал и не мешал: в этом была его ценность компаньона на домашних киносеансах.

– И почему ты не хочешь пойти в субботу на речку? – поинтересовался Мишка, когда бесконечный фильм, к его большой радости, завершился. – Ты же не можешь целыми днями смотреть кино!

Сенечка сначала растерялся, а после даже наморщил лоб от усилий: сложно объяснить другу, почему не хочешь пойти с ребятами на речку, да еще в субботу. Можно ли вообще объяснить подобное! Ведь как рассказать, что на душе? В самой-самой глубине... Где найти слова, чтобы передать невыразимое, то, для чего и не придумано слов? И чтобы тебя не сочли белой вороной?

Наконец, Сенечка решился и излишне громко, от волнения, произнес:

– Да потому что ерунда все это!

– Что именно? – Мишка нахмурился.

– То, как мы живем. Ходим в школу, ходим на речку. А

зачем? Непонятно. Мне бы хотелось жить иначе! Вот, как там! – Сенечка махнул рукой в сторону телевизора, где по черному экрану уже бежали белые значки титров. – Чтобы что-то совершить! Настоящее!

– Пойдем на квест? В понедельник? – тут же предложил Мишка, как если бы ловко вытащил козырь из рукава.

– На квест? В бункер? – Сенечка поморщился. – Да разве это квест! Там же актеры работают, и все ненастоящее! Не хочу так. Почему, вот почему, кому-то, как этим героям, достается настоящий, большой квест? Они идут не просто так, а чтоб сразиться со страшным злом! Идут защищать свою землю. Чтобы спасти мир, чтобы добро победило! И я бы хотел отправиться в настоящий квест, такой, чтобы спасти мир! Пусть бы мне грозила смертельная, но настоящая опасность, ради настоящей цели, улавливаешь?

– Как во «Властелине колец»? – понимающе кивнул Мишка.

– У них настоящие враги – демоны, призраки, всякие злые варвары. А у нас что? Ничегошеньки. Мы только и можем сходить в бункер, купить билет, да пройти за свои же деньги квест, в котором играют переодетые актеры.

– Слушай, – Мишка поднялся. – Не каждому выпадает спасти мир. На то должна быть судьба! Мы не в книжке живем, а в обычном городе. Тут у нас, сам посмотри: ни варваров, ни демонов. И вообще спокойно-спокойно. Слышал, Донск – самый спокойный город в России? В новостях гово-

рили. Какие тут варвары... Ладно, хватит дурить, дунем на речку в субботу, решили? А пока я пошел, мне контрольную переписывать, которую месяц назад завалил. Мама не отпустит, если не подготовлюсь, ни на речку, ни в бункер.

– Хорошо, – Сенечка обреченно кивнул. – На речку – так на речку. В субботу – так в субботу.

И все-таки, ему было бесконечно жаль, – а может даже и бесконечно больно, – что нельзя прямо сейчас собрать команду друзей и отправиться далеко-далеко, через моря и горы, в никому неведомое запретное царство, к великой цели! Чтобы сразиться с могучим вселенским злом – и победить. Отстоять Землю, спасти человечество от неминуемой гибели! Как жаль, что это бывает лишь в сказках, как жаль, что ничего подлинно значимого не бывает в их серой, такой обычной жизни.

Конечно, никто не разделял его мечты, никто, даже Артем, – любимый брат мог разве что ласково усмехнуться и потрепать Сенечку по белокрысому затылку, что уж говорить об отце, думающем лишь о работе, не выпускающем телефон из рук. С друзьями – какой спрос, много они понимают! Только Луиза... Она одна внимательно слушала Сенечку и, кажется, слышала, понимала, но и она думает о другом – все грезит о театре, дался ей этот дурацкий театр! Учительница, а верит в какие-то небылицы. Луиза – не такая, как все. Она странная немного. И очень, очень красивая! Почти как мама! А иногда – даже и лучше мамы...

Луиза была невестой Артема, они знали друг друга с детства, учились в одном классе и после школы, а может и раньше, стали встречаться. Они должны пожениться однажды, просто не хотят спешить: Артем все время на службе, а Луиза никак не может расстаться со своим сумасшедшим семейством, немного безумным, но интересным. А если разобраться, в Донске почти все жители – немного безумные. Чего только стоит соседка тетя Поля, которая вот уже вторую неделю умоляет его, Сенечку, помочь спасти Карлсона. А чем он может помочь? Он же еще ребенок! Да и вообще, более глупой затеи в жизни не слышал... Тетя Поля большая, а не понимает. Почему некоторые взрослые, а ничего не понимают? Как здорово было бы жить в мире, где все понимали бы друг друга! Не успел сказать, не успел подумать, – а тебя уже поняли, и поняли правильно, – разве не замечательно?

Сенечка лег на диван, закрыл глаза и погрузился в мысли о чудесных историях, придуманных и непридуманных, о героях Толкиеновской саги. Мечты увели его далеко от родного порога, и он не заметил, как вернулись отец и Артем, и не сразу услышал, что мама позвала всех на кухню – есть аппетитные горячие блинчики.

– Идите, остывает! – повторяла Меланья снова и снова, с каждым разом все громче.

Когда семья собралась за массивным деревянным столом в просторной кухне, освещенной теплым светом прикрытой абажуром лампы, все четверо почувствовали себя счастли-

выми. Вдыхая аромат малинового варенья, заботливо разложенного по вазочкам, глядя на золотисто-желтые солнца кружевных блинов, каждый поймал себя на мысли: как здорово, когда есть семья и можно, вот так, уютно, собраться на кухне, поужинать, выпить чайку. А если ты один – не будет такого, невозможно...

Сенечка тут же перепачкался, и Меланья отправила его к раковине: вымыть руки, вмиг ставшие жирными от масляных блинчиков. Павел Петрович пустился в рассказ о прошедшем дне, не забыв, как должно хорошему отцу, поинтересоваться Сенечкиными успехами в школе и планами на вечер. Артем поел первым, вытер лицо и руки салфеткой и поднялся.

– Спасибо, очень вкусно, Мел, – поблагодарил он.

Он так и не привык за эти годы звать мачеху «мамой» и звал «Мел», хотя привязался к ней и даже по-своему любил, пусть его несколько раздражало, что Меланья пыталась играть роль матери, но сама в матери ему не годилась, – слишком молода. Он хорошо помнил родную мать, – когда ее не стало, Артем был уже достаточно взрослым, чтобы глубоко ощутить боль утраты, – и первое время относился к Меланье настороженно, женитьба отца казалась ему предательством памяти умершей. Потом боль утихла, с Мел он примирился, а после они и вовсе стали закадычными друзьями. Артем не мог не видеть, что, молодая и красивая, мачеха искренне любит отца, заботится о сыновьях, и вообще непло-

хая: с ней можно поговорить, посмеяться, и блины печет отлично.

– Ты куда-то собрался? – стоило Артему подняться со стула, Мел бросила на него притворно-строгий взгляд. Артем усмехнулся.

– Хочу навестить Луизу. Можно уже большой мальчик, офицер полиции, в восемь вечера встретится со своей невестой?

Меланья раздраженно махнула рукой: уловила сарказм, но решила не продолжать, вскочила и принялась собирать тарелки. Павел Петрович бросился на помощь жене, Артем откланялся и покинул кухню, потому, никем не замеченный, Сенечка вернулся к себе... и продолжил мечтать.

Глава 2. Луиза

Луиза жила на окраине Донска, там, где многоэтажные дома уступили место частным особнякам, уже упомянутым клонированным таунхаусам и небольшим домикам, в которых жили семьи, имевшие средний доход и не отличавшиеся тщеславием.

Луиза любила свой город, уютный дом, где жила с детства, а еще лес, начинавшийся сразу за порогом, и речку Донку, что оплетала город тонкими серебристыми кольцами, будто гревшаяся в лучах солнца стеклянная змея. Но больше всего она любила театр... об этом чуть позже, ибо о театре Донска нельзя сказать просто так, обывательски. Он овеян тайнами, к каждой из которых Луиза благоговейно боялась даже прикоснуться.

Сама девушка была невысокой, стройной и хрупкой, но не болезненно-хрупкой, а, скорее, по-детски трогательной. Ходила быстро и вообще все делала торопливо, немного робко. У нее были темно-голубые глаза, маленький правильный носик и разделенные на идеально-ровный пробор русые волосы, они едва доставали до лопаток и обычно завязывались в косу «на один бок», которая смешно подпрыгивала в такт ходьбе.

Артем со школы, а может и с раннего детства, знал, что хочет жениться только на ней, – ему нравилась ее странная

семья, загадочность, но главное – неуверенная манера держаться и покладистый характер. Луизу хотелось защищать, Артем же был по своей природе защитником. Он не сомневался, что способен позаботиться о невесте, и, по его мнению, в других защитниках она не нуждалась. Сама же Луиза верила во всех защитников подряд: в Бога, в ангелов, в светлые силы, в добрых лесных духов, даже утверждала, что иногда видела их.

Луиза частенько рассказывала странные вещи, не только про встреченных духов. Например, как-то стояли в лесочке, возле дачного дома ее семьи, расположенного чуть за пределами Донска и принадлежавшего еще деду Луизы, ныне покойному. Вечерело, Луиза прислонилась спиной к могучему стволу березы, потянулась, отвела плечи назад, и Артем почувствовал непреодолимое желание поцеловать ее чуть слишком пухлые губы, что тут же воплотил в жизнь. Луиза улыбнулась, прижалась крепче, положила руки ему на плечи, подняла голову и, устремив взгляд в темнеющее небо, вдруг сказала на ухо:

– Знаешь, такая странная история... давно, когда я была совсем маленькой, мы играли тут с другими детьми. С девочками, с мальчишками соседскими, они все разъехались теперь... Кидали ножи.

– В ножички играли? – переспросил Артем, ласково зарывшись рукой в ее мягкие волосы.

– Нет, – она покачала головой. – Просто, кидали.

– То есть, металы ножи? В цель? – снова уточнил он, и она опять покачала головой.

– Да нет же! Просто – кидали. Подбрасывали вверх. Кто выше.

– И какие это ножи?

– Разные: столовые, кухонные, ножи для работ. Неважно... И вот один сильный мальчик, он был постарше нас, кинул нож – высоко-высоко! Очень высоко! Мы потом долго-долго ждали, когда упадет! А он так и не упал! Представляешь? Я думала, это Бог забрал его себе... А потом пришел дедушка. Отругал нас, сказал, чтобы больше ножи не брали. И что этот нож улетел высоко и лежит теперь на дереве... Нам казалось, что мы даже видим его! Но, конечно, мы все придумали, – ничего не видно за густыми ветками... Они тут так переплетались, как лианы в джунглях! Дедушка принес топор, со всех сил постучал по деревьям тупым концом в надежде, что нож упадет, – но нет, ничего не случилось.

– А потом? Вы нашли его? Он должен был упасть, от ветра, например? – с интересом спросил Артем.

– Нет! То-то и оно! Я сама думала, когда поднимался ветер, нож обязательно упадет! Как только ураган или буря – каждый раз бежала смотреть, не валяется ли где... Но нет, так и не нашла... О чем это говорит? – она подняла на Артема глаза, сияющие от радости, которую давало ей это откровение.

– О чем же?

– Что его все-таки забрал себе Бог! Ну, или кто-то из лесных духов!

– А зачем Богу нож? Об этом ты не подумала? – хмыкнул Артем, – Или он разбоем занимается по ночам?

– Хватит, прекрати! – Луиза возмущенно толкнула его кулачком в грудь. – Нельзя так о нем! Откуда я знаю, зачем ему нож... Просто это странная история! И прямо здесь было!

– Да, занятно, – согласился Артем, – Ну, пошли в дом, а то ты совсем замерзла. Прохладно сегодня.

Луиза кивнула, и они направились к летнему домику. Часто вспоминал Артем эту историю и каждый раз находил новые и новые нестыковки. То, что Богу не нужен нож, – любому дураку понятно. Как и то, что нож нельзя закинуть так высоко, чтоб его не было видно и чтоб за столько лет он не упал от ветра на землю. Но даже в мелочах – неправда: где дети взяли ножи? Почему играли с такими недетскими игрушками? Как умудрились не пораниться? И потом, что за странная, глупая, опасная игра – кидать ножи в воздух? В ней нет никакого смысла... Зачем бы делать это, ради чего?

Размышляя так, Артем не мог не улыбнуться, – Луиза постоянно что-то придумывала: то, как встретила маленькую кикимору на болоте, то про свои вещие сны, то, как в детстве случайно попала на несколько мгновений в другой мир – в параллельную реальность, где не было Донска, а только широкое, бескрайнее поле до горизонта. Такой уж она была, совсем как его брат Сенечка, эти двое стояли друг друга!

Луизе не хватало сказки. Реальность, даже озаренная светом взаимной любви, казалась ей слишком скучной, лишенной волшебства и чудес, в которые она верила в детстве и не перестала верить до сих пор. Она была девушкой-ребенком, такой он ее узнал, такой полюбил, с ней собирался прожить одну жизнь на двоих.

Артем ни в каких сверхъестественных существ не верил, но умилялся ребячливой наивности подруги. К тому же считал, что, если девушка верит в Бога, – в этом, как минимум, нет ничего плохого. Значит, от нее не стоит ждать шокирующих поступков, предательства, подлости, нескромности – уже хорошо.

Подъехав к дому Луизы тем вечером, после блинчиков Мел, Артем оставил автомобиль, толкнул калитку, вошел во двор и буквально врезался в отца Луизы – Виталия, тот крутился у забора, на небольшой площадке, специально очищенной, засыпанной песком, ровной и идеально круглой: устанавливал длинный черный телескоп. Новенький, только купленный, – упаковка валялась здесь же, на вытоптанной траве возле песчаного круга. На Виталии был серый халат, явно домашний, и застиранные спортивные брюки с некогда белыми лампасами, да сандалии с носками, что вместе придавало ему вид не городского, а деревенского сумасшедшего, но разве могли смутить чудака подобные мелочи! Тем более, он не где-то, а в собственном дворе, – имеет право.

– Артем? Ты? Заходи, дорогой, – Виталий торопливо по-

жал входящему руку. – А я тут, видишь, делом занят. Если есть минутка, помоги подкрутить штатив. Никак не могу ровно поставить! Уже и так, и так пробовал, не дается, стервец!

– Знатная вещь! – Артем одобрительно кивнул в сторону телескопа, присел на корточки рядом с будущим тестем и принялся подкручивать ножки штатива. У него это получилось куда лучше, чем у самого Виталия, неприспособленного к решению любых, даже самых простых практических вопросов. – И что надеетесь увидеть?

– Да хоть просто за небом понаблюдаю, на летние звезды посмотрю, метеоритный дождь обещали. А вдруг повежет, открою комету, которую назовут моим именем, как думаешь? С детства мечтал открыть небесное тело: звезду, планету, да хоть бы комету, – остаться на карте Вселенной пусть и на краткий миг!

– Совсем, как Луиза, она похожа на него, – с легкой нежностью подумал Артем. Такой же мечтатель, даже дочь назвал в честь героини романа Майн Рида! Виталий зачитывался приключениями в детстве и так же, как и сама Луиза, частенько путал явь и вымысел, сны и реальность, мечты и прозу.

Артем помог установить телескоп, после чего Виталий невежливо уставился в трубу и напрочь потерял интерес к гостю, а тот вошел в дом, поздоровался с Натальей Леонидовной, матерью Луизы, впрочем, та тоже лишь кивнула, не

обратив на него никакого внимания. Артем приходил в этот дом уже много лет, воспринимать его как гостя и оказывать радушный прием никто не собирался. К нему относились, как к явлению само-собой разумеющемуся, и давно считали членом семьи.

Наталья хлопотала на кухне, создавая непередаваемую суету, невыносимую для человека неподготовленного, но Артем привык. Судя по запаху, теща взялась за клубничное варенье. Артем решил не мешать творческому процессу и прошел дальше, в небольшую девичью комнату, где, склонившись над своим дневником, сидела за письменным столом, – бывшей школьной партой, – Луиза. Она не сразу заметила его. Как обычно, девушка была в простом и легком светло-сером платье, – предпочитала неяркие, как если бы выгоревшие цвета, – с накинутой на плечи шалью и завязанными в небрежную, растрепанную косичку волосами. Она читала написанное, губы слегка шевелились, воспроизводя строчки, которые только что вывела ее рука. Артем знал о дневнике. Луиза никогда не давала прочитать, но всегда охотно пересказывала, если было чем поделиться.

Заметив вошедшего, девушка порывисто вскочила, улыбнулась, захлопнула книжку, – мелькнул золотистый переплет, – подбежала, обняла Артема, радостно и крепко. В ее объятиях всегда поражала сердечность, искренность: она обнимала от души, не оставляя для себя ничего, вкладывая в прикосновение все, что имела. Он в свою очередь, не умея

обнимать, как она, просто сжал ее талию и поцеловал в губы.

– Ты задержался, – она улыбнулась. – Думала, раньше придешь. А потом, вот, села с дневником и забыла обо всем, время пролетело так быстро...

– Да, прости, собирался раньше, как и говорил, но Мел испекла блинчики, не смог уйти. У нее всегда отличные получаются, как она только делает это! Вроде тесто – и тесто, как у других. А не оторвешься!

– Надо думать, она мастерица. Как там мой Сенечка?

– Все в порядке, такой же, как обычно. Смотрю на него – и вижу тебя, будто отражение в зеркале. Иногда мне кажется, ты выбрала не того брата.

Луиза рассмеялась, кивнула.

– Ты сам меня выбрал. Пойдем в сад? – предложила она. – Я уже закончила с домашней работой, других дел сегодня нет. Можем погулять.

– Как ты так быстро управилась?

Она пожала плечами.

– Сегодня не сложная. Дошколята остались.

Луиза работала учителем младших классов, преподавала в районной школе Донска, и Артем мечтал, чтобы она учила Сенечку. Брат посещал другую, центральную, школу, но, если успеваемость его начинала хромать сильнее, чем обычно, Луиза брала нерадивого ученика на поруки, помогала, объясняла, а иногда и сама делала задания. Артем не одобрял подобных поступков, считая, что излишняя доброта идет во

вред, но выхода не было: иначе результаты Сенечки в школе стали бы катастрофой, как знать, может, он остался бы и на второй год. Но что если жизнь дана Сенечке для другого? Для чего-то, где не нужны науки, думал Артем. Не всем же получать образование, не всем быть учеными. Может, Сенечка станет разводить растения или мастерить из дерева?

Луиза вслух соглашалась, но в глубине души считала, что образование нужно каждому. Она серьезно относилась к своей работе и к ученикам, стремясь найти подход к самым сложным из них.

– Не всегда, конечно, получается, – жаловалась Луиза.

Они вышли из дома и углубились в лесок, его окружавший. В тот самый лесок, где они столько раз встречались, где случилось их первое свидание. В одиннадцатом классе, когда Артем набрался смелости и после уроков пригласил девушку погулять. Сначала хотел просить помощи с домашним заданием, притвориться, что не может написать сочинение, но, решив, что не стоит начинать даже с самой невинной лжи, выбрал короткую, прямую дорогу и оказался прав – девушка приняла его предложение. Как-то сразу, будто с разбегу, они с головой бросились в юные отношения, и Артем не жалел, что связал свою жизнь с другой жизнью так быстро. Его будто молотком ударили – понял, что это судьба, это – навсегда. Тут, в лесочке, сидели они, обнявшись, среди корней раскидистого дерева и подолгу молчали, а иногда, напротив, никак не могли наговориться.

Артем и Луиза прошли по дороге и вышли в поле, никого не было, лишь они и лиловые облака, низко нависшие над горизонтом. Вдали чернели грифельными полосками высокие тонкие трубы заводской зоны.

– Будет гроза, – заметила Луиза, кивнув на темное, будто зловещее, небо. Несмотря на это, влюбленные решили прогуляться к реке, оба нежно любили знакомую с детства Донку. Артем обнял девушку за талию, шли молча. Наконец, он спросил то, что, как знал, обязательно должен спросить:

– И что же увлекательного ты писала в дневнике сегодня?

Луиза ласково рассмеялась, так было заведено между ними много лет: она знала, что он спросит про дневник.

– Я писала о театре... О театре Донска. О том, как сильно хочу пойти туда снова! Артем, неужели этого никогда не случится! Не могу поверить!

– Опять о театре, – Артем вздохнул. – Но, милая, он же закрыт на реконструкцию! Закрыт уже давно и откроется нескоро... Если вообще когда-то откроется. Ты же знаешь?

– Знаю, – опечаленно кивнула она, уставившись на носки своих туфель, шагавших по песчаной дорожке и оттого уже порядком запылившихся, – А ты не мог бы поговорить с отцом...

– Говорил не раз. И только благодаря мне он не снес столь ветхое здание. Но это только пока!

– Здание старинное! Как можно его сносить, с театром связана история Донска, неразрывно связана! – воскликнула

Луиза, ее глаза засверкали, а кровь прилила к щекам, казалось, девушка была не на шутку взволнована, она остановилась, крепко сжав его руку, словно рассчитывая на поддержку мужчины. – Пожалуйста, поговори снова! Попробуй еще раз! Мы должны донести до Павла Петровича, что театр нужен городу! Не только мне, а жителям, всему Донску, и приедем, и туристам – всем!

– Понимаю. Но мой отец... Ты же знаешь эту его манию. Он одержим сносом старых зданий и мечтает снести именно театр! В первую очередь, театр. Вообще-то, я не одобряю его строительное безумие, но тут он в чем-то прав. Я был там несколько раз: здание небезопасно, внутри деревянные перекрытия, они могут загореться. А если в театре пожар – погибнут люди, зрители! Двери узкие, будет давка, толпа не сможет выбраться, подумать страшно, что будет! Знаешь, как быстро выгорает зал? Не представляешь, насколько быстро: пара мгновений, и фьють – одни головешки! Кроме того, потолок может рухнуть. А если провалится крыша во время спектакля, тоже мало радости. И потом, на реконструкцию нужны деньги, отец сказал, расход солидный. Мэрия, даже если захочет, не потянет такую стройку, нужны спонсоры. А где найдешь в Донске спонсоров, хоть чуточку заинтересованных в театре? Они все пытаются работать с фабриками. Это приносит хорошие деньги. Мне кажется, правильнее построить новый театр в красивом, просторном здании, можно на берегу реки, у набережной. Как раз, как

предлагает отец. Было бы здорово!

Лиловые облака опустились ниже, все вокруг покрылось таинственной дымкой, заводские трубы скрылись в вечернем мареве, наступали сумерки. Луиза мечтательно улыбнулась, еще крепче сжала руку Артема и устремила взгляд куда-то далеко, за горизонт, где уже расчертили небо косые, будто в тетрадке первоклассника, полосы дождя.

– Вот, я все мечтаю, мечтаю... – прошептала она, – Мечтаю, чтобы вернулся Тонино. И чтобы он дал деньги на восстановление театра! Тонино столько сделал для Донска, театр был бы каплей в море среди других его благородных деяний!

– И что же сделал Тонино? Куда и почему он ушел? Живет себе припеваючи где-то в своей Европе? – ласково усмехнулся Артем, наклонился и поцеловал Луизу в висок, но девушка с досадой отстранилась, вырвавшись из его объятий.

– Думаешь, я не понимаю твоих вопросов? – обиженно надувшись, пробормотала Луиза. – Все прекрасно понимаю! Ты никогда, с самого детства, не верил в Тонино! Считаешь его кем-то вроде Деда Мороза, который существует только в новогодних сказках!

– А разве нет? Тонино – городская легенда. В каждом городе должна быть своя, это нормально, – миролюбиво откликнулся Артем, снова попытавшись обнять девушку, но она опять торопливо вырвалась, обогнала, схватила за руки и горячо проговорила:

– Нет, и еще раз, нет! Тонино существует! Существует по-настоящему! Слышишь?! Я знаю, я видела сны про него и чувствую, вот здесь чувствую, что он существует! – Луиза прижала руку к своему сердцу.

– Ладно, пусть существует. Где-то. Но сейчас его здесь, в Донске, нет, и потому вряд ли театр откроется к новому сезону, я только это хотел сказать.

Луиза молча шла рядом, понимая горькую справедливость его слов, а самого Артема вдруг охватило негодование, как если бы он ревновал ее к этому мифическому Тонино, о существовании которого в Донске говорили столько, сколько Артем себя помнил. Но верила, что Тонино – реальный, живой человек из плоти и крови, готовый в любую минуту бросить пачки купюр на разрушенный алтарь театра, одна только Луиза. Даже Сенечка, мечтатель Сенечка, – и тот не верил в существование Тонино!

Тонино считался благодетелем Донска, легендарным богачом из Италии, который якобы однажды, в незапамятные времена, оказался на берегу Донки, восхитился живописной речушкой, но увидел поблизости лишь бедную деревеньку с убогими домишками.

Как гласит легенда, он стоял в своем добротном дорожном костюме, сжимая в руках саквояж из крокодильей кожи, и смотрел на Донку, на почти неоновые лунные пятна, плескавшиеся на поверхности воды, – и не мог оторвать глаз от чудесного видения. Тонино решил, что прервет путешествие

и задержится подольше, мечтая окунуться в здешнее спокойствие, напитаться этой скромной красотой, чтобы увезти потом в Италию нежные, смутные отблески воспоминаний. Каково же было разочарование, когда узнал он, что ему не найти пристанища: поблизости нет ни одного дома, где можно остановиться достойному господину, ни даже постоянного двора или ночлежки. Да и города самого нет.

И тогда он принял решение возвести его: заложить улицы, построить дома, храмы и колокольни, а когда Донск принял привычный облик, Тонино выделил средства на первый театр, и театр тот стоит до сих пор.

Построили его на деньги итальянца Тонино или нет, но здание, старинное, в классическом стиле, и правда, вызывало в памяти Рим или Болонью. Трехэтажное, с белоснежными колоннами, с нарядной лестницей, – ныне ее ступени были выщерблены, разбиты, а кое-где, и вовсе, отсутствовали, – здание театра могло по-прежнему считаться достопримечательностью города. Сюда приходили с экскурсиями туристы, в основном, чтобы послушать городские мифы. Мифология города – отдельный вид искусства, культурная основа каждого места, погрузившись в нее однажды, ее уже невозможно разлюбить. Таинственный, порой пугающий, завораживающий фольклор придает шарм и оригинальность каждому городу, питает его живую душу, создает романтическую атмосферу и флер древности, а иногда дарит славу, которая победно шествует по планете, приукрашивая, тревожа, иска-

жая реальность и создавая современные сказки.

В Донске таких мифов было два: театр и заводская зона. И если первый справедливо мог быть отнесен к доброму и светлому, то заводская зона была окутана темными легендами, мрачноватыми тайнами и неразрешимыми загадками.

Впрочем, с театром тоже связана загадка: едва строительство было завершено и с успехом прошел первый спектакль, едва отгремел шквал аплодисментов и упал занавес, как Тонино уехал, пропал, исчез. По легенде: дал клятву, обещал вернуться, когда будет нужен Донску, – и не вернулся. Но иногда, еще в давние времена, бедняки Донска невесть откуда получали деньги, подарки, и считалось, что дарит их Тонино. Теперь подарки ушли в прошлое: бедных в городе не осталось, уровень жизни был достаточно высок, выше, чем в целом по стране, и никто более не нуждался в помощи богача. Никто, кроме самого любимого его детища, – театра, стойко отражавшего, не без помощи Артема, нападки всемогущего Павла Петровича, который только и ждал момента, чтобы пригнать шар-бабу, да ударить покрепче по молочнокремовому театральному боку.

Администрация города никакого интереса к искусству не проявляла и даже немилосердно поддерживала стремление мэра снести надоевшее здание с разбитыми окнами и покосившимися дверными проемами, где царили запустение и хаос, а ремонт стоил бы баснословных денег.

Луиза, напротив, жила надеждой, что однажды старое зда-

ние будет отреставрировано, придет день, поднимется тяжелый бархатный занавес и на сцене снова начнут играть пьесы. А вечерами у ступеней, как некогда прежде, станут толпиться люди, надевшие лучшие наряды: женщины в длинных вечерних платьях и мужчины в элегантных костюмах, ожидающие начала спектакля. А сама она, в компании Артема, будет смотреть на сцену из ложи бенуара, пытаясь прожить каждое мгновение, волшебное мгновение, пока длится театральная постановка.

Глава 3. За сигаретами

Домой Луиза вернулась поздно, Артем проводил ее до калитки, нежно поцеловал и отправился к себе – предстояло раннее дежурство. Он дежурил по утрам через день. А у девушки, наоборот, нежданно выдался выходной: дошколята отправились в музей за город в сопровождении родительского комитета, и она могла остаться дома, выспаться, отдохнуть, подготовиться к будущим урокам, посвятить немного времени любимому дневнику.

Однако, едва Луиза проснулась, как поняла, что подготовку к урокам придется оставить на вечер: солнце светило ярко, и неудержимо хотелось прогуляться, побродить по берегам реки, полюбоваться красотой лета, ведь оно в самом разгаре! Чудесный, волшебный июнь! Когда длинные светлые дни и короткие, почти такие же светлые ночи, теплые, тихие, нарушаемые лишь пением птиц и стрекотанием сверчков. Когда листья и трава еще не кажутся утомленными зноем, все вокруг дышит свежестью, юностью, жаркий июль еще не вступил в свои права, еще не ударили затяжные дожди августа, и природа, как и люди, наслаждается этим мимолетным счастьем. Приятная погода в Донске была редкостью, зимой тут морозно, летом излишне жарко, осенью и ранней весной – дождливо. Только май да июнь могли быть с гордостью названы «комфортными», и потому нельзя терять ни

минуты в такие дни, нужно спешно покинуть домашние стены и отправиться в зеленый храм, как Луиза про себя называла лесные просторы. Занятия в школах закончились, наступили долгожданные каникулы, остались экзамены у старшеклассников и подготовительные классы для малышей, у которых она и проверяла вчера домашнюю работу. А уже совсем скоро – отпуск, два месяца полной свободы, главный плюс в работе преподавателя! Торопливо позавтракав, Луиза вылила в раковину остатки кофе, – никогда не могла осилить всю чашку, – вымыла посуду, вытерла руки висевшим у раковины вафельным полотенцем, пригладила волосы, открыла дверь и спустилась с крыльца, намереваясь немедленно отправиться к реке. Берег Донки был ее любимым местом в городе, она могла бесконечно бродить по набережной, по заросшим травой и камышом отлогим склонам, любоваться на стремительно меняющееся темное зеркало, слушая легкое журчание там, где поток огибал замшелые валуны, приростившиеся на мелководе.

Но не тут-то было! Не успела девушка повернуть за угол, как до нее донесся оклик – Флора, тетка Луизы по матери, выглядывала из окна своей комнаты на первом этаже их деревянного двухэтажного дома. Она накрутила волосы на бигуди и еще не успела снять халат – всегда просыпалась поздно. Флора не работала, жила на свои сбережения, можно сказать, находилась на содержании у сестры и ее мужа. Впрочем, те не возражали, считая, что родственникам следует по-

могать, а Флора не пыталась их разубедить. Вообще-то, сказать по правде, звали ее вовсе не Флора, а Елизавета, но, став взрослой, она сменила паспорт, а вместе с ним – имя. Не хотела быть как все.

– Луиза! – крикнула Флора, перегнувшись через подоконник, и снова, повысив голос, – Луиза!

Девушка обернулась.

– Ты купила мне сигареты? Ты обещала.

– Ой, – Луиза смущенно прижала руку ко рту, – Прости, совсем забыла! Забегалась вчера.

– Вот, так всегда! Как только что-то нужно для любимой тетки – у тебя слишком много дел, – Флора вздохнула. – И не помнишь, что я находила время, когда ты была ребенком... Ну что ты на меня укоризненно смотришь! Я одинока, ни детей, ни семьи, ни карьеры, – имею право на плохой характер!

– Давай, схожу сейчас? Хорошо? Или почему ты не хочешь сходить сама?

Флора безнадежно махнула рукой, всем видом выражая оскорбленное достоинство и одновременно некую аристократическую ленность, свойственную жестам людей, давно не работающих и живущих в праздности.

– Ну, ты же отлично знаешь, – чуть театрально произнесла она, – Что я не желаю видеть Альберта. Зачем же спрашиваешь! Туда я точно не пойду, увольте. Поэтому либо тетка сегодня без сигарет, либо шустро дуй в магазин! Надо побыстрее, пока твоя мать на работе, она же не позволяет мне ку-

ритель. Впрочем, она мне ничего не позволяет, настоящий тиран. Узурпатор в юбке... Неронша, Каракалша, Калигулша!

– Просто она заботится о твоём здоровье, – возразила Луиза.

– А ведь сколько я сделала для нее, – вспыхнула вдруг Флора, погрузившись в её одной ведомые воспоминания, никто более не смог бы точно сказать, что именно Флора сделала для Натальи.

Совсем юной она покинула Донск, оставила сестру и родителей и отправилась на учебу в столицу, где прожила долгие, полные угрюмой печали годы и не обзавелась ни жильем, ни знакомствами, ни семьей. Луизе казалось, что Флора была слишком сложной, необычной, потому большой, внешний мир не принимал ее, словно выталкивал обратно, призывая вернуться в Донск. В Донске все было родным, знакомым, доброжелательным. Все жители – дети Донска, и он одинаково любил каждого, даже странных, немного чокнутых, как тетя Флора.

– И почему ты забыла купить мне сигареты? – плаксиво добавила тетка. Что такого важного случилось с тобой вчера? Опять куда-то перенеслась в пространстве? Или кого-то увидела?

– Нет, – Луиза покачала головой. – Работы проверяла, потом звонили родители. Сегодня же экскурсия у ребят, ты помнишь? Я рассказывала.

Флора покачала головой, она никогда ничего не помнила

и все, не относившееся к ней лично, нисколько не интересовало ее.

– Так вот, ребята уехали. Родители волнуются, вчера много звонили, задавали вопросы. Потом засиделась с дневником, писала о театре. Ты же знаешь, когда касается театра, я могу выпасть из жизни надолго! А совсем вечером пришел Артем, позже, чем обычно, я и не ждала его. Мы пошли гулять и как-то заболтались, давно не виделись, столько хотелось рассказать!

– Давно не виделись, целых два дня, – язвительно вставила Флора.

– Нам и это много, – рассмеялась Луиза. – Мы обычно каждый день встречаемся.

– Любопытно, что ты в нем нашла? Мне кажется, он тебе не подходит, – тут же заметила тетка. – Будь я молодой и такой красивой, как ты, ни за что бы за него не вышла! Впрочем, дело, конечно, твое. Ладно, так ты купишь сигареты? Можешь кофе еще захватить, тоже заканчивается. Учучу твою мать, что в доме должны быть запасы, – все бесполезно. Хозяйка она некудышная, как хорошо, что Витале до этого нет дела. Вот был бы у нее другой муж – тогда б узнала... Так ты идешь в магазин или нет? Сама я туда ни ногой, а сигареты нужны. Плохая привычка, но привычка, не могу без них, умираю, бросить никогда не поздно, вот только зачем? Все равно смысла в жизни нет и не будет!

Альберт владел небольшим магазинчиком через две ули-

цы от их дома, где продавал разные хозяйственные мелочи, по весне можно было найти рассаду и семена. И конечно, всегда в достатке красовались на прилавке пиво и сигареты, пользовавшиеся спросом у дачников, приезжавших летом погостить в Донске. Здесь не было ни моря, ни озера, и, тем не менее, царила характерная курортная атмосфера, медлительное спокойствие и расслабленность, городок был популярен среди туристов, отбоя не было от желающих провести отпуск на поросших камышом берегах Донки.

И почти все старожилы города, ну уж точно жители близлежащих кварталов, знали, что Альберт, невысокий пожилой армянин с седеющими коротко стриженными волосами и орлиным профилем, веселый, щедрый и приветливый мужчина в полном расцвете сил, уже много лет безнадежно влюблен в тетушку Флору, еще с той поры, когда оба жили на соседних улицах и были молоды и беспечны. Но Флора столь решительно отказывала поклоннику, что тот давно похоронил надежды, иногда даже подумывал связать себя священными узами с другой, но каждый раз откладывал решение вопроса, как нечто нежелательное, тяготившее душу. Сердце его все еще принадлежало Флоре, высокой, с рыжими кудрями, чуть длинным остреньким носом, всегда эксцентрично одетой и не менее эксцентрично выражавшейся, яркой, пожалуй, даже слишком яркой, женщине. Одинокой тетке Луизы, так и не встретившей мужчину, которого она сочла бы достойным себя.

– Я сбегаю, – быстро кивнула Луиза, понимая, что спорить с Флорой себе дороже, та еще в слезы может удариться, а сходить за сигаретами к Альберту – не более получаса, да и дорога приятная, она все равно собиралась прогуляться. Какая разница по городу или по лесу, лесную тропу можно оставить на вечер.

Луиза зашла в дом за сумкой и отправилась к Альберту. Началась ее прогулка спокойно и буднично, она пересекла улицу, поздоровалась с соседями, погладила сидящего у обочины пушистого домашнего кота, которому почему-то позволялось гулять одному, и повернула к площади. Ничто не предвещало причудливых поворотов судьбы, однако, когда девушка подходила к магазинчику, с удивлением увидела Артема, который сидел на завалинке в компании незнакомца.

Обычно на этой завалинке заседали местные пенсионерки: любительницы деревенских сплетен и горячие поклонницы доброжелательного и весьма зажиточного холостяка Альберта. Каждая в душе надеялась, что однажды именно ради нее он откажется от затянувшейся свободы, забудет безумства молодости и обретет драгоценное семейное счастье. Крепость оставалась неприступной, Альберт упорствовал и не сдавал позиции, а пожилые красавицы продолжали осаждать магазин. Но сегодня их не было.

Неожиданным появление Артема оказалось еще и потому, что ему положено быть на дежурстве, в другом конце города,

а пост свой он никогда не покидал без причины. Кроме того, незнакомцы, да еще такие, как этот, встречались у магазинчика нечасто. Он был выше, чем Артем, – видно даже когда они сидели, – шире в плечах, и вообще имел атлетическое телосложение, подчеркнутое полосатой футболкой: ее полоски красноречиво выгнулись на груди, превратившись из линий в дуги. Волосы и глаза у незнакомца были того цвета, который принято называть ореховым, и во всем его облике чувствовалось что-то нездешнее, возможно, тот самый лоск, которого так не хватало жителям Донска и которого в этом мужчине присутствовало – с избытком. Был ли он красив? Пожалуй, Луизе еще не приходилось видеть столь привлекательного человека, он будто вышел из кино, сошел с экрана в зрительный зал, подумала девушка. Только там, на плоской белой поверхности, и живут такие, как он: стройные, притягательные, с чарующими улыбками и теплым уверенным взглядом. Обладатели шарма, их можно смело назвать идеальными. Да, все так и было: незнакомец казался идеальным.

Луиза, никогда не проявлявшая сколько-нибудь заметно го интереса к представителям противоположного пола, привыкшая не замечать никого, кроме Артема, против воли засмотрелась на неизвестного мужчину, недоумевая, что делает он здесь, на завалинке у магазинчика Альберта, да еще в компании ее жениха! Из задумчивости вывел оглушительный рев мотора, визг тормозов, грохот, душераздирающий сигнал клаксона автомобиля и перекрывавший все это крик:

«Осторожно!»

Девушка рванулась в сторону, сердце сжалось от внезапного испуга и, обернувшись, увидела, как мимо на полном ходу пронеслась на своем грузовике Алла – молодая женщина, работавшая, к удивлению многих, водителем и привозившая товары в магазин Альберта. Грузовик, захлопав брезентом на кузове, как птица крыльями, скрылся за поворотом и умчался вдаль, и, когда пыль, поднятая колесами, улеглась, а Луиза пришла в себя, Артем и незнакомец уже шагали ей навстречу. Оба улыбались и, казалось, совсем не испугались за девушку.

Луиза смотрела на них, широко раскрыв глаза от изумления, наконец, Артем понял: с его невестой что-то не так, девушку била дрожь, лицо побелело. Он мгновенно оказался рядом, обнял за плечи, обеспокоенно заглянул в глаза.

– Привет, дорогая! Как здорово, что я тебя встретил! У меня хорошие новости. Но почему ты дрожишь? Тебя что-то напугало?

– Грузовик, – все еще дрожа, прошептала Луиза, – Грузовик Аллы! Она чуть не сбила меня!

– Грузовик? – на лице Артема отразилось недоумение. – Почему Алла все время гоняет по городу, надо поговорить с ней! Тут и ребенок может под колеса попасть, дети играют на улице, особенно летом!

– Она сигналила, кричала мне! – Луиза побледнела еще больше, девушка пристально вглядывалась в лицо Артема,

чтобы понять, не разыгрывает ли он ее. Он что, не видел? Ведь это случилось прямо здесь, только что! Но, заметив растерянность и недоумение в его глазах, печально вздохнула.

– Ладно, забудь. Я не спала почти всю ночь, почему-то не могла уснуть, наверное, мне привиделось. Сплю на ходу...

На лице Артема мелькнула легкая улыбка, девушка угадала его мысли: она опять придумала что-то, какую-то захватывающую историю, он считает ее фантазеркой, вот-вот предложит стать писательницей! Артема это умиляет и забавляет, кажется очаровательным и трогательным, но Луиза хорошо понимает, что ей совсем не смешно: неужели, она и правда живет в своем мире и не может отличить иллюзию от реальности? Был ли тот нож, улетевший в небо? Была ли на самом деле маленькая сморщенная зеленая женщина, завернутая в водорослевую ткань, стоявшая на болоте и неотрывно смотревшая Луизе прямо в глаза? Смотревшая тяжелым, нездешним, взглядом. Или она приняла в сумерках поросший мхом пенек за существо из другого мира? Но как может пенек так смотреть? Умно, внимательно и пугающе? Был ли грузовик, летевший прямо на нее? Грузовик, которого не видел Артем. И этот привлекательный незнакомец: он с интересом разглядывает ее, приветливо улыбается, в его ореховых глазах нет ни тени смущения... Похоже, и он не видел грузовик!

– Луиза, знакомься, это Марк, – представил между тем Артем, – Марк, это Луиза – моя невеста.

– Рад познакомиться, Луиза, – незнакомец, которого Артем назвал Марком, приветливо наклонил голову и улыбнулся. – Я знаю Артема всего-то несколько часов, но он успел столько про вас рассказать! В основном, восторги, разумеется. Если бы все мужчины так относились к своим женщинам, мир, несомненно, стал бы лучше. Но это редкость, к сожалению.

– Благодарю, – Луиза тоже кивнула, чуть церемонно, разговоры с незнакомцами всегда заставляли ее теряться. – Вы тоже служите в полиции?

– Нет, – Артем рассмеялся. – Папа попросил меня привезти Марка в Донск и поводить по городу. Марк – актер. Да, дорогая, актер! И приехал он, потому что планирует играть в нашем театре. Папа дал согласие на восстановление здания. Представляешь? Я сам не мог поверить, но это факт! Мне кажется, Сенечка все-таки уговорил его. Ради тебя.

– Неужели! – глаза Луизы засверкали, она всплеснула руками и долго не могла произнести ни слова, а потом крепко-крепко обняла Артема за шею, спрятав раскрасневшееся от радости лицо у него на груди. Осторожно взглянула на Марка, все еще прижимаясь щекой к плечу Артема.

– Актер! Надо же! Вы, и правда, актер, и правда, будете играть в театре?

– Очень надеюсь. Мне понравился Донск, живописная речка, симпатичный городок. И здесь такие милые люди, я уже успел в этом убедиться. Кроме того, о Донске ходят ле-

генды. О вашем отношении к животным, о социальной политике. Хотелось увидеть самому, познакомиться поближе.

– Да, все благодаря администрации, – Луиза кивнула. – Так и есть! Но об этом лучше расскажет Артем или сам Павел Петрович. Кому знать, как не ему! А я просто так рада, что снова будет театр! Вы даже представить себе не можете, как я рада! Когда ожидается, здание будет отремонтировано?

– Об этом лучше расскажет сам Павел Петрович, кому знать, как не ему! – забавно передразнивая девушку, откликнулся Марк. – Ну ладно, ребята. Приятно познакомиться, теперь оставлю вас вдвоем. Артем показал все, что нужно. Поброжу еще немного по городу, потом домой.

– А на чем? – удивленно спросила Луиза. – Если Артем останется здесь? Автобусов сегодня нет, а такси в это время занято обычно ... у нас плоховато с транспортом. Пусть лучше он вас отвезет.

– Не беспокойтесь, прекрасная дама, – Марк театрально поклонился. – Я справлюсь.

– И как же доберетесь? Пешком-то далекоовато...

– Доеду на одном из местных грузовиков, – он весело и как-то заговорщически, можно даже сказать с некоторой фамильярностью, вдруг подмигнул ей, заставив девушку похолодеть от внезапного, волной накатившего страха. Он издевается над ней? Смеется над ее видениями? Или он тоже видел грузовик? Это было так отчетливо, так реально... неуже-

ли, она сходит с ума!

Но она не решилась спросить, да и не успела: повернувшись, Марк уже шагнул по дороге, насвистывая веселенькую мелодию. Луиза взяла Артема за руку и повела в магазин, она чуть не забыла из-за случившегося, что обещала тетке купить сигареты. Флора была очаровательной женщиной, но за малейшую оплошность могла сжить со свету кого угодно, даже любимую племянницу.

– Откуда у твоего отца появились деньги на театр? – Луиза настойчиво потянула Артема за рукав, призывая посмотреть ей в глаза.

– Говорит, дал Тонино, – неохотно откликнулся Артем. – Да кто его разберет на самом деле, милая? Думаешь, отец посвящает меня в финансовые вопросы? Может, из бюджета выделили, может, нашел спонсора.

– А что если, и правда, дал Тонино? – высоко поднимая ногу, чтобы не споткнуться о порог, спросила она.

– Может и так, главное, лишь бы театр восстановили! Да? – Артем наклонился и поцеловал девушку.

– Так, конечно, так, – прошептала она, но не успела ничего добавить, потому что со словами «А, голубки! Ну заходите, заходите!» Альберт появился из-под прилавка.

Глава 4. О мышах и людях

Сенечка уже два часа пропадал в социальных сетях, и Меланью это смущало. Женщина здравомыслящая, она понимала, что подобным грешат все современные дети, но ей непереносимо сильно, немислимо сильно хотелось узнать, чем интересуется сын, что читает, смотрит, и почему в плоском мире, ему лучше, чем с родной матерью.

Она, чтобы отвлечься от назойливых мыслей, прибралась на кухне, загрузила посуду в машинку, ответила на пару рабочих сообщений, полила цветы, не забыв добавить в воду удобрения для кактусов, капризных, в таком-то климате! Они привыкли к жару пустыни, к иссушающему зною и песчаной почве, каково им в Донске, с его постоянным дождем и ветром! Горшки с комнатными растениями занимали в кухне Меланьи широкие, массивные подоконники, а также весь балкон, на котором она не первый год пыталась разбить зимний сад. Успехом ее стремления не завершились, говорят, в счастливых семьях цветы растут плохо, куда лучше там, где живут раздоры или царствует одиночество. Растениям нужно подбадривать, утешать, а кого утешать здесь, в этом доме? Не Павла же Петровича? Меланья вздохнула. Она любила цветы и сокрушалась, что никак не удастся добиться успеха на поприще растениеводства. Потом, не выдержав борьбы с любопытством, заведомо безнадежной, вошла в комнату

мальчика, ласково потрепала его по волосам и, опустившись рядом на уголок дивана, где с телефоном в руках возлежал Сенечка, осторожно спросила:

– Сынок? Сенечка, ты слышишь меня?

Тот наконец оторвался от экрана, удостоил мать взглядом, торопливо кивнул и уткнулся обратно.

– Что ты там все смотришь? – с ласковой улыбкой спросила она. – Мне тоже покажи!

– Разное, – неохотно откликнулся Сенечка. – Тебя, например, смотрю. Поставил сегодня три лайка и даже написал комментарий.

– Вот как? – Меланья наклонилась и поцеловала сына в макушку. – И к чему комментарий?

– К фотографиям с последнего показа.

– Тебе, правда, понравилось? – с неподдельным интересом спросила она.

– Неплохо, – Сенечка сдержанно кивнул. – Фотографии красивые. Одежда тоже ничего, хотя я мало понимаю. Но вроде здорово.

– Спасибо, – Меланья поднялась. – Твоя поддержка мне очень важна. Артем с папой даже не потрудятся посмотреть мои работы! А кто порадуется, если не семья, правда? Надо будет вас пригласить на следующий показ, тебя обязательно. Раньше считала, ты еще ребенок, а ты уже взрослый, так ведь? Но, прости, дорогой, не поверю, что все два часа ты разглядывал мои фото, даже если они прекрасны.

– Ну, еще в игру одну сыграл, со Славиком, – неохотно признался Сенечка.

– А раньше мы во все игры играли сами, без телефона, – тут же добавила Меланья.

– Потому что телефонов у вас не было, – Сенечка отложил аппарат и поднялся. – Только такие, большие, где круг крутить надо, чтобы номер набрать. Видел в музее, когда со школой ездили. Ладно, меня ребята на речку зовут. Если считаешь, что лучше играть на улице – пойду. Если нет, останусь дома. По мне так дома лучше. Кино посмотреть можно.

– Нет, на улице лучше! В мое детство нас домой было не загнать, помню мама все кричала, кричала из окна, чтобы мы с братом домой шли, а мы делали вид, что не слышим! Старались уходить подальше, чтобы и правда не слышать. А вы только и делаете, что сидите в комнате перед экраном. Если не перед телефоном, так перед телевизором, – Меланья вздохнула. – Давай, пользуйся, что у тебя каникулы, и проводи их правильно. На речку – так на речку. Много только не купайся, простудишься. И поосторожнее, далеко не заплывай, течение сильное. Помнишь, в прошлом году двое утонули. Один мужчина полез спасти другого, но не вытащил, унесло обоих. В мае было, когда Донка полноводная. Сейчас, конечно, спокойнее, но мало ли, природа – вещь коварная, с ней надо без панибратства.

Сенечка понуро кивнул: мать каждый раз говорила одни и те же слова, как если бы он был совсем глупым или совсем

ребенком, и он наперед знал, что она скажет дальше. Как наперед знал, что ждет его во время прогулки.

Он быстро переоделся, телефон сунул в карман, не хотел разлучаться с аппаратом надолго. Они с Меланьей вместе вышли из подъезда: мать собиралась на фабрику. А Сенечка тут же встретился со стайкой мальчишек, и они отправились туда, где Донка поблескивала серебром сквозь зеленую гущу листвы.

Совсем близко от берега располагались старые деревенские дома, застройка, сохранившаяся еще со времен Тонино (Павел Петрович давно порывался их снести). Но часть строений представляла историческую ценность, а снести два-три и оставить остальные – нет смысла. И потому дома кособоко ютились на высоком берегу, своим видом поднимая бурю эмоций в душе городского начальника, и в самом старом из них, в коричневой избе, ближе к тропинке, по которой шли мальчишки, – жила тетя Поля. Сенечка знал, что сейчас она сидит на скамейке у калитки, поджидает его, и малодушно хотел пойти другой дорогой, обогнуть, не встречаться с ней, – но пересилил себя и решил не сворачивать с намеченного пути из-за какой-то сумасшедшей старухи.

Предчувствие не обмануло: тетя Поля в стареньком платье, черном, с оранжевыми цветами, сидела на скамейке, голова ее была повязана таким же цветастеньким платком, из-под которого выбивались седые пряди. Она крутила в руках только что сорванную травинку, подергивала ногой и, напря-

женно прищурившись, следила за дорогой. Едва на ней показалась вереница мальчишек, тетя Поля с удивительным для ее возраста проворством поднялась и подошла к калитке.

– Здравствуйте! – дружно приветствовали ее мальчики.

– Здравствуйте, здравствуйте, – тут же откликнулась женщина. – Купаться пошли? Молодцы, будьте осторожнее!

– Будем, – вежливо ответил Славик, Сенечка промолчал. Он хотел было ускорить шаг, но тетя Поля уже выхватила его из толпы цепким взглядом и поманила рукой. Неохотно, он приблизился к забору.

– Да, тетя Поля? – еле слышно спросил, – Что?

– Все о том же я, Сенечка, все о том же, – доверительно прошептала она ему прямо в ухо, перегнувшись через колья, – Только ты и можешь помочь. Для меня без Карлсона жизни нет. Лишь он один и был у меня. С тех пор, как умер сын, как умер муж... Одна я, а знаешь, малыш, как плохо одной? Не знаешь, и не дай Бог тебе узнать! А ведь Карлсон – не просто мыш, нет! Он все понимал, с ним поговорить можно... Помоги мне, а? Вытащи его оттуда... Как подумаю, что с ним сделают, – так и не сплю всю ночь, лежу и смотрю в потолок. Кажется, свою бы жизнь отдала, только бы с ним все хорошо было. Поможешь?

Она с надеждой взглянула на него выцветшими глазами, окруженными белесыми ресницами и плотной сеточкой глубоких морщин.

– Тетя Поля, – Сенечка с досадой вздохнул, он ненавидел

отказывать, но у него не было выхода, – Ну вы ведь взрослая, все должны понимать. А что говорите! Как я вам помогу? Я же ребенок!

– Потому тебе будет легче пробраться на заводскую территорию, дети маленькие и шустрые, – тут же возразила теть Поля. – Ты мальчик умный, справишься. А если поймают – ничего не сделают. Ты ребенок, ты сын мэра и хозяйки фабрики. Другому, может, и досталось бы – а ты ничем не рискуешь.

– Да мама меня убьет за такое! И папа тоже! Нет, тетя Поля, мы вам сочувствуем, но на фабрику не полезем, – Сенечка покачал головой. – Там опасно, разве не знаете?

Он отошел от забора и поспешил за товарищами.

– Опять она за свое? – понимающе кивнул Мишка, Сенечка не ответил. Мишка и не ждал ответа, сам понял. Мальчишки сбежали вниз, к реке, скинули одежду и бросились в воду, те, кто приехал на велосипедах, сначала аккуратно прислонили к деревьям свой транспорт, чтобы не упал. А Сенечка опустился на траву и снова вздохнул. В душе ему было жаль тетю Полю, но ведь то, о чем она просит, – и правда, опасно. Отец и мать строго-настрого запретили даже приближаться к закрытой зоне завода. Сенечка не был трусом, напротив, хотел стать героем однажды, мечтал о подвигах, жаждал проявить отвагу. Но рискнуть всем, включая собственную жизнь, стоило ради великой цели. Ради спасения мира, победы добра. За Родину, в конце концов. А тут –

вытащить из клетки какую-то мышь! Да и неизвестно, там ли она. Может, тетя Поля все придумала. И кто знает, сколько на заводе мышей, как он поймет, какая из них – Карлсон? Да и вообще, просить детей рисковать жизнью ради мыши – за гранью добра и зла, решил Сенечка. Он еще раз тяжело вздохнул, – на его долю не выпало настоящего подвига, время героев и рыцарей ушло безвозвратно, – и последовал примеру товарищей: стянул джинсовые шорты, футболку, прыгнул в ласковую воду любимой реки. Ему хотелось поскорее забыть умоляющие глаза тети Поли, безобидной в общем-то старушки, всегда угощавшей ребятню конфетами, а иногда рассказывающей занятные байки о прошлом. Почему-то Сенечка верил: в отличие от фантазий Луизы, поведенное тетей Полей, – правда. Просто горе заставило женщину потерять рассудок и считать, что Карлсон не сбежал от хозяйки, а был похищен таинственными заводскими агентами, которые выкрали мышонка и проводят над ним чудовищные научные опыты. И где, в Донске! Там, где подобное не то, что случиться не могло, а даже вообразить такое невозможно! В Донске любой ребенок знает: природу нужно оберегать, защищать, а животные, – и мыши тоже, – свободны от рождения и нельзя причинять им никакого зла.

***

Луиза уже простилась с Артемом и быстрым шагом возвращалась домой, чтобы вручить сигареты не любимшей ждательнице, когда ее окликнула Алла. Молодая женщина,

одевая в широкие джинсовые штаны и клетчатую рубашку, потертую на локтях и своим видом намекавшую, что ее хозяйка одевается уж точно не в доме моды Меланьи Красавиной, стояла на другой стороне улицы и приветливо махала рукой. Сколько Луиза себя помнила, Алла всегда выглядела так, словно хотела подчеркнуть, что она – водитель грузовика, а не просто «какая-то тетка», и, будьте любезны, обращаться с ней соответствующе!

– Луиза! Привет! – крикнула она, и уже громче, понимая, что девушка не слышит, – Луиза! Луиза!

Та остановилась, встрепелулась и, наконец, увидела Аллу.

– Привет! – на губах Луизы мелькнула улыбка.

Алла перешла дорогу и остановилась рядом.

– Кричу, кричу, а ты не слышишь, – рассмеялась она. –

Опять замечталась что ли?

Луиза, виновато вздохнув, махнула рукой.

– Прости, ничего вокруг не вижу. Последнее время устаю очень: почему-то не могу спать. Ложусь – и не сплю всю ночь. Может, нервное. А теперь, вот, иду – и дремлю на ходу. Представляешь, что сегодня было! Пошла за сигаретами для тети, в магазинчик Альберта. И когда уже подходила, заснула. Днем, наяву! Можешь, такое представить? И знаешь, что приснилось? Будто ты едешь на меня на своем грузовике! Несешься на полном ходу! Чуть не задавила!

– Что значит, «приснилось»? – Алла нахмурилась, и ее темные густые брови, мечта любого визажиста, сомкнулись

на переносице. – Да если б я вовремя не свернула, я б тебя, и правда, задавила! Сигналила, как оглашенная! А ты опять в своих мыслях, не сразу заметила даже!

– Погоди, погоди! – на лице Луизы отразилось изумление, а губы округлились в букву «О», – Хочешь сказать, это было на самом деле? Ты мне сигналила?!

Алла уверенно кивнула.

– Но как же... Ведь Артем не видел тебя. Он был там, прямо у входа. И спросил, какой грузовик. Почему он не видел тебя?

С легкой улыбкой Алла пожалала плечами, развела руками. «Понятия не имею», говорил ее жест, но выглядел он комично, и Луиза растерянно улыбнулась.

– Надо же, – произнесла она взволнованно, – Сплошные тайны! А обычно в Донске так спокойно!

– И какие же это тайны?

– Сигареты тети, которые она прячет от моей мамы... История с призрачным грузовиком. И да, театр! Его же будут восстанавливать, ты знаешь? Говорят, деньги дал Тонино! Я все время думаю о нем...

В ответ Алла презрительно хмыкнула.

– То, что я привожу в магазин Альберта продукты на грузовике вот уже три года – ни для кого не тайна. И о том, что тетя Флора курит, знают все. Включая твою маму и отца. Про театр сегодня напечатали в газетах, на первой полосе. Что до Тонино... почему ты думаешь о нем?

– Никто на самом деле не знает, существует ли он! Никто в него не верит, как в того аиста, приносящего детей. А если он существует, почему его никто ни разу не видел? Разве это не тайна?

Несколько секунд Алла с улыбкой смотрела на Луизу, помедлив, прежде чем ответить. В темной глубине ее глаз мелькали лукавые огоньки, вызывающие в памяти блуждающие огни на болотах, – то вспыхнут, то исчезнут без следа.

– Почему никто не видел? Вот хотя бы ты. Ты его и видела!

– Я? – Луиза тихо рассмеялась, прижав руки к груди. – Ты шутишь что ли! Когда я могла его видеть?

– Не далее, как сегодня.

– Как такое могло быть? – Луиза удивленно уставилась на женщину, ей начало казаться, что Алла разыгрывает, смеется над ее мечтательностью и романтической наивностью. Сначала про призрачный грузовик, теперь про Тонино! Луизе с детства казалось, что многие смеются над ней, над ее фантазиями, и, в общем-то, казалось справедливо. Уже потом, когда она выросла в красавицу, да стала невестой сына мэра, смешки прекратились, но пересуды за спиной остались, посмеивались и над причудами ее отца, и над эксцентричностью тетки, и над нерасторопностью матери. По-доброму, без обид, но все равно это заставляло девушку чувствовать, будто она чужая, незваная гостья, случайно оказавшаяся среди незнакомого племени. Люди и были незнакомым племенем, мостик к которому она упорно пыталась проложить уже

столько лет, но он все еще оставался хрупким, ненадежным, словно сплетенным из травинок, готовых рассыпаться в любую непогоду.

– Помнишь, когда я тебя чуть не задавила, Артем разговаривал у магазина с молодым человеком? С таким симпатичным? Это и был Тонино.

– Нет, – Луиза покачала головой. – Ты еще большая фантазерка, чем я! Артем сказал, что он актер. Его зовут Марк, и он приехал в Донск, чтобы посмотреть театр.

– Он актер. И прекрасный актер, – согласно кивнула Алла. – Но он – Тонино. Я знаю его, знаю близко. Хочешь, приходи сегодня вечером на площадь. Отведу тебя к нему. Он ждет тебя.

– Что?! – это было последнее, чего ожидала Луиза. – Почему он меня ждет?

– Приходи вечером, и узнаешь, – загадочно улыбнулась Алла.

По дороге домой Луиза никак не могла понять, что произошло утром и что теперь следует делать. Словно сомнамбула вошла во двор, проскользнула мимо крутившегося у телескопа отца, поднялась по ступенькам на крыльцо, протянула пачку сигарет стоявшей там тетке, молча кивнула в ответ на ее слова благодарности, чтобы избежать диалога, который Флора уже готовилась начать, и ушла в свою комнату. Там, в маленьком мирке, в неприступной башне одинокого замка, отвоеванного у всего человечества, где она, наконец,

могла остаться наедине с собой, Луиза опустила на кровать и прижала руки к вискам. Вот оно, началось! То, чего так боялась мать, то, о чем с ужасом думала она сама. Ее жизнь теряет управление и превращается в опасное приключение, именно так: ее тянут в более чем сомнительную авантюру, и кто, Алла! Казалось бы, самая прозаичная и понятная из всех женщин Донска! Ладно бы тетя Флора! Но Алла! Зачем ей? И главный вопрос: надо ли куда-то идти вечером? Говорить ли Артему? Сердце подсказывало, что Артему лучше не говорить, и не только потому, что он не одобрял фантазии Луизы. Но и потому, – и в этом девушка никогда не призналась бы даже себе, – ей хотелось встретиться с Тонино наедине. Без Артема. Луиза понимала, что любит жениха. Так, как любят друга детства, как любят первого возлюбленного, как человека, с кем собиралась связать жизнь. Но знала, что всегда любила и Тонино. Любила так, как любят героя, кумира, нечто недоступное, как любят прекрасную мечту, которой не суждено воплотиться в жизнь.

Да, этой мечте не суждено сбыться, она кажется фантастической, но это произошло! Тонино появился, вернулся в Донск, вопреки всем легендам! И он оказался не уродливым стариком, как можно было бы ожидать, учитывая годы его странствий, но молодым красавцем, веселым, обаятельным, который чрезвычайно располагал к себе, и эта мысль заставляла сердце девушки биться чаще.

Она с трудом смогла дождаться, когда наступит вечер, на-

дела длинное летнее платье, расчесала волосы и даже подкрасила ресницы, – дрожащие пальцы с трудом удерживали щеточку, – сказала родителям, что пойдет прогуляться, и написала Артему, чтобы сегодня не приезжал. Впрочем, тот и не собирался, он слишком устал за день, показывая Марку окрестности, потом торопился обратно на работу и теперь хотел побыть дома. А может, Мел опять испекла «блинчики-пальчики-оближешь»?

Луиза вышла из дома, вдохнула вечернюю прохладу, чувствуя, как пылают от волнения щеки, как бьет ее дрожь, с которой не совладать. Уже стемнело, когда она дошла до площади с фонтаном, где договорилась встретиться с Аллой. Луиза надеялась, что та не придет, но женщина ждала ее, она была в той же одежде, только накинула сверху темную кожаную куртку в заклепках. Едва Луиза приблизилась, как Алла, не говоря ни слова, деловито взяла ее под руку и потянула за собой. Они свернули в переулок, потом в другой, в третий, пока не оказались в ничем не освещенном дворе, и Луиза растерянно огляделась по сторонам. Она несколько раз споткнулась и хотела спросить, правильно ли они идут, но Алла шла уверенно, не оставляя места сомнениям.

Наконец, женщина остановилась напротив дома с заколоченными ставнями, угрюмо глядящего на прохожих пустыми глазницами окон. Даже если бы очень захотела, Луиза не смогла бы представить более неудобного места, и она невольно сжалась от страха, почувствовав, как по всему телу по-

бежали мурашки, а в душе зародилась уверенность: Алла разыгрывает ее! Она не зря так улыбалась сегодня, когда говорила про Тонино! Да она смеется над ней! Странно, что до этого дома не дотянулись руки Павла Петровича, он так и просится под снос! Не в этом ли причина розыгрыша? Но она всего лишь невеста сына мэра, даже не самого мэра. Как может повлиять, остановить процесс реновации? Луизе шутка показалась жестокой и неуместной.

– Это здесь, – между тем твердо произнесла женщина.

– Но дом заколочен, Алла! – Луиза выдернула руку. – Тут никто не живет! Ты решила разыграть меня?

– Идем! – Алла нетерпеливо пожала плечами, – Какая ты беспокойная. В жизни бы не связалась с тобой, если б он сам не попросил привести тебя!

Она сильно толкнула калитку, прошла внутрь, и Луизе ничего не оставалось, как последовать за ней. Не стоять же здесь, один на один с жуткой темнотой!

Алла вошла в дом, дверь была не заперта. Луиза оказалась в маленькой тесной прихожей, после чего Алла распахнула следующую дверь, в комнату. Несмотря на отсутствие света было видно, что здесь никто не живет: комната выглядела грязной, балки потолка обвалились, и Луиза начала опасаться, что вот-вот прямо им на голову рухнет и сама крыша. Но Алла, переступая через эти почерневшие балки, бодро шагала вперед, пока наконец не отворила дверь в следующую комнату, оказавшуюся просторной залой. К удивлению

Луизы, ярко освещенной. Зала напоминала дворцовую, об этом говорили и тяжелые канделябры, и мебель в стиле ам-пир, а возле кресла, весьма напоминавшего трон, стоял актер Марк. Или, как его назвала Алла, – Тонино. Прекрасный незнакомец, благодетель Донска.

Он обернулся, и Луиза не могла не восхититься тем, как хорош он был в свете свечей, в темных джинсах и расстегнутой у ворота кипенно-белой рубашке, рукава ее были закатаны, обнажая крепкие загорелые руки. Увидев вошедших, он улыбнулся.

– А, Луиза, добрый вечер, – голос его звучал почти ласково. – Вы молодец, что все-таки пришли к нам.

– Здравствуйте, – еле слышно прошептала девушка.

– Знаю, Алла рассказала обо мне, – он снова улыбнулся. –

Рассказала, кто я.

Луиза кивнула, она потеряла дар речи, не могла подобрать слов и лишь смотрела на него, широко раскрыв глаза. Тонино столько лет был ее кумиром, но никогда она и мечтать не смела, чтобы стоять рядом, говорить с ним, и, конечно, не ожидала, что он окажется таким красивым!

– Спасибо, что помогли театру, – еле слышно выговорила она.

– Не благодари, – он приблизился, осторожно взял ее за руку, отчего девушка вздрогнула и покрылась мурашками, и подвел к столу. Луиза с удивлением увидела лист ватмана, на котором тушью и акварелью был нарисован проект будущего

здания. – Вот таким оно будет однажды. И ты, конечно, получишь приглашение на премьеру. Ты должна быть там, когда поднимется занавес! Ведь ты ждешь этого больше всех! В Донске нет никого, кто любил бы театр столь сильно! Знаю об этом от Аллы, она мой хороший друг.

Луиза подняла засиявшие глаза, а Тонино продолжил, в его голосе девушка услышала вдохновение и неизбывный энтузиазм:

– Будет чудесно, когда в этом здании снова засияют огни, когда люди Донска соберутся, чтобы увидеть волшебство... Я делаю это для них. Для людей Донска. Потому что восхищаюсь ими и люблю их уже столько лет!

– Почему? – с удивлением спросила Луиза. – Почему вы восхищаетесь нами?

– Раньше я любил просто эти земли. Донку. Ее берега. Но прошли годы, город изменился, изменились люди. И теперь мне нравятся ваши законы. Ваша любовь к природе. Вы не похожи на других, так ведь?

– Ах, это! – девушка приглушенно рассмеялась, – Да, это есть. Но мы настолько привыкли, что не замечаем... Для нас это просто мелочь, повседневность.

– Присядь, – с этими словами Тонино указал на обитое бархатом, старинное кресло, а сам опустился в кресло напротив. Движения его были уверенными и элегантными, но он же актер, привык двигаться на сцене, как может быть иначе!

Девушка послушно села и, оглядевшись, заметила вдруг,

что Алла куда-то исчезла. Теперь они были вдвоем, от этого сердце ее, казалось, совсем перестало биться.

– Расскажи мне, – мягко попросил он. – Расскажи об этом.

Луиза помялась, пожала плечами, она не знала, с чего начать, о чем именно он хотел бы услышать, но Тонино внимательно смотрел на нее своими пронзительными глазами цвета темного ореха, и ей пришлось заговорить.

– Началось с прошлого мэра... Еще до Павла Петровича. Алексей Андреевич, его звали, Соколов. Хороший человек, увлеченный. Очень любил природу. Животных, растения. Следил, чтобы мусор на улицах не бросали. Среди школьников проводил уроки естествознания, сам водил их деревья сажать... Многие, что растут по берегам Донки, как раз высажены этими ребятами. И животных любил. Первым сказал, что домашним животным не место на улице, а собакам не место на цепи. Начал строить для них приюты. Я тогда маленькая была. А потом пришел Павел Петрович и продолжил дело Соколова. Но по-своему, с большим усердием. Запретил все зоопарки, цирки, любые развлечения с животными. Приюты благоустроил, потом всех по домам раздал. Меха носить запретил. Создал фабрику, где стали все делать из искусственного меха. Жена его, Меланья, стала дизайнером, она продвигала эти идеи, где только можно. И за пределами Донска тоже. Одежда стала популярной, многие хотели ее носить. Вот так все и произошло. Теперь Донск другой, здесь нет того, что можно встретить в других местах. Нет

скотобоен. Нет ферм, где откармливают животных на убой. Ничего такого нет.

– А что ты сказала про цирки и представления? – с интересом переспросил Тонино. – То есть, театр ты любишь, а цирк нет?

Луиза растерянно подняла на него глаза, побледнела, потом уставилась в пол, не зная, какого ответа он ждет. Ей было страшно, как бывало нередко ее младшим ученикам, когда их вызывали к доске и каждый боялся сморозить какую-то глупость. А после краска прилила к щекам, как если бы ей вдруг стало жарко, и девушка удивленно прошептала:

– Так ведь стыдно...

– Что «стыдно»?

– Стыдно ходить туда, – уже твердо ответила она. – Мне было бы стыдно. И жителям Донска, всем, стыдно. И дико. А вам разве нет?

Он с улыбкой пожал плечами:

– В Средневековье считалось отличным развлечением пойти на казнь. Посмотреть, как людей вешают, как рубят головы. Почему бы сейчас не пойти в цирк, посмотреть на животных, которых держат в клетках... Согласен, Луиза, человечество недалеко ушло от Средневековья. Не забудь про корриды и собачьи бои... Поэтому так сильно хотел приехать в Донск и помочь вашему театру. Поэтому помогаю городу уже столько лет. Потому что вы – не такие, как все. У вас есть совесть, есть стыд. Вы не первобытны.

Девушка доверчиво улыбнулась.

– А почему вы решили позвать сюда меня? Да еще вечером? Алла сказала, что вы звали именно меня.

– Чтобы ты убедилась, что я существую. Ты же вроде говорила, что Тонино – иллюзия, выдумка. Но вот я стою перед тобой, настоящий, из плоти и крови, – он протянул руку и коснулся ее обнаженного локтя, как если бы хотел доказать, что он материален и обладает плотностью, но Луиза против воли снова вздрогнула, – И таким же настоящим скоро будет театр.

Луиза поднялась, подошла к столу, с интересом разглядывая проект. Она колебалась, не знала, сможет ли сказать то, о чем думала сейчас, сможет ли поделиться с ним... Но решилась.

– Знаете, – тихо произнесла она, как если бы речь шла о чем-то сокровенном, – Я все думаю... Есть же фабрика... И промзона, вокруг нее. Туда нельзя ходить. Запрещено. Даже Артем там ни разу не был, а ведь он служит в полиции, и он – сын мэра. Кто знает, что там?

– А что там может быть? – Тонино удивленно нахмурил брови, с интересом глядя на девушку.

– Хорошее не прячут, – ответила Луиза. – Я боюсь тех мест. Боюсь, что там – нечто злое. Очень злое. Ведь если оно ушло из Донска – оно должно появиться где-то...

– Брось, – Тонино рассмеялся. – Артем говорил сегодня, что ты большая фантазерка! И твои мысли про фабрику то-

же озвучил. Не волнуйся, милая Луиза, это всего лишь фабрика! Ничего больше. Зло ушло из Донска, рано или поздно оно покинет и Землю. Тогда все будет хорошо, для всех.

– Было бы здорово, – мечтательно произнесла девушка. Он приблизился, и Луиза почувствовала, что от волнения у нее подкосились ноги и закружилась голова. Она все ждала, что он скажет, что сделает, но он только молча смотрел на нее, заставляя трепетать от незнакомого прежде томления. Тогда она смутилась и торопливо пробормотала:

– Уже поздно. Надо идти. Спасибо, что встретились со мной. И спасибо за театр!

– Доброй ночи, Луиза, – он улыбнулся. – Алла ждет снаружи, она проводит тебя, чтобы ты не заблудилась. Помни, ты можешь приходить сюда в любое время, когда захочешь. Буду рад тебя видеть.

– Спасибо, – с изумленным восхищением глядя на него, прошептала девушка. – Спасибо! Доброй ночи!

Она вышла, почти выбежала, из освещенной залы и в темноте наткнулась на Аллу, ожидавшую ее.

– Небыстро ты, – недовольно буркнула та, после чего зашагала впереди, Луиза едва поспевала за ней.

– Мы просто немного поговорили. Тонино спрашивал про защиту животных в Донске, – попыталась оправдаться девушка. – Не думала, что это интересно, это так буднично, но он спросил. И мне пришлось рассказать то, что знаю. Спасибо, что подождала меня!

Алла не ответила. Молча они шагали сквозь ночь к дому Луизы.

Глава 5. Дневник Луизы

Всю неделю я думала о Тонино. О том, как он говорил со мной, о пустом доме, освещенном неожиданным ярким светом. Мне нравилось в этом мужчине буквально все: как он двигается, сидит, как говорит и что говорит, как он выглядит, как одет. Как поворачивает голову, как произносит слова! Не забываю и о том, что он сделал для Донска! Мысли о театре завораживают и наполняют душу неведомым ранее счастьем. Конечно, дорогой Дневник, ты можешь спросить, а как же Артем? Ведь я люблю, любила Артема... И я скажу, что это совсем другая любовь. Мы с Артемом знакомы с раннего детства, были приятелями, росли рядом, потом я превратилась из девочки в девушку, он стал ухаживать за мной. И все. Наши отношения изменились внешне, но по сути – остались прежними: Артем мой самый близкий друг, самый близкий человек. Бесценный человек. А Тонино, или Марк, как назвал его сам Артем... Здесь все иное. Волнующее, необыкновенное, он похож на яркую вспышку, на сияющую в небе звезду, до которой хочется дотронуться и все же – невозможно дотянуться. О чем бы я ни думала, что бы ни делала, мои мысли постоянно возвращаются к нему. Не знаю, считается ли это предательством, изменой, возможно, меня ждет божья кара, потому что лишь божьей карой могу объяснить все, что случилось после! Страшно даже думать,

не то, что писать, но все-таки, если напишу, станет легче, рассказать об этом все равно никому не могу...

Прошло около десяти дней, как Алла отвела меня к Тонино. Больше мы с ним не виделись, но я не могла найти себе места. Мне хотелось видеть его, слышать его голос, вслушиваться в каждое слово, говорить с ним! Слонялась по дому, не зная покоя, окончательно разучилась спать по ночам: так сильно стучало сердце. И наконец, решилась. Он же сказал, что могу прийти в тот дом в любую минуту и он будет рад, я буду желанной гостьей! Так ли плохо, если я просто приду повидаться? Загляну с вежливым визитом? Это ни к чему не обязывает! Не знаю, чего хотела, когда шла туда, скажу лишь одно: я не желала того, что случилось после. Даже в самом страшном сне не могла бы я представить и, тем более, захотеть подобного! Как вспомню, что я всему виной, – хочется пойти и броситься в Донку, иного выхода не вижу... Но обо всем по порядку.

Итак, я решилась. Поздним вечером накинула плащ, выпустила косу, провела помадой по губам, но не стала ни надевать новое платье, ни как-то иначе украшать себя. Понимала: это не нужно, это лишнее. Он либо примет меня такой, какая я есть, либо – не примет совсем.

Выскользнула из дома, ничего не сказав родителям: во дворе никого не было, удалось уйти незамеченной. Артем дежурил и не звонил в тот день. Словно какая-то сила, тайная, темная, беспощадная, гнала меня по ночным улицам. В

те мгновения думала, что могла бы пойти куда угодно, хоть ночью, хоть одной через лес и до края земли – если бы Тонино позвал! Но он не звал – а я все равно шла. Долго плутала в переулках, в темноте никак не могла найти дороги, ведь в прошлый раз я следовала за Аллой, а где находится заколоченный дом точно не знала. Но Донск – небольшой город, и я представляла пустырь возле того дома, представляла, где может находиться сам дом, и нашла дорогу. Сердце бешено стучало, когда вошла я во двор, поднялась по ступенькам, потянула дверь на себя. Вокруг никого, стояла тишина.

Едва коснулась ручки, как пронзила мысль, острая, будто бритва: правильно ли делаю, что иду туда? Может, не стоит ходить? Остановиться сейчас, пока не поздно?

Эта было предостережением, конечно, мне следовало развернуться, бежать домой! Но я прогнала назойливо стучавшую в голове, будто молоточком, мысль, и вошла внутрь. Как и в прошлый раз, переступала через упавшие балки, ощупью искала путь, пока наконец не остановилась перед заветной дверью. Сердце замерло. Что если там никого нет? Или еще хуже – что если я буду невовремя? Что если он не хочет видеть меня, не обрадуется мне? Что если для него я – лишь докучливая поклонница и не более?

Из-за двери послышалась музыка, наверное, он слушал что-то, но я уже не могла повернуть назад. Ведь там кто-то был, совсем близко от меня, и я проделала длинный путь по ночной дороге! Набрала побольше воздуха, распахнула

дверь... И обомлела. Ничего подобного уж точно не ожидала увидеть.

Зала сияла огнями, куда ярче, чем в прошлый раз, они отражались в сверкающем блеске покрытого лаком пола, и посреди стоял Тонино в черном парадном смокинге, он казался еще красивее, чем обычно. Во всем облике его было нечто торжественное, даже величественное, как если бы он был не просто человеком, не просто мужчиной, но королем над всеми людьми. Больше всего удивило, что он был не один, нет! Вся зала была до отказа заполнена людьми в вечерних туалетах, в нарядных костюмах, дамы в платьях в пол, расширенных блестками и перьями, мужчины в белых рубашках и при бабочках. Рядом с Тонино стояла высокая девушка, ее темные волосы были элегантно заколоты наверх и собраны под сияющей диадемой, лишь несколько локонов выбились из прически, завивались мелкими колечками, придавая очарование. Шею ее пересекала бархатная горжетка, украшенная бриллиантовым треугольником, ослепительно сиявшим даже в этой залитой огнями комнате. На девушке было черное платье, оголявшее руки, шею, плечи. Она казалась изящной и прекрасной. Девушка обернулась, и с изумлением я узнала Аллу. Никогда бы не подумала, что она может выглядеть так! Привыкла видеть ее в мужских штанах, в клетчатых рубашках и резиновых сапогах. Пораженная, почти шокированная, я застыла, и тут взгляды всех присутствующих обратились ко мне. В одно мгновение музыка смолкла. Почувствовала,

что готова провалиться сквозь землю: среди этой роскошной толпы я выглядела нелепо в простом плаще, накинутом на старенькое платье, в стоптанных плоских туфлях. Без макияжа и прически. Не зная, куда деваться от смущения, осторожно сделала шаг назад. Однако, к моему изумлению, лицо Тонино вдруг озарила улыбка.

– Луиза! – радостно воскликнул он, разводя руками, как если бы хотел немедленно обнять меня, как если бы только меня и ждал, – Это же Луиза! Как хорошо, что ты пришла! Какое счастье видеть тебя здесь, в нашей теплой компании! Иди же, скорее иди сюда!

Он поманил меня. С трудом переставляя ставшие ватными ноги, я сделала несколько шагов. И буквально повисла на его руке, он подхватил меня, иначе бы я упала. На лице Аллы, как мне показалось, мелькнуло еле заметное неудовольствие, но она тут же стала приветливой вновь. Очень быстро я забыла о ней: она смешалась с толпой, скрылась, а Тонино, бережно поддерживая меня за локоть, подводил все к новым и новым гостям, среди которых оказывались известные художники, ювелиры, актеры и певцы, музыканты, режиссеры, продюсеры и антрепренеры. И всем он представлял меня как давнюю знакомую, как хорошую подругу, мне оставалось только кивать и стараться улыбнуться, хотя, видит Бог, мечтала я лишь поскорее исчезнуть.

Оркестр заиграл вальс. Его звуки придали происходящему сказочную торжественность, и я почувствовал себя Зо-

лушкой, явившейся на бал без приглашения. Меня всегда удивляла эта сказка: разве может девушка прийти на бал, куда ее не позвали, да еще одна, без сопровождения? Поступок Золушки с детства казался мне чем-то непозволительным, недопустимым, почти преступным. И вот теперь, когда я сама пришла сюда, одна, по собственной воле, и попала на бал, куда меня никто не звал, понимала, что нельзя судить о Золушке прежде, чем наденешь ее хрустальные башмачки.

– Позвольте пригласить на танец, дорогая, – Тонино с улыбкой поклонился, не дожидаясь ответа, обхватил мою талию и закружился по бальной зале. Я пыталась улыбнуться. Не сказать, чтобы умела хорошо вальсировать, чувствовала себя неловкой, да и наряд мой не способствовал тому, чтобы вальсировать со столь блестящим господином. Он был совсем близко, его объятия заставляли цепенеть: не только танцевать, даже просто идти было бы сложно, но он крепко держал меня, и я скользила почти по воздуху, мои ноги едва касались зеркального пола. Все это было так похоже на сон, на удивительную волшебную сказку, что невольно подумала об Артеме, и его голос в моем сердце спросил, не выдумка ли все это? Что если я сплю или попала в мир своих фантазий, ведь реальность никак не может быть таким чудом!

– Тебе нравится у нас? – тихо спросил Тонино, склонившись к самому моему уху, и его дыхание обожгло меня.

– Не знаю, – шепотом ответила я, – Мне тревожно. Все это напоминает бал у сатаны из романа Булгакова!

Тонино весело рассмеялся и покачал головой.

– Уверяю, это не сборище нечисти и мертвецов. Все присутствующие – живы, это нормальные люди, успешные и уважаемые!

– Я предпочла бы оказаться среди мертвецов...

– Почему же?

– Тогда бы не чувствовала себя так неловко... Мне стыдно быть среди этих людей, так чудесно одетых, красивых, торжественных, в своем стареньком платье, в плаще... Клянусь, не знала, что здесь такое общество, думала, не застану никого. Может быть, если только тебя... Надеялась, что застану тебя.

– Понял, – Тонино кивнул и вдруг резко остановился. Он махнул рукой, и по одному жесту гостеприимного хозяина музыка смолкла. Воцарилась тишина. Толпа замерла, как если бы все они были не живыми людьми, но куклами, марионетками, что еще больше заставило меня думать, что это лишь сон, один из тех, после которых так не хочется просыпаться.

– Спасибо за визит, дорогие гости! Теперь оставьте меня наедине с Луизой! Проходите, пожалуйста, в соседний зал, вам будут предложены еда и напитки...

Толпа медленно потянулась к выходу, гуськом они протискивались сквозь узкие двери. Алла была последней. Она бросила на меня испепеляющий взгляд, теперь мне точно не показалось, однако без возражений последовала за осталь-

ными. Когда последний гость вышел, дверь захлопнулась. Мы остались одни.

Тонино подошел ближе и положил руки мне на плечи, он был значительно выше и вынуждал смотреть на него, высоко задрав голову.

– Так что? – спросил он, наконец. – Зачем ты пришла? Чего хотела?

Я отступила, опустив голову, почувствовала, что губы задрожали, готова была заплакать.

– Не знаю, – прошептала я. – Не знаю. Ты сказал, что я могу прийти, и, вот, пришла....

– Вижу, что пришла, – он ласково улыбнулся. – И я рад тебе. Хотел узнать, есть ли причина. Но если нет, если ты пришла просто так, то все равно рад. Ты всегда желанная гостья в этом доме.

– Как долго ты еще пробудешь здесь? – спросила я. – В нашем городе?

– Долго, конечно, долго. Мы будем собирать труппу, репетировать. Я намерен играть в театре, возможно, останусь в Донске навсегда.

– Чудесно, – я просияла. – Так жду первый спектакль!

– У тебя будет лучшее место в зрительном зале, – он снова улыбнулся чарующей улыбкой, а я почувствовала, что краснею и не могу больше молчать.

Я всегда была откровенной и ничего скрывать не умела. Торопливо прошлась по зале, стараясь успокоиться, отошла

к окну, а после снова приблизилась к Тонино, пытаясь замедлить дыхание, чтобы не сбиться.

– Скажи мне, – спросила я, глядя ему в глаза, – Что такое любовь? Настоящая любовь? Ты знаешь? Вот я люблю Артема. Уже много лет, с детства. Мы должны пожениться и обязательно поженимся. Он тоже любит меня. Но разве это и есть настоящая любовь? Или она – какая-то иная? А если настоящая, почему я пришла сюда сегодня ночью? Почему постоянно думаю о театре? Почему постоянно думаю о тебе?

Тонино застыл, будто окаменел, медленно отошел к окну, отвернулся, вглядываясь из сияющей залы в непроглядную темень. Что он там видел? Что можно различить во мраке ничем не освещенного двора? Или просто не желал смотреть на меня? Не желал отвечать? Я терпеливо ждала, раз уж пришла, хотелось получить ответ, и наконец он обернулся.

– В театре есть своя магия. Она живет на сцене. Рождает чувства в наших сердцах, рождает волшебство, соединяя в единое энергетическое поле зрителей, персонажей, артистов, они словно сливают свои силы, чтобы прожить новую, яркую, сиюминутную и иллюзорную, жизнь. Но падает занавес, и то, что происходит за кулисами, – совсем другое. Там тоже есть своя магия, свое волшебство. Но оно – иного порядка, не такое, какого ты ищешь. Молодым прекрасным девушкам, вроде тебя, свойственно переносить чувства с артистов, играющих на сцене, на живых людей. Но между ними пропасть, поверь.

Он замолчал и снова отвернулся.

– Разве это ответ на мой вопрос? – тихо спросила я. – Я просила показать, что такое любовь. Настоящая любовь.

– Я покажу, – не поворачиваясь, произнес он. – Когда придет время.

Больше он ничего не сказал. Понимая, что не добьюсь ответа, я вдруг ощутила смущение, мне стало непереносимо стыдно, что пришла сюда среди ночи, что осмелилась говорить такие слова. Ведь я видела его третий раз в жизни, мы почти незнакомы, имею ли я право что-то спрашивать! Пробормотав «до встречи», я запахнула плащ, опустила голову и вышла из зала, а потом из пустого дома. Он не остановил и не задержал меня. Снаружи ни музыка, ни голоса гостей не были слышны. Что если все это лишь мое воображение, снова мелькнуло в голове. Артем всегда говорил, что я фантазерка и живу среди иллюзий, в волшебном мире. Я торопливо шла домой, а сердце продолжало стучать, щеки все еще полыхали от невыносимого стыда, когда раздался звонок Артема.

– У меня будет пара свободных часов. Я зайду? Или слишком поздно? – спросил его голос в трубке.

– Конечно, заходи, – ответила я чуть слишком поспешно, мне было стыдно и перед ним тоже. Особенно перед ним. Едва я дошла до ворот, вбежала во двор, поднялась по ступеням, повесила плащ и закрыла за собой дверь, как ощутила, что меня снова бьет дрожь. Никак не могла открыть дверь

в комнату, руки не слушались. И это не от прохладного вечера, нет, сейчас тепло. Возможно, я больна, смущена, переволновалась. Или же это – предчувствие? Предчувствие чего-то плохого? Папа всегда говорил, что у меня отличная интуиция... В доме уже спали, даже тетя Флора, которая обычно ложилась поздно, ушла к себе и потушила свет. Я вошла в кухню, налила воды, выпила, почувствовав, что стало еще холоднее. Надо вскипятить чай, от него всегда лучше!

Сидела и ждала, пока на плите согреется чайник, смотрела на весело плясавший огонь газовой горелки... Потом налила ароматный золотистый напиток в кружку, сделала несколько глотков. Почти сразу скрипнула калитка. Это Артем, поняла я, вскочила, пошла в прихожую. Открыла входную дверь, прислушиваясь к шагам, потом, не выдержав, вышла на веранду, и ночная прохлада окутала меня. Темная тень мелькнула, скользнув по ступеням.

– Артем! – позвала я.

Вошедший поднялся, и в свете фонарей я вдруг увидела, что это не Артем. Это была Алла. Теперь уже не в вечернем наряде, а в своей обычной одежде – в рубашке и джинсах. Могла ли она вообще выглядеть так, как сегодня на балу? Возможно ли? Или опять мое большое воображение, бесплотная, несуществующая иллюзия? Лицо ее казалось безумным, его исказила дикая злоба. В руках она сжимала нож.

– Алла? – изумленно спросила я, отступая. – Почему ты

здесь, что случилось?

– Ты еще смеешь спрашивать? – прошипела она, приближаясь. – Ты, мерзавка, еще смеешь спрашивать?! Ты явилась, зачем ты только пришла! Ты отняла у меня все! Отняла его любовь! Теперь он говорит только о тебе! А ведь раньше он любил меня, знаю, так было!

– О ком ты говоришь? – я машинально подняла руку, закрываясь от Аллы. – Нет, подожди, ты не в себе... Сейчас придет Артем и тогда...

– Я говорю о Тонино! О том, кого люблю долгие годы и кого ты отняла у меня, Луиза! Как ты посмела? Ведь у тебя есть жених, есть Артем, ты – чужая невеста, а я – твоя подруга, как ты могла!

– Прекрати, это какая-то ошибка, – произнесла я, отступая дальше, – Я видела его всего три раза. И всегда ты была рядом. Ничего другого не было, клянусь!

– Какая разница! – воскликнула она истерически, взмахнув ножом, – Какая разница, сколько вы виделись! Теперь он говорит только о тебе! Но я положу этому конец! Сейчас я убью тебя, и он не доберется до тебя больше! Ты посмела разрушить мою жизнь, ты украла его... Ты хоть подумала о том, что он значит для меня? Нет, ты не думала, тебе нет никакого дела! Нет дела до того, что я жила, будто в тумане, считала себя неудачницей. Никогда мне не везло. Начиная с семьи, ты же знаешь, какая у меня семья, все в Донске знают! И потом, когда я ушла от родителей, все мои отношения ру-

шились, едва начавшись. Никому не доверяла, никого не желала видеть рядом. Думаешь, просто так что ли девушка может стать водителем грузовика? Хотела доказать что-то себе и другим, найти себя, потерявшуюся. А потом появился он. И дал понять, что я чего-то стою, что живу не напрасно. Что я не просто женщина за баранкой, которую никто не воспринимает всерьез. Что могу быть привлекательной, даже красивой. Думаешь, я завидую тебе? Да, представь себе! Таким, как ты, завидуют всегда: благополучным, хорошеньким, да с богатеньким женихом, чего бы тебе не завидовать! У тебя всегда было все, но тебе и этого мало...

Меня поразили даже не нож в руках Аллы, а ее слова. То, насколько по-разному мы видели одно и то же: мою жизнь. Ей я казалась удачливой любимицей фортуны, имеющей все, но желающей большего. Самой себя я казалась слабой и неуверенной, не знающей, кто я, но главное – бесконечно чужой, чуждой тому, что меня окружало, отверженной миром, и лишь Тонино был теперь кем-то близким, родным. Таким же, как я.

– Но хватит, довольно поговорили! – голос Аллы вывел меня из задумчивости.

Она шагнула вперед, занесла нож, ее глаза горели безумием, я не сомневалась, что она может ударить – она была не в себе, не понимала, что делает. Возможно, на балу она выпила или приняла что-то. Хотела бежать, но не сделала ни шагу, оцепенела и молча смотрела на лезвие, занесенное на-

до мной, даже не пыталась защищаться. В одно мгновение жизнь и тысячи мыслей промелькнули в голове... А потом откуда-то издалека, будто из другого мира, услышала голос Артема:

– Эй! А ну, отойди от нее, или буду стрелять! – крикнул он. В темноте раздался щелчок – затвор пистолета. Артем вскинул оружие. Алла замерла, не успела ударить. А потом промчалась мимо по террасе, перепрыгнула через перила и метнулась в темноту. Артем бегом взбежал по ступенькам.

– Ты в порядке? – спросил он, торопливо обхватив за плечи, его лицо подергивалось от волнения и было абсолютно белым – он испугался, испугался за меня!

– Да, в порядке, – кивнула я. – Все хорошо.

– Сейчас догоню негодяя! – крикнул он, тоже бросаясь в темноту.

– Артем, не надо! – я побежала за ним. – Постой, погоди! Не надо! Это Алла! Она просто перебрала, просто не в себе, она не опасна! Не ходи, не оставляй меня!

Но он уже не слышал, какое-то время доносился топот его ног, нарушая полную тишину деревенской ночи, потом смолк и он.

Растерянная, я опустилась на ступеньки, закрыла лицо руками и приготовилась ждать. Это был нелепый вечер, и у него было еще более нелепое продолжение! Мне казалось, что произошедшее – лишь глупая комедия абсурда, что лучи солнца, едва взойдут утром, развеют даже воспоминание

о ней!

Могла ли я думать, что казавшееся смешным и нелепым, обернется трагедией для всего Донска, для меня и для человека, которого я так сильно любила.

На следующее утро проснулась рано от какого-то тревожного чувства, раньше у меня такого не было. Сначала не возвращалась мыслями к событиям вчерашнего дня, дрема никак не отпускала, и лежа под теплыми одеялами (всегда стелила себе два, а то и три одеяла), лежала, потягиваясь, пытаюсь вспомнить, что снилось этой ночью. Так делаю всегда, потому что если сразу вскочить, – сны отступают. И как ни старайся, невозможно воспроизвести в памяти точную картину приснившегося. А ведь иногда сны бывают важны! Иногда несут в себе тайный, скрытый смысл, дают ключ к подсознанию или намекают на неведомое будущее. Потому всегда тщательно вспоминаю и только затем встаю с постели. В этот раз тоже погрузилась поглубже в водовороты памяти, а потом вспомнила и резко вскочила, настолько кошмарным показался мелькнувший сон, но хуже того, когда снились такие сны, – я всегда знала, сразу же знала, что сон – вещий, что он – точно сбудется.

В волнении откинула одеяла и бросилась к окну. Существует поверье – если удастся посмотреть в окно, прежде чем расскажешь кому-то свой сон, – приснившееся не исполнится. Но едва взглянула в окно, едва перед глазами качнулись ветви калины, свешивающиеся на террасу, засыпающие ее

белыми лепестками во время цветения, как перед глазами встали страшные события вечера: Алла с безумными глазами, с ножом в руках, которая пыталась убить меня и лишь чудом не ударила, Артем, погнавшийся за ней с оружием, — то забыла о своем сне, в ужасе прижала руки к вискам, пытаясь прогнать наваждение. А вдруг это тоже сон? В последнее время моя жизнь стала слишком иллюзорной: Тонино, пустой дом, сияющая бальная зала, ревнивая женщина с ножом, пытающаяся убить. И к кому она ревнует! Ко мне! Разве можно даже вообразить подобное? Чтобы сам Тонино обратил на меня внимание, просто смешно! Наверное, все это и правда лишь сон, лишь грезы. И бал, и Тонино. Мои мечты...

Громкие голоса, доносившиеся с кухни, вывели меня из оцепенения. И если чуть слишком низкий тембр тетки, обычный спор отца и матери не удивили, то голос Альберта Альбертовича стал неожиданностью. Обычно он не приходит к нам в дом: боится вызвать недовольство тети Флоры. И уж точно никогда не случалось, чтобы Альберт заявился с утра пораньше! Наверное, произошло что-то экстраординарное, как минимум, необычное! А необычное в Донске случалось нечасто!

Торопливо оделась, пригладила волосы, осторожно, стараясь остаться незамеченной, прокралась в ванную комнату, умыться. До меня долетели обрывки фраз: «как такое могло произойти, никогда подобного не было...» и «надо же, какое

горе...»

Не помня себя от удивления и почти сгорая от любопытства, я быстро вышла из ванной, спустилась на три ступеньки вниз, – кухня располагалась чуть ниже основной части дома, – и тут же увидела отца: он повернулся спиной к окну, опираясь на подоконник, мать и тетка сидели за столом. Альберт стоял посреди комнаты, меня он видеть не мог. Тетка первой заметила.

– Луиза, деточка, – низким грудным голосом бухнула она, – А вот и ты! Несчастье-то какое, ты ж с ней дружила вроде... Ну или, может, не дружила, нет, скорее приятельствовала.

– Доброе утро, – растерянно поздоровалась я, Альберт обернулся и кивнул. – Что-то случилось? Я подумала так, услышав голос Альберта Альбертовича. А теперь, когда вижу ваши лица, уже знаю: произошло что-то жуткое! Так?

– Так, – кивнул отец. – Алла погибла. Сегодня ночью.

– Что? – я испуганно схватилась за спинку стула, его слова ударили, будто гром среди ясного неба, и буквально поразили меня, я покачнулась, чтобы удержаться на ногах. – Как?

– Ее убили, – ответил отец. – Альберт пришел рассказать нам.

Я помолчала, пытаюсь осмыслить услышанное. Алла только вчера была здесь, и сама пыталась убить меня. Она была жива и здорова, а теперь, получается, ее больше нет? Получается, я никогда больше не увижу ее? Никогда ее грузовик

не проедет по нашей улице? Разве это возможно, нет, решительно невозможно! Потом мысли сменили другие, сердце снова сжалось, и я задала вопрос, который собравшиеся, уж конечно, никак не ожидали услышать:

– А как ее убили? Зарезали?

Все изумленно переглянулись, Альберт даже крикнул с легким негодованием.

– Почему именно зарезали? – поинтересовалась тетя. – Нам и в голову не пришло спросить. Странные вещи тебя волнуют! Альберт, как ее убили?

Тот пожал плечами.

– Не буду говорить наверняка, это следствие скажет. Но, как сообщили хорошие знакомые, ее будто бы задушили. Руками.

– Боже... – прошептала я. Это звучало все страшнее и страшнее.

– Хуже всего, что неподалеку от места преступления нашли следы и оружие. Пистолет. Пистолет Артема.

– Что?! – я подскочила от еще одной новости. – Пистолет Артема?!

– Девочка моя, успокойся, – тут же загудела тетка. – Мы прекрасно понимаем, что Артем тут ни при чем. Если бы он хотел убить Аллу – он бы выстрелил, так ведь? Зачем бы он выбросил пистолет и стал душить девушку? Да и знаем мы Артема, он никогда бы этого не сделал. Никто его не будет подозревать, вот увидишь. А если заберут – отец быстро до-

бьется, чтобы его освободили. Так что не волнуйся, пожалуйста, да на тебе лица нет! Луиза!

Я грохнулась на стул, понимая, что ноги меня, и правда, больше не держат, и закрыла лицо руками. Наверное, в тот момент я была бледна, как смерть, потому что остальные переглядывались, не зная, что можно сделать, мама поднялась, налила в стакан воды из цветного графина и подала мне. Я благодарно кивнула, сделала несколько глотков.

Они не знали того, что знала я. Не знали, что Алла приходила сюда, не знали, что, стоя на крыльце, угрожала. Что Артем, защищая меня, побежал за ней... Что если... нет, он не мог. Если бы он выстрелил во время погони – я бы поняла. Но душить, душить женщину, даже ту, которая преследовала меня... Даже, если она замахнулась на него кинжалом, даже если рассказала ему о моих встречах с Тонино и о своих подозрениях, – нет, Артем никогда бы не сделал этого, он бы не поднял руки на женщину, тем более на Аллу, которую знал с детства. И никогда бы он не стал убивать, Артем не убийца.

Но бледность моя была вызвана другим: боялась, что придут люди и станут задавать вопросы. Что будут подозревать Артема, арестуют его. И что еще хуже, спросят – и мне придется рассказать о ночной сцене. Я могу ему навредить, ведь врать не умею, придется сказать правду. И еще: они могут спросить о причинах, побудивших Аллу атаковать меня. Тогда придется рассказать о Тонино. О наших тайных встречах. Придется рассказать чужим людям то, что скрывала да-

же от Артема, близкого и любимого. И что скажет он сам? Его невеста ходила по ночам в дом к другому мужчине... Его невеста не может сказать, правда это или вымысел... Вдруг Артем прав, вдруг все это только иллюзия и ничего нет: ни Тонино, ни наших встреч, ни Аллиной ревности, ни бальной залы, ни нашего волшебного вальса... Как того грузовика, невидимого грузовика, чуть не сбившего меня на дороге...

Сейчас я чувствовала себя так, будто мою жизнь, и правда, переехал грузовик.

Извинившись, отказалась от завтрака и ушла к себе. Никто не удивился, все знали, что мы с Аллой общались, понимали, что ее смерть, да еще в сочетании с подозрениями против моего жениха, могли лишит аппетита и более сильного человека, чем я.

И потому ушла к себе в комнату, закрыла дверь, чтобы из кухни не доносились ничьи голоса, села на кровать, машинально завернулась в одеяло и затихла. Так сидела я долго-долго, не в силах пошевелиться, не в силах даже понять, что делать дальше...

Все слишком непредсказуемо. Еще месяц назад я страдала от рутины, будничность убивала меня. Хотелось перемен. Но желая перемен, никогда не знаешь наверняка, что получишь. Сейчас жизнь напоминала бурный поток, Донку во время майского половодья, когда приезжали любители рафтинга, надували плоты и лодки и сплавлялись по бурлящей реке, минуя пороги, ловко орудуя веслами. Некоторые пере-

ворачивались, проваливались с головой в ледяную пучину, и руки инструкторов вылавливали их, затаскивая обратно на борт.

Артем несколько раз сплавлялся с друзьями, звал меня, но я так и не решилась, стихия пугала. Донка мне нравилась куда больше спокойной, летней и сонной, когда на ее зеркальной поверхности появлялась золотистая россыпь кувшинок, а берега вокруг были увиты диким хмелем: он цвел мелкими белыми цветами и их чарующий аромат чувствовался изда- лека.

Сейчас все это: кувшинки, хмель, Донка, – осталось где- то в другом мире, а там, где находилась я, – наступала тьма. Что-то тяжелое, гнетущее, шло издалека, и это не смерть Ал- лы, не трудный разговор с Артемом, не пугающие чувства к Тонино, нахлынувшие неудержимо, но нечто другое, неот- вратимое, пока неведомое. Оно просачивалось из моих снов в реальность, и иллюзия обретала плоть.

Глава 6 Луизины сны

Артем пришел чуть позже, его встретили сочувственными взглядами, но в душе обрадовались визиту, понимали, что если б арестовали, он вряд ли мог бы навещать подругу. А значит, никаких обвинений не выдвинуто. В семье Луизы Артема любили и обвинение против него восприняли бы как личное оскорбление, как горе для всех, даже для Флоры, которая не очень-то одобряла жениха племянницы. Перебросившись парой слов с Натальей и Виталием, Артем направился в комнату Луизы, постучал в дверь, услышав «войдите!», отворил ее и остановился на пороге. Сидевшая на кровати в домашнем халатике, Луиза подняла покрасневшие, заплаканные глаза. Артем никогда не мог вынести ее слез, торопливо захлопнул дверь, опустился на кровать и притянул девушку к себе.

– Ну все, – как можно более спокойно произнес он, – Не плачь больше. Все хорошо будет.

– Как замечательно, что ты пришел, – всхлипнула девушка, обнимая его. Она крепче прижалась к жениху, но слезы, вопреки ожиданиям, побежали быстрее. – Это ведь не ты?

– Что «не я»? – удивленный, он отстранился, заглянул ей в глаза, – Не я ли убил Аллу? Ты шутишь, должно быть!

– Нет, я знаю, что не ты... Просто подумала. Она напала на меня, ты погнался за ней. Ты потерял пистолет, да?

– Да, споткнулся, чуть не упал. Он вылетел на траву, звука не было слышно, я и не заметил. Аллу тоже потерял, она быстро бежала. Вокруг тьма кромешная – ни черта не видно. Плюнул и пошел домой. Теперь не могу себе простить. Если бы нашел ее, остановил бы убийцу. И она была бы сейчас жива...

– Ты же не знал, – снова всхлипнула Луиза, прижавшись лбом к его щеке. – Откуда ты мог знать? В Донске убийств давно не было. Мы даже забыли, что они бывают! И никогда бы я не подумала, что с Аллой может такое произойти! Но тебя никто не подозревает? Ничего не говорили?

Артем раздраженно передернул плечами.

– Ну, начальству, разумеется, не понравилось, что я виделся с Аллой той ночью. Не понравилось, что потерял оружие неподалеку от места преступления. Это компрометирует, бросает тень на репутацию нашего отдела. Никаких других улик против меня нет, прямо никто не обвинял. Но от расследования отстранили, велели не соваться. Привлекут, как свидетеля. И тебя. Мне придется что-то им объяснить, пока я не смог этого сделать по-человечески, не знаю, что у вас произошло. Алла угрожала тебе?

Луиза молча кивнула.

– Чего она хотела?

– У нее был нож, она пришла, кричала. Говорила, что убьет меня. Не знаю, смогла бы она это сделать или нет, она была не в себе. Но она замахнулась и очень меня испугала!

Что было бы дальше, если бы ты не появился во дворе, – один Бог теперь может сказать... Мне кажется, могу ошибаться, она что-то выпила, какие-то таблетки или перебрала спиртного. Будто потеряла рассудок, была не похожа на себя обычную!

– Мне казалось, вы с Аллой почти подруги? Разве нет? Вы хорошо общались.

– Так и было.

– Почему же она пришла угрожать? Что не поделили? – Артем выпустил девушку из объятий и теперь пристально смотрел ей в глаза. Луиза смутилась, опустила лицо, он заметил, что она покраснела, как если бы стыдилась, не хотела говорить.

– Ты знаешь, что можешь сказать мне все, так ведь? Луиза! Ну же, у нас никогда не было секретов!

Она подняла на него испуганные глаза, губы дрожали. В глубине души Артему было мучительно жаль ее, хотелось обнять и утешить, но сейчас он должен проявить жесткость, должен добиться правды, ради ее же блага. И ради поиска убийцы: возможно, Луиза что-то знает, что-то, что даст ключ к разгадке!

– Это из-за Тонино, – тихо выговорила она, никогда не могла его обманывать.

– Из-за чего? – Артем не поверил своим ушам, но она продолжила, сбивчиво и торопливо.

– Из-за Тонино. Алла влюбилась в него, влюбилась, как

сумасшедшая. Бывает, кто-то совершенно теряет голову от любви. С Аллой это и произошло! Она давно знала его, они общались. Только я-то не догадалась сразу, понимаешь? Не знала, что она любит, не знала, что между ними что-то есть, никак не ожидала, что она будет так ревновать! Он начал оказывать мне знаки внимания, Алла вдруг разозлилась... А после бала, когда он попросил всех выйти, а меня остаться, и вовсе пришла в бешенство. Мне кажется, у нее что-то помутилось в голове от несчастной любви. Она пришла сюда с ножом, начала говорить, будто я отняла у нее, отняла его любовь... но она избавится от меня – и все будет хорошо, попыталась ударить... Точнее, наверное, попыталась бы, если бы ты не пришел вовремя!

– О боже, Луиза! – в голосе Артема послышалось раздражение, он взволнованно вскочил, – Хватит уже! Ты знаешь, всегда любил твое ребячество, твои сказки, но сейчас речь идет об убийстве! О смерти живого, настоящего человека, женщины, нашей соседки, твоей подруги! И о моей жизни, потому что, если других подозреваемых не будет, как знать, может, подумают на меня. И давно бы подумали, если бы не моя репутация и влияние отца. Ты прекрасно понимаешь, ты же умная девочка! Я пришел, чтобы ты помогла мне, сказала, что знаешь! А ты? Снова рассказываешь свои выдумки о Тонино...

– Тонино – не выдумка! – с горящими глазами Луиза вскочила с кровати, – Мы знакомы, слышишь? Мы встречались!

И да, может быть, я не должна говорить тебе это сейчас, когда тебе и так трудно, но у Аллы был повод для ревности! Потому что он приглашал меня в гости. И я ходила к нему по ночам, в пустой заброшенный дом! И Алла была там! А иногда и не только она! А в последний раз был бал, столько людей! Только он попросил всех уйти, чтобы остаться со мной, он хотел быть со мной наедине, понимаешь? Почему ты не веришь? Думаешь, такой, как Тонино, не стал бы обращать на меня внимания? Да, я тоже так считала, но почему-то он счел меня достойной... Разве можно повелевать чувствами? Мы все не имеем власти над сердцем, Артем! И Тонино почему-то выбрал меня, а не Аллу. Раньше она была его подругой, подозреваю. Иначе, если он ничего ей не обещал, почему она разозлилась так сильно? Почему говорила, будто я украла его любовь? А я... я и не знаю, что сказать тебе сейчас. Мне очень-очень стыдно! И если бы речь не шла об убийстве, о твоей жизни, никогда бы ты не узнал! Никогда бы не сказала тебе... Какой позор, это же какой позор! Вынуждена рассказывать, что я, твоя невеста, ходила по ночам на свидания с другим мужчиной... Клянусь, ничего у нас не было, пока не было... Но Артем, мне кажется, будто я, как и Алла, не принадлежу себе. Будто мои чувства мне не принадлежат. Раньше все было так просто! Так легко и просто! Я знала, что люблю тебя, что с самого детства тебя полюбила и мы всегда будем вместе. Что придет день – и стану твоей женой, как только ты попросишь моей руки. И что теперь?

Теперь ничего не знаю. Мысли смешались, в голове какой-то туман. Едва подумаю о нем, как сердце замирает, и я уже ни в чем не уверена больше. Ведь Тонино я тоже всегда любила, возможно, еще прежде, чем полюбила тебя... С самого детства, как только впервые услышала эту легенду, думала: вот, день настанет, он придет, увидит меня и выберет среди всех других девушек... Так и вышло. Конечно, я даже мечтать не смела, что он окажется так красив... Он очень привлекательный мужчина, неудивительно, что Алла его тоже полюбила... – Луиза осеклась, заметив взгляд Артема.

Он стоял, скрестив руки на груди, и в его глазах, вопреки ожиданиям, она не увидела ни ревности, ни гнева, ни злости, ни боли, ни обиды. А ведь если невеста говорит, что полюбила другого, он должен чувствовать боль или гнев. Он мог бы ударить ее, или закричать, или заплакать, или выбежать вон, хлопнув дверью. Оскорблять, допрашивать, да мало ли что!

Артем стоял и смотрел на нее молча, взглядом, полным недоверия и скепсиса.

– Луиза... – твердо произнес он, едва она замолчала. – Хватит. Довольно.

Ужасное подозрение сжало сердце девушки, и она ахнула, догадавшись.

– Ты не веришь мне?! – воскликнула она испуганно. – Боже мой! Я только что призналась тебе во всем, как на исповеди! А ты не услышал меня! Ты не стал ревновать, не разозлился, ты мне даже не поверил!

– Луиза...

– Ты никогда не верил мне! Никогда! – закричала она, уже не владея собой, – Ни тогда, когда я рассказала тебе про кикимору, ни с тем ножом... А говорила я тебе, что мне потом приснился сон? Ты же знаешь, мне снятся сны! И во сне я слышала голос Бога. Знаешь, что он сказал? Сказал, что это правда! Что он забрал нож на небо, к себе. И что вернет его, вернет в нужный час. Вот такой сон мне приснился много лет назад... И сегодня тоже приснился сон, да, я вспомнила сейчас, что сегодня мне приснился сон! Необычный, из тех, что сбываются. А я хотела посмотреть в окно подольше, чтобы не сбылся, но не смогла. Вспомнила Аллу, потом услышала голос Альберта... И не смогла. Сон мой был совсем ужасным, Артем. Еще хуже, чем все, что уже случилось. Мне снилось, что к Земле летит комета. Летит на огромной скорости и врежется в нашу планету. И все мы погибнем, никто не спасется. И мы не спасемся, Артем. Я видела во сне, как мы с тобой стояли под деревом, обнявшись. А потом небо будто загорелось, появилось зарево, оно становилось ярче, ярче, как при взрыве, знаешь... И после – раздался удар, и мы погибли, все вокруг почернело, и солнце, как будто, погасло. На этом я проснулась. И очень испугалась, потому что могу отличить сны, которые сбываются... но ты не испугаешься этой кометы, так ведь? Не испугаешься, что мы скоро погибнем! Потому что ты мне не веришь. Как не веришь в мои встречи с Тонино, и в нашу с ним любовь, и в ревность

Аллы. Ты пришел, чтобы спросить, почему мы поругались с ней. Я ответила. Думаю, причина ее смерти – где-то рядом. Ее убили, потому что она была с Тонино, хотела быть с ним. Но это не я. Никогда бы не сделала такого. Ведь я не убийца. К тому же, Алла куда сильнее, чем я, мне с ней не справиться.

– Луиза, что за глупые фантазии! – Артем с досадой вздохнул, – Разумеется, мне и в голову не пришло подозревать тебя в смерти Аллы! Ладно, успокойся, постарайся не плакать и не думать о дурном. Спасибо, что поделилась со мной. Сейчас надо возвращаться на работу. Увидимся. Иди, побудь с мамой, она волнуется за тебя.

С этими словами он приблизился, коснулся губами ее щеки, осторожно провел рукой по растрепавшимся волосам, потом вышел из комнаты. Луиза последовала за ним. Она проводила Артема до крыльца, потом, как он и посоветовал, отправилась разыскивать мать в огороде.

Артем же покинул двор, сел в машину и направился в город. Его губы были плотно сжаты, а сердце стучало сильнее, чем обычно. Он был невероятно раздосадован и впервые в жизни усомнился, что правильно выбрал невесту. Если бы он не знал Луизу так хорошо, подумал бы, что она просто издевается. К примеру, если бы на ее месте была Мел, – именно так бы он и подумал! Его мачеха была мастерицей посмеяться над людьми. Но не Луиза. Она верит в то, что говорит. И тем печальнее. Раньше ему казалось, что она просто меч-

тательница, фантазерка. Но сейчас Артем отчетливо видел, что Луиза живет в двух мирах и постепенно границы их перемешиваются, мир реальности и мир фантазий – сливаются, скоро она не сможет отличить их друг от друга. Фантомные персонажи ее мыслей проникают в реальность, обретают плоть, и вот – она уже не может выбрать между вымышленным и настоящим возлюбленным! Она танцует на воображаемых балах, ее пытаются убить из ревности, какой-то богатый красавец избирает ее дамой сердца!

Луиза сказала правду, с детства она бредила легендой о Тонино, часто они обсуждали ее вдвоем, но Артем никогда и подумать не мог, что детские фантазии приобретут такую чудовищную, извращенную форму! Что ж, Луиза тут не помощник. Ему придется самому думать над делом Аллы. Без сомнения, она была не в себе, когда оказалась вечером на крыльце Луизы с ножом в руках. Но чего хотела на самом деле? И связано ли все это с убийством? Артем не знал, а гадать и предполагать не любил. Ему нужны факты, и факты эти придется добывать самому, нечего рассчитывать на помощь коллег после отстранения. Любые подозрения, даже малейшие, были ему неприятны и заставляли досадовать еще сильнее. Он был почти в ярости, когда добрался до дома, ни с кем не заговорив, ушел в свою комнату, закрыл дверь, лег на диван прямо в ботинках и погрузился в размышления.

Карьера много значила для Артема, он любил работу, считал, что выполняет свой долг добросовестно, старался посту-

пать честно, следовать правилам и справедливо рассчитывал на уважение коллег. Потому подозрения, даже если никто не высказал их вслух, даже если они возникли у его товарищей где-то в самой глубине души, казались бесконечно оскорбительными. Ведь они столько лет работали вместе, пережили много сложных, порой опасных моментов, и после всего могли думать, что он – убьет женщину? Какое досадное совпадение оказаться прошлым вечером неподалеку от пустыря. Как досадно, что не догнал Аллу. Он забрал бы у нее нож, отвел домой, если понадобилось бы, вызвал врачей. И все, этим бы и закончилось. Но нет, они не встретились. Вместо него на пустыре Аллу ждал убийца. Кто мог ненавидеть девушку настолько, чтобы лишить жизни? И связано ли это с ее попыткой угрожать Луизе? Артем понимал, от Луизы пользы не будет: она ничего не скрывает, сказала, что знала. Но эта цепочка ведет в никуда, придется искать другую. Преступление – не мечты и не фантазии, это реальность, чудовищная, страшная реальность, и ему предстоит узнать правду. Даже если полиция окажется бессильна, он не остановится.

На миг у него мелькнула мысль: а что если это, и правда, он? Что если не только Луиза, но и сам он живет в мире фантазий, а в его сознании два человека и один из них не помнит, что совершал второй? И второй человек заставил его бросить пистолет, потом догнал Аллу, напал на женщину, задушил. Но зачем? Потому что она угрожала, пыталась ударить ножом? Он мог просто оттолкнуть, сбить с ног. Зачем

ему убивать? Артем покачал головой, отмечая эту мысль, как нелепую. В отличие от Луизы, он твердо стоял на земле, был привязан к материальному миру, иллюзии, фантазии – не про него. В его голове не было места второму человеку, Артем обладал абсолютной цельностью натуры, как и его отец. Луиза другая. А какой была Алла? Артем поймал себя на том, что они выросли в одном городе, учились в одной школе, в юности ходили вместе гулять, посещали одни и те же компании, но он не знал ответа на вопрос, кем была Алла. Почему водила грузовик? Почему вела такой необычный для женщины образ жизни? Во что верила, о чем думала? Почему решила угрожать Луизе, самому безобидному существу в Донске?

Луиза чувствовала ничуть не меньшую, а может и большую досаду, чем Артем. После его визита девушка долго не могла успокоиться, была глубоко уязвлена недоверием, рождавшим, как ей казалось, непреодолимую пропасть между ними. Они знали друг друга с детства, она доверяла ему. И сейчас, хотя могла скрыть, могла обманывать, как без сомнения сделала бы на ее месте любая другая, владеющая тайной женской хитрости, она безо всякого коварства открыла сердце, рассказала о сокровенном, не утаив ничего. Как если бы говорила со своим дневником. Она призналась не только в ночных свиданиях, не только в ревности Аллы, но даже в чувствах к Тонино! И что же Артем? Он не поверил! Сейчас Луиза ясно понимала, что этот случай не был первым, нет, он

не верил ей никогда. Слушал и не слышал, не воспринимал всерьез. Что же тогда он видел и любил в ней? Симпатичное лицо и ладную фигуру? Стоит ли жениться, если это так? Как может он взять в жены ту, которую не знает и знать не хочет? Есть женщины красивее, чем она, и с фигурой получше. Пусть найдет себе такую. Луиза вздохнула: Тонино был другим. Он слышал и понимал, разделял ее чувства, мечты, фантазии, любовь к театру. Он знал о магии опускающегося занавеса, устраивал у себя дома волшебные балы. И сам был удивительным, нереальным, словно сошел с красочных страниц иллюстрированной книги сказок и теперь пытался увести ее за собой, в чудесный несуществующий мир.

Но еще больше, чем Тонино и Артем, занимала ее мысли смерть Аллы. Луиза не могла понять, кому Алла могла помешать, кто и почему решился на такое страшное преступление? Лишить жизни человека – что может быть страшнее? Что если, все-таки, это божья кара?

Злой рок висит над ней, над Донском, над всей Землей. И комета, приснившаяся ей, есть символ чего? Разве не рока – неизбежности наказания?

Может, Алле просто повезло не дожить.

Глава 7. Квест

Тем временем Сенечка, преследуемый тетей Полей, которая не давала прохода и сулила золотые горы в случае успеха, принял твердое и бесповоротное решение. Он созвал трех лучших друзей: Мишку, Славика и Кирюху, – объявить о предстоящих испытаниях. Мальчики сидели в кружок на пеньках лесной поляны и вид имели важный, будто представители народного вече, собравшегося вершить судьбу государства.

Стоял теплый солнечный день, из тех, что так любили приезжающие в Донск отпускники: не холодно и не жарко, зной не сушил воздух, ветерок ласково играл шелковистой зеленой травой, светлые блики, упавшие на листву, придавали деревьям удивительный, таинственный вид. И все вокруг казалось немного нереальным: и эти мальчики в футболках и шортах, рассеявшиеся на пеньках, и Славик в белой панамке, делавшей его похожим на гриб. Мать Славика, опасаясь за его здоровье, требовала, чтобы сын не снимал панамку даже в пасмурную погоду. Боялась, что ребенок получит солнечный удар.

– Мы выступаем в поход, в эту субботу, – торжественно сообщил Сенечка, стоявший в центре нерукотворной лесной трибуны. – На речку не пойдем.

– И куда же это мы выступаем? – поинтересовался Кирю-

ха, шмыгнув носом.

– Идем на завод, – Сенечка, сам того не желая, перешел на заговорщический шепот. – Спасать мыша тети Поли.

– Вот те раз! – изумился Мишка, – С чего бы? Ты же не хотел! Говорил, ни за что не пойдешь туда!

– И сейчас не особо хочу, но выбора нет, – твердо ответил Сенечка. – Тетя Поля уверяет, что очень несчастна без него. И боится, что Карлсона убьют. К тому же, она меня совершенно достала. Уж проще сходить на завод, принести мышь, и пусть отстанет, наконец.

– С чего ты взял, что мышь на заводе? И как ты отличишь ее от всех остальных? Может, их там тысячи? – не успокаивался Кирюха.

– Карлсон умный и непохож на других, его нельзя не узнать, – повторил Сенечка слова, тысячи раз слышанные от тети Поли. – Мы его узнаем, вот увидите.

– Но зачем нам куда-то лезть? – Славик нахмурил брови. – Ты не можешь просто попросить свою маму, пусть пойдет на завод и принесет мышь сама. Она там каждый день бывает.

– А в этом вся соль, – усмехнулся Сенечка. – Конечно, можно попросить маму. Но какой интерес? А так – у нас будет самый настоящий квест! Мы проберемся на завод, проскочим через охрану и выкрадем мышь! Это будет просто круто, да ведь, парни?

Повисла пауза.

– А разве не ты говорил, – с сомнением протянул Миш-

ка, – Что надо идти в поход ради важного дела? Чтобы мир спасти или, там, тьму победить? С демонами сразиться? Битвы цивилизаций за выживание человечества... А не ради спасения какой-то дурацкой мыши...

– Говорил, – буркнул Сенечка. – Ну, а что делать, если нам не выпала такая доля? Если не досталось великого похода? И нет вокруг ни тьмы, ни демонов? Ни война не началась, ни враги не напали. И мир спасти нам не от кого. Донск – самый добрый город, здесь вообще ничего не происходит. Вот, мышь есть. Ее и спасем.

– А я слышал, женщину убили недавно, – шепотом сказал Славик. – Задушили, представляете, ночью! Вот убийцу бы изловить – это был бы всем походам поход! Настоящее, большое дело! А не то, что какая-то мышь!

– Убийцу Артем поймает, – откликнулся Сенечка. – Он так сказал. Это не для нас задача, как мы его найдем? И как сладим с ним, может их много здоровых мужчин! А мы дети еще. У нас даже оружия нет. Преступниками пусть полиция занимается. Они же за убийцей пойдут, а за мышем тети Поли не пойдут. Она уже писала обращение, не стали рассматривать. Значит, вся надежда на нас! Так ведь? Ну что, идем?

Снова повисла тишина, ребята опустили глаза, со вдруг появившимся интересом разглядывая травинки под ногами. Сенечка молча ждал, сердце колотилось. Что если – друзья не поддержат? Что если – одному придется идти? Сможет он справиться с задачей, которая не по силам и взрослому

человеку, не испугается ли? И для чего тогда нужна дружба, если друзья отвернулись в минуту опасности? Неужели, у него так и не будет своего Сэма, готового идти за ним хоть на край света? Или так бывает только в книжках?

– На заводе, говорят, опасно, – нерешительно начал Мишка. – Очень опасно. Туда нельзя посторонним.

– Да что там может быть опасного? – Сенечка фыркнул. – Просто завод. Завод, как завод. Ничего опасного. Это квест для нас, ну, по приколу, понимаете? Как будто мы в поход пошли, на ночь глядя... А на самом деле – ничего такого. Это как тот, с актерами, только тут без актеров, охранники настоящие – и все. Но они же не монстры, не зомби, а просто люди, которые сторожат фабрику. Не убьют они нас!

– А почему туда никому нельзя? – снова спросил Мишка.

– А что детям делать на заводе? Конечно, зачем туда ходить: работа идет, делом занимаются. Поэтому и нельзя, чтобы не мешать.

– Говорят, на заводе очень страшно, – снова шепотом сказал Славик, самый пугливый в их компании.

– Говорят, кур доят! – отрезал Сенечка. – Вот сами пойдем и посмотрим, страшно или нет! Ну что, есть кто смелый, есть кто со мной?

Снова повисла тишина, потом Мишка неохотно поднялся.

– Ну, давай, я пойду. Не бросать же тебя там одного.

– Мне тоже интересно глянуть, – тут же поднялся Кирюха. – Мышь-то меня мало заботит, а вот на завод глянуть ин-

интересно!

Все молча уставились на Славика, тот снова опустил глаза, потом неопределенно пожал плечами.

– А мне как раз мышь жалко, – заметил он. – А завод не очень интересен. Да и маме придется врать...

– Ты идешь? – сурово спросил Мишка.

– Ты с нами или против нас? – бухнул Сенечка.

Славик поднялся и кивнул.

– Пойду... С вами я, – еле слышно ответил он. – Толку от меня боюсь, не будет.

– Вот и молодец! – Мишка хлопнул его по плечу. – Толку от тебя, конечно, не будет. Но иначе – зачем друзья? Должны везде вместе ходить. Значит, в субботу выступаем.

– Да, я потом группу сделаю и напишу всем, что братья и где встречаемся, – ответил сияющий Сенечка. Грудь распирало от гордости, он был счастлив своим первым успехом на ораторском поприще. – Главное, потеплее одеться, и что-то немаркое. Там может быть грязно, производство все-таки. А я возьму у мамы план заводской территории. У нее где-то был. И карточку ее добуду, которая двери открывает.

– С карточкой-то мы везде пройдем, – кивнул Мишка. – Если охранникам не попадемся.

– А и попадемся, что они нам сделают? – тут же добавил Кирюха. – Мы же дети, что с нас взять!

Когда вечером ребята разошлись и Сенечка вернулся домой, он никак не мог отделаться от странного чувства трево-

ги, охватившего после разговора с друзьями. В темноте ночи завод представлялся скопищем ужаса, обителью мрака, и сама мысль о том, чтобы проникнуть туда, казалась мальчику настоящим безумием. Что если его товарищи погибнут? Что если он сам тоже не вернется? Что если там обитает настоящее зло, столкнувшись с которым они уже не будут прежними? Когда в прошлом году Сенечка ездил в зимний лагерь от школы, по вечерам ребята рассказывали истории о заводе, одна другой страшнее. Про каких-то маленьких девочек, бредущих в ночных коридорах с куклами-убийцами, про темные тени, обитающие в подвалах и затягивающие встреченных в пугающий незнакомый мир. Неужели, им придется самим увидеть все это? Как они смогут жить дальше? Что если ужас поразит, лишит разума, что если воля к жизни сломается, разлетится на осколки, и они навечно застынут в этом жутком мгновении, никогда не станут взрослыми, никогда не захотят прожить то, что им предназначено? Что если сами станут призраками завода, живущими в мрачных пустых цехах?

Еще была история про маленького мальчика, который родился весь покрытый волосами. Дети смеялись над ним, не хотели с ним играть, и мальчик разозлился. Он не вырос, так и остался маленьким, но стал очень злым. Однажды ночью ушел из дома и не вернулся. И теперь по ночам бродит в лесу, иногда прокрадывается в комнаты к детям, забирает игрушки. Если ребенок просыпается, мальчик требует, чтобы

с ним поиграли, – и горе тому, кто посмеет отказать в этой просьбе! Страшное волосатое существо, якобы, тоже переселилось на завод, на закрытую территорию. По ночам мальчик пугает охранников, но не трогает, потому что они взрослые. Но если появятся дети – им несдобровать! Потому родители боятся и никогда не пускают детей на фабрику, мальчик может напасть, украсть ребенка, затащить в подвал, откуда нет выхода. Даже днем, при взрослых, а уж ночью, да если дети придут одни, – и того проще! Тогда несчастный навеки станет узником каменного мешка, из которого не выберется до самой смерти.

Сенечке мерещились страшные когтистые лапы, появляющиеся из вентиляционных решеток, слышались жуткие зазывания разгуливающих по ночам призраков и вооруженных убийц, один из которых, наверняка, убил Аллу.

Чем больше он думал, тем более материальным становилось зло, оно приобретало устрашающие формы, достигало пугающей силы, и Сенечка начал жалеть, что столь опрометчиво собрался выполнить просьбу тети Поли, да еще и заявил об этом во всеуслышание. Теперь отступать поздно, любой предлог ребята сочтут проявлением трусости. Назад пути нет. Им придется пойти на завод, придется столкнуться с его жуткими обитателями!

С другой стороны, разве не мечтал он так часто о битве с демонами? Разве не стремился избавить мир от тьмы, что всегда удается героям его любимых кинолент? И вот, нако-

нец, благодаря этой безумной идее, его мечта может исполниться! Да, они пойдут не ради великой цели, но как знать, если уничтожат живущее на заводе зло, смысл и значение квеста могут измениться! Тогда Сенечка и его друзья станут героями, а не просто мальчишками-фантазерами. Но в сердце уже поселилась тревога, при мысли о предстоящем походе он чувствовал, что холодеет внутри, кончики пальцев становятся ледяными, а ноги не слушаются, как если бы не хотят нести хозяина в сторону завода.

Мысли не отпускали, и потому Сенечка, побродив по дому, отправился в комнату матери. Меланья Красавина лежала на диване в молочного цвета флисовом костюме, рассматривала эскизы новой коллекции и грызла яблоко. Ее волосы были собраны на макушке в смешной хвостик и сейчас она казалась еще моложе, чем на самом деле. Несколько мгновений Сенечка любовался матерью, он никак не мог решить, кто же все-таки красивее, мать или Луиза? Иногда ему казалось так, иногда по-другому. Обычно, когда перед глазами была мать, он думал, что она куда красивее прочих. Но когда видел Луизу, считал, что никто не может быть лучше. Потому Сенечка решил отложить столь щекотливый вопрос на будущее, забрался на диван, прижался к боку матери и нежно уткнулся носом ей в щеку. Меланья повернулась, бросила на сына ласковый взгляд, обняла, еще крепче прижимая к себе. Он восторженно смотрел на яркие картинки у нее в руках, на кольца, поблескивающие на изящных пальцах. Наконец,

женщина отложила бумаги, улыбнулась сыну и спросила:

– Ну что, как прошел твой день?

– Хорошо, мы гуляли с ребятами, – ответил Сенечка.

– А задачки сделал, которые на лето задали в школе?

– Не все. Примерно половину.

– Молодец. Надо доделать остальное. Я потом проверю.

Меланья не часто проверяла домашнюю работу сына. Обычно этим занимался Артем, он знал, что брат недолюбливает учебу и может подойти к своим обязанностям несерьезно, а потому внимательно изучал тетрадки, что-то предлагал исправить, если сомневался – звонил Луизе.

Меланья же считала, что в учебе важнее всего – самостоятельность, и потому предоставила Сенечке полную свободу.

Она снова откусила яблоко, оказавшееся на редкость сочным, – уже нового урожая, надо будет купить еще, – и вернулась к своим эскизам. Павел Петрович и Артем еще не пришли, дома кроме Меланьи и Сенечки никого не было. И потому он решился и осторожно, с деланным безразличием, спросил:

– Мам, а на заводе очень страшно?

– На заводе? – Меланья, казалось, не слышала вопроса, продолжая разглядывать наброски, – Эм... Да нет, не страшно.

Сенечка понял, что мать не слушает и потряс ее за плечо. Меланья отложила цветные бумажки, повернулась к сыну и уже осмысленно взглянула на него.

– Что ты спросил? Про завод?

– Я спросил, страшно ли на заводе?

– Да нет, – повторила она. – Что там может быть страшного? Завод, как завод.

– А почему его убрали из города? Почему он так далеко?

– Потому что завод, даже если очень стараться сохранить окружающую среду, все равно – производство. Можно сделать замкнутый цикл, чтобы отходы тоже использовать, но нельзя защититься полностью. Бывают и дым, например, и разные сливы. Мы не хотим, чтобы люди дышали дымом. Поэтому заводы убрали из города. Чтобы в городе было чисто и красиво. И чтобы у нас в Донске видели только парки, скверы, фонтаны и дома, а не какие-то чадающие трубы. Понимаешь?

– А почему туда никого не пускают? Я видел в кино, как дети ходили на шоколадную фабрику. И на другие фабрики тоже. Почему нам на завод нельзя?

– У нас не делают шоколад, зачем туда детям? – Меланья улыбнулась. – Поверь, там нет ничего интересного, ни для детей, ни для взрослых. Я бываю иногда, по работе. А если б не нужно было – не пошла бы. Лучше побыть подольше с тобой или с папой.

– Давай я когда-нибудь тоже пойду на завод? – Сенечка заглянул матери в глаза. – И ты как раз сможешь побыть со мной подольше!

– Потом, когда вырастешь, – неохотно ответила Мела-

нья. – Завод не место для детей, Сенечка. Там грязно, и может быть даже опасно, если что-то взорвется, например. Мало ли что. Или груз какой упадет. Не хочу рисковать.

– Но там не страшно?

– Нет, там не страшно, – она снова улыбнулась. – Почему ты спрашиваешь? Чем тебя так заинтересовал завод?

– Слышал, мальчики говорили в лагере, что давно старшеклассники какие-то будто побывали на заводе, пробрались... и что там живет зло, изгнанное из Донска. А еще недавно женщину убили, Аллу. Которая на грузовике работала. И вот, думаю, может, это зло вышло с завода и убило ее? Потому что кто еще? У нас в городе нет таких.

– Откуда ты знаешь про Аллу? – брови Меланьи сошлись на переносице, она нахмурилась. – Это Артем рассказывает? Если так, поговорю с ним. Додумался, что младшему брату рассказать! Как будто тем других нет!

– Артем говорил, да. Но я еще раньше узнал, прочитал в новостях, в Интернете, – ответил Сенечка. – Потому и спросил его.

– Я не знаю, кто убил Аллу, – ответила Меланья, помолчав, ее лицо стало серьезным и печальным, – Ужасно, что так случилось. Но Артем и его напарники обязательно отыщут убийцу, и он понесет заслуженное наказание. А ты, пожалуйста, будь осторожнее! Если в Донске появилась опасность, детям тоже надо быть начеку! Не отходи далеко от дома и вечером будь здесь. Хорошо?

– Хорошо, – кивнул Сенечка. – То есть, ты не думаешь, что зло с завода убило Аллу?

– О, Господи! – чуть раздраженно воскликнула Меланья, всплеснув руками, в одной из которых все еще было яблоко, – Ну, конечно же, нет! Кто тебе наговорил глупостей? Сенечка, надо поменьше играть в страшные игры, поменьше смотреть фильмы по телевизору, где показывают разные ужасы!

– Это называется «Хоррор». Очень популярный жанр у молодежи.

– После них что угодно может прийти в голову. Однажды, помню, вошла к вам, когда вы с Артемом какой-то фильм смотрели, сама испугалась! Я все-таки поговорю с ним, это не дело. Он должен приглядывать за братом, а не учить непонятно чему!

– Да, мам, поговори, – Сенечка поднялся. – Спасибо, я тогда к себе пойду.

Он наклонился и поцеловал мать, которая, все еще негодуя на беспечность Артема, принялась за свои эскизы. На этот раз она отложила яблоко и взяла в руки карандаш, намереваясь поправить ошибки. Она больше не обращала на сына внимания. Вернувшись в свою комнату, мальчик почувствовал, что на сердце стало легче. Теперь он мог дышать полной грудью и не чувствовать холода внутри. Мать развеяла сомнения: на заводе не было страшного зла. Да, она почему-то говорила с несвойственным напряжением, как если

бы не хотела, чтобы сын оказался там, но кто поймет взрослых. Никогда не знаешь, что у них в мыслях. Главное, никакой жестокий убийца там не сидит! И ничто не грозит – кроме, разве что, трепки от охранников, – если они все-таки отправятся в свой необыкновенный, волнительный квест.

Глава 8. Дневник

Луизы. Любовь-болезнь

Всю ночь не могла уснуть, думала о том, что произошло. Что если Артем прав, что если случившееся – только фантомы, рожденные болезнью моего расстроенного мозга? Ведь, если бы все было на самом деле, было бы как? Рутинно. Буднично. Обычно. Алла пришла бы ко мне, но не размахивала кинжалом, не угрожала убить, а просто обругала последними словами, может, дала бы пощечину. И если бы Тонино был настоящим, разве был бы он так хорош? Разве был бы таким обходительным и нежным? Да и встречались бы мы на улице или в какой-то городской квартире, в отеле для встреч, на худой конец. Но точно не в старом, заброшенном доме с заколоченными ставнями, который мог появиться разве что в фильме ужасов. И разве сами встречи не были бы другими? Могло ли в реальной жизни случиться так, чтобы в заколоченном доме сверкали огнями богато украшенные залы? Мог бы играть настоящий оркестр, а гости – танцевать в красивых дорогих нарядах? И разве устраивают в наше время балы? Да еще в заброшенных домах! И разве хозяева балов так прекрасны, как он? И эти радушные хозяева просят гостей удалиться, чтобы побыть с девушкой в старом, некрасивом плаще, которая странно смотрится среди

царящего великолепия? И Алла, Алла, всю жизнь носившая рубашку и джинсы, водившая грузовик, разве может быть в платье, с оголенной спиной, со сверкающей бархоткой на шее, с уложенными в прическу волосами? Может ли все это быть правдой? Нет, это похоже на выдумку, на сюрреалистический бред, очень, очень похоже! Наверное, Артем прав. Я была фантазеркой, и мне все показалось, приснилось наяву, как тот грузовик, который видела только Алла, такая же безумная, как я сама... Или нет, Тонино тоже был там. То же видел грузовик. И он знает правду. Он точно знает. В тот день я решила, решила снова пойти в пустой дом, где не была после смерти Аллы ни разу. С того рокового вечера я ничего не слышала о Тонино, не получала от него вестей. Знала, что он переживает из-за ее смерти, они были дружны, а может и больше, чем просто дружны. Алла называла его своей главной любовью. А кем она была для него? Вдруг я – лишь случайный эпизод, мимолетное увлечение, возникшее под влиянием романтической атмосферы бала? Мне не хотелось идти к нему, страшно услышать, что я для него ничего не значу. К тому же неловко перед Артемом, который и так страдает из-за несправедливого обвинения в убийстве.

Но сегодня решила, я должна набраться смелости и пойти, должна увидеть его! Пусть он скажет, что это: правда или иллюзия. И что значили слова Аллы. О том, что я украла их любовь. Правда ли, что он любит меня? И... правда ли, что его люблю я? А если так, как быть дальше? Что делать? Мы

не можем остаться в Донске, видеть Артема, его семью. Но как же театр? И родители, тетя Флора? Мои ученики, школа... Нет, все это неправильно, и сама я не могу найти ответа на свои вопросы. Но он сможет. Пусть он решит, что делать дальше.

Рассудив так, я принялась собираться. На этот раз уже не надевала старый плащ, напротив, надела лучшее свое платье, голубое, длинное, из мягкого бархата. Красиво причесала волосы, даже распустила косу. Мне показалось, что выгляжу я привлекательнее, чем обычно, щеки горели от настоящего, естественного румянца, глаза блестели, губы казались почти алыми. Довольная собой, сказала родителям, что пойду погулять, папа, как обычно, возился во дворе с телескопом и потому не обратил никакого внимания, просто что-то буркнул в ответ. Когда он занят этой трубкой – не замечает ничего, что ему до моих прогулок! Прогулки, которые совершают по темному небу маленькие бриллианты метеоров, куда интереснее! Приняв его бурчание за согласие, я со спокойной совестью толкнула калитку, радуясь, что хотя бы тетка меня не видела. Уж от нее не ушла бы без самых подробных расспросов! Выскользнула на улицу, торопливо пошла по направлению к площади. Мне казалось, что все провожают глазами, смотрят на меня, будто знают, куда и зачем я иду!

Конечно, так просто казалось: никому не было до меня никакого дела, никто на меня не смотрел, но больное, за-

туманное воображение дорисовывало картину. Я втянула голову в плечи, сжалась, стараясь стать невидимкой, перебежала дорогу, свернула в переулочек и пошла туда, где, как я надеялась, ждал меня Тонино. В переулочке было пустынно, тут я могла не опасаться любопытных взглядов. Оказавшись возле заколоченного дома, прислушалась, помедлила, сомневаясь, потом толкнула калитку, вошла во двор. Ожидала, что сейчас снова поднимусь по скрипучим ступеням, пройду темными коридорами, распахну двери в сверкающую залу, но ничего этого не случилось. Потому что он сам стоял на крыльце, одетый в обычные джинсы и футболку, такой не похожий на себя прежнего, торжественного и официального, и все же – бесконечно красивый. Он увидел меня, радостно улыбнулся, открыто, почти восторженно, его ореховые глаза вспыхнули. Громким восклицанием он приветствовал меня и сбежал по ступеням навстречу. Я бросилась к нему, забыв обо всем. Ничего не видела, кроме его улыбки, его радость затмила для меня весь мир. Мы крепко обнялись и долго стояли вот так, прижавшись друг к другу, я чувствовала себя самой счастливой на свете. Потом вспомнила, зачем я здесь, счастье поблекло, съежилось, как брошенный в огонь кусок синтетической материи, и, испуганная, отстранилась. Он сразу заметил перемену настроения, Тонино всегда тонко чувствовал собеседника, он вопросительно, немного обеспокоенно, взглянул мне в глаза.

– Ты ведь знаешь? – тихо спросила я. – Про Аллу? Похо-

роны на днях...

– Конечно, знаю, – он кивнул. – Я буду там. На похоронах. Обязательно буду.

– Как такое могло случиться? – я посмотрела на него, словно он знал ответы на все вопросы, – Как ее могли убить? В нашем городе всегда было спокойно... Кто-то думает, что ее убил Артем. Как такое может прийти в голову! Артем не способен причинить кому-то зло. Он очень хороший. Не знаю, кто ее убил, какой-то мужчина, убийца. Но не Артем, точно не он!

– Конечно, не он, – снова грустновато кивнул Тонино. – Я мало знаю твоего жениха, но он кажется славным парнем.

– И не ты? – я с надеждой посмотрела на него, сердце замерло, словно от его ответа зависело наше будущее.

– Нет, не я. Почему ты так подумала? – он усмехнулся. – Я похож на того, кто убивает девушек?

– Нет, не похож, – тоже улыбнулась в ответ. – Совсем не похож. Я спросила только потому... Потому что... Даже не знаю, как это сказать, мне стыдно говорить тебе такое...

– Не нужно смущаться, я все пойму, – он ободряюще улыбнулся и снова обнял меня за плечи. – Ну, что случилось?

– В ту ночь, когда Аллу убили, произошло нечто странное... ты ведь помнишь ту ночь? Когда был бал, когда ты танцевал со мной, а Алла смотрела на нас.

– Конечно помню, этого мне не забыть никогда.

– И мне. А потом ты попросил всех уйти... И уже после, когда я была дома, она, Алла, пришла, поднялась на крыльцо, угрожала мне ножом. Говорила, что любит тебя. Она ревновала, понимаешь? Ревновала. Сказала: ты украла нашу любовь, и я убью тебя. Алла казалась совсем обезумевшей, не понимала, что делает. Потом убежала, а после – ее нашли мертвой. Не знаю, есть ли связь между этими событиями, но я пришла, пришла спросить, почему она так сказала? Что было между вами? И главное... нет, не это. Главное: что было между нами? Что есть между мной и тобой, Тонино? И есть ли хоть что-то?

– Ты дрожишь? – спросил он вместо ответа и крепче прижал меня к себе. – Тебе холодно?

– Это не от холода. Я боюсь твоего ответа, – честно призналась я. – И неважно, что ты ответишь. Я боюсь в любом случае. Боюсь тебя и боюсь себя.

– Не бойся, – он снова улыбнулся и принялся растирать мои плечи ладонями, чтобы согреть. – Алла погибла, это трагедия. Но дальше все будет хорошо, я уверен! Да, она сказала правду. Она была влюблена в меня, сильно влюблена. Она знала меня раньше, недолго, но знала. У нас был короткий роман, не стану отрицать. Я ничего ей не обещал, для меня это было легкой, мимолетной связью, надеялся, что и Алла разделяет мое мнение. Но она почему-то вообразила, что теперь я принадлежу только ей. Потом, когда я встретил тебя, когда полюбил тебя... Да, Луиза, не надо так удивлен-

но смотреть. Ты же и сама чувствовала! Когда полюбил тебя, Алла сначала пыталась помогать, делая это ради меня, как она говорила. Потом стала устраивать сцены ревности. Я не пытался ее образумить, думал, пройдет само. Никогда мне и в голову не могло прийти, что она придет к тебе с ножом! Что соберется угрожать! Даже не представлял, что Алла способна на такое! Она всегда казалась рассудительной, практичной, слишком спокойной, даже немного циничной. Не ожидал в ней столько скрытой страсти... Не знаю, что произошло с ней, Луиза, и почему она сделала то, что сделала, но это, в любом случае, прошлое.

– А будущее? – тихо спросила я, все еще не в силах поверить в услышанное. Он сказал, что полюбил меня! Значит, Алла не ошиблась, но как такое возможно?

– Ты любишь меня, Луиза? – спросил он, глядя в глаза.

– Да, – я улыбнулась, почувствовав, как волна счастья затопила меня, окатила и унесла в солнечную пучину, туда, где ослепительно сиял невиданный мною дотоле мир.

– А что Артем? Его ты тоже любишь?

Растерянная, я не знала, что сказать, потом опустила голову.

– Да, – прошептала еле слышно. – Его тоже люблю. Но по-другому, я люблю вас по-разному... Не знаю, как объяснить.

– Вот, когда разберешься в себе, мы узнаем, какое будущее нас ждет, – строго сказал он. Я испугалась такой внезапной строгости, надеялась, он захочет поцеловать меня, но

Тонино не сделал даже попытки. Показалось, что его глаза вдруг стали холодными, и от этого ледяного холода дрожь была меня все сильнее, тело буквально начало колотить, в глазах потемнело. Откуда-то издалека донесся его голос:

– Луиза, Луиза, что с тобой?! – и я рухнула в бездну, почувствовала только, что его руки подхватили меня.

Очнулась опять в темноте, лежала на очень широкой кровати, разглядела кружевное покрывало и полог, окаймлявший пятно света, остальное потонуло в неясной мгле, из которой выступало бледное лицо Тонино, склонившееся надо мной.

– Очнулась? – глухо спросил он с волнением. Осторожно провел рукой по моей щеке.

– Что случилось? Где я?

– В моем доме, тебе стало плохо, ты долго была без сознания. Я перепугался... Не знал, что делать.

– Я в твоей кровати?

– Нет, – он слабо улыбнулся, – Это гостевая комната. Как ты?

– Перед глазами все расплывается, мне холодно... Как если бы и не было одеяла.

– У тебя высокая температура, ты больна, Луиза, у тебя такие горячие руки...

– Долго я была без сознания? – я с трудом шевелила губами, каждое, самое простое движение стоило невероятных усилий.

– Да, уже утро... я не спал, сидел с тобой. Хотел позвать врача, но не решился. Не знал, как ты отреагируешь, если нас увидят вместе. В Донске все знают друг друга. Уж Артема-то точно знают, а ты – его невеста.

– Правильно, что никого не позвал, не надо лишних людей, никого лишнего в этом доме, – тихо ответила я. – Мне уже лучше. Немного полежу и пойду домой. Спасибо, что был со мной.

– Никуда ты не пойдешь. По крайней мере, не раньше, чем будешь твердо держаться на ногах. В таком состоянии я тебя не отпущу. Вот, возьми, выпей.

С этими словами он протянул чашку, в которой шипело и пузырилось лекарство. Я выпила через силу, ничего не хотелось. Потом он заставил меня выпить еще теплого чаю, заботливо поддерживая за плечи, чтобы я могла сидеть, после чего я откинулась на подушки, мне стало нестерпимо жарко.

– Как плохо, что тебе приходится видеть меня такой, больной и слабой, – жалостливо сказала я. – Очень неловко! Ты заслуживаешь другого. Знаешь, ты самый привлекательный мужчина, которого мне доводилось видеть. Я уже говорила это? Нет? Теперь говорю. Наверное, я не первая, ты слышишь эти слова от всех и каждого!

– Замечу, что ты красива, даже когда болеешь. Кроме того, если уж мы решим, что всегда будем вместе, будем поддерживать друг друга в болезни и здравии, как считаешь? И спасибо за комплименты, слышать их от тебя – совсем дру-

гое дело. Только ты важна для меня, Луиза. Только ты.

Я с трудом повернула голову и подняла на него глаза:

– Ты, правда, не сказка? Правда, не моя фантазия? Ты такой, каких не бывает на самом деле...

Он улыбнулся.

– Все мы – немного фантазии. А уж актеры – тем более. Когда сыграл много ролей, забываешь, где настоящее. Сейчас спи, Луиза, тебе нужно восстанавливать силы. Я тоже посплю. Можно лечь рядом? Здесь есть место, такая широкая кровать, откуда она только взялась!

Кивнув, я подвинулась, он, не раздеваясь, лег рядом, поверх одеяла, обнял меня одной рукой и довольно быстро уснул. Неудивительно, он же не спал всю прошлую ночь! А я никак не могла уснуть, думала о родителях, которые волнуются, тетя Флора и вообще сходит с ума, она такая беспокойная! Даже когда нет повода, а уж если есть! Думала об Артеме: что бы он сказал, если б увидел меня сейчас, лежащую в этой широкой кровати рядом с другим мужчиной. Пусть я больна, не могу даже пошевелиться, пусть между нами ничего не было, но зачем-то же я пришла сюда, вряд ли Артему бы это понравилось. Наверное, все как-то нечестно. Но не могла не чувствовать себя самой счастливой на свете, когда думала, что Тонино спит здесь, под боком, что его рука обнимает меня. Осторожно провела рукой по его волосам, чтобы не разбудить. Он волновался, ухаживал за мной, сказал, что любит, что у нас есть будущее! Все это дарило крылья,

но одновременно порождало столько сомнений... Наконец, организм не выдержал борьбы с болезнью, тяжелые мысли оставили меня, и я тоже провалилась в сон. Проснулись мы оба уже ближе к вечеру.

Я открыла глаза, повернулась, он лежал рядом и, улыбаясь, смотрел мне в лицо. И вот тогда Тонино впервые меня поцеловал. Это было невероятно, совсем не так, как прежде с Артемом. Сказать по правде, я никогда особенно не любила поцелуи, считала, они зачем-то нужны только мужчинам, а женщины просто смиряются. Но сейчас почувствовала что-то, чего не ощущала прежде. Наш поцелуй был очень долгим, и мне не хотелось, чтобы он заканчивался.

– Как ты? – спросил он.

– Мне лучше, намного лучше, – я улыбнулась. Силы, и правда, возвращались. Сделала попытку встать, но он удержал меня и снова поцеловал. Мне было очень сложно бороться со своими чувствами, хотелось остаться с ним надолго, навсегда. Но я знала, что нужно идти. Возможно, меня уже ищет весь город! Понял это и Тонино. Он убрал руки, поднялся, я откинула одеяло, и он помог мне встать. И тут впервые заметила, что на мне вовсе не голубое бархатное платье, которое я надела вчера для встречи с ним, а тонкая белая ночная сорочка. Чужая, чья-то. Может быть, Аллина. Растерянная, я подняла глаза и развела руками, слов не нашла. Он молча кивнул на стоявший рядом стул, на нем висели мои вещи. После чего повернулся и вышел из комнаты,

чтобы я могла переодеться. Я чувствовала смущение от мысли, что он снял с меня одежду, снова мучительно покраснела, сердце стучало, как сумасшедшее, но, вместе с тем, понимала, что выбора не было: не могла же я лежать в кровати больная в этом почти вечернем платье. Быстро переделалась. Я все еще была слаба, ноги дрожали, но смогла аккуратно сложить сорочку и застелить кровать. После чего искала выход, медленно шла по коридору, стараясь не споткнуться о балки, осторожно переступая каждую из них. Он ждал во дворе. Я приблизилась.

– Нужно идти, – виновато сказала я. – Меня, наверное, уже ищут повсюду. Спасибо тебе, спасибо за все!

– Конечно, иди, я понимаю, – он наклонился и поцеловал меня в лоб. – Когда мы встретимся в следующий раз – пойдем, какое будущее нас ждет, да?

Я кивнула. Догадалась, что он имел в виду и знала, что он прав: нельзя обманывать Артема, нельзя обманывать Тонино. Нельзя жить на две жизни. Я должна принять решение и должна сделать это быстро, он не готов ждать. Но сейчас я больна и у меня нет сил решать. Мне хотелось только поскорее добраться до дома и снова лечь в постель. И это Тонино тоже хорошо понимал, я видела в его глазах сочувствие и беспокойство. Мы простились, тихо, без поцелуев и объятий, он просто сжал мою ладонь в своей, и я пошла домой. Уже на улице поняла, что меня и правда искали, соседи с любопытством выглядывали из-за заборов, некоторые даже

спрашивали, все ли хорошо.

Родители и тетя Флора встретили во дворе. Меня поразили их бледные, измученные лица, да они выглядели еще хуже, чем я сама! Мама первой бросилась ко мне, обняла, отец застыл на крыльце, изумленный, а тетка поставила руки в боки и воинственно вскинула подбородок.

– И где же это ты пропадала? – глухо спросила она. – И что нельзя позвонить родителям? Написать сообщение тете? Ты не подумала, что мы вообще-то волновались?

– Простите, – я не нашла других слов. – У меня не было с собой телефона. Я заболела, потеряла сознание... Мне и сейчас нехорошо.

– Боже мой, – с ужасом воскликнула мать, – А где ж ты была?

Я пожалала плечами.

– Не помню... Была без сознания, у меня поднялась температура.

– Наташа, проводи ее в дом, что ты держишь девочку на пороге! Не видишь, она еле жива! – возмутился отец, сбежал с крыльца, буквально вырвал меня из рук матери и потащил по ступенькам. Тетка и мама, не переставая охать, что придавало происходящему сходство с нелепой клоунадой, последовали за ним. Вскоре я оказалась в комнате, где моя мечта, наконец, исполнилась: я снова легла в кровать, укрылась одеялом, закрыла глаза и принялась вспоминать случившееся, в основном вспоминала, конечно, о поцелуе Тонино, о

его словах про любовь, что у нас – общее будущее. Пока в моей голове туман, от болезни, от волнения, от нахлынувшего на меня слишком большого счастья, но в следующую нашу встречу туман рассеется – и все определится, обязательно определится!

Постепенно я снова погрузилась в мир дремы, в чудесные мечты, в них Тонино блистал на сцене, а я аплодировала ему из ложи, желая только, чтобы занавес никогда не опускался. Потом начала засыпать, продолжая мечтательно улыбаться. А потом в комнате появился Артем.

Его приход вырвал меня из этого блаженного состояния, заставив вновь покраснеть от смущения, я почувствовала искреннее раскаяние, было мучительно стыдно. Он пришел, он волновался, а я совсем забыла о нем! Забыла даже, что он существует! А ведь он – мой самый близкий и любимый человек, неужели, я так быстро смогла предать даже воспоминания? Разве прожитые бок о бок годы ничего не значат? Я знала, что Артем глубоко привязан ко мне, наша разлука, если она случится, будет для него тяжелым ударом, от которого он вряд ли оправится быстро. А может, наоборот. Тетя Флора говорила, что женщины переоценивают мужские чувства. Боятся, что мужчина, которого оставили, будет мучительно страдать, ломает себе жизнь. А они быстро находят замену, обзаводятся счастливой семьей, не удосужившись потратить на печаль сколько-нибудь времени. Но это лишь мнение тетки, она выбирала неправильных мужчин. Кто знает, как на

самом деле? В глубине души мне хотелось никогда не узнать ответа, хотелось, чтобы Артему не пришлось проходить через разлуку, чтобы он не страдал из-за меня.

Артем сел на кровать, накрыл мои руки своими, я чувствовала их тепло. Такие сильные, такие любимые руки... Отец и мать стояли в дверях, наблюдая.

– Милая, что случилось? – ласково спросил он. – Мне сказали, ты заболела?

Я только молча кивнула, не могла заставить себя выговорить ни слова.

– Я тебе звонил, писал вчера, сегодня, – не получил никакого ответа. Сначала подумал, у тебя что-то с телефоном. Потеряла или сломался. Потом уж думал, может, чем-то обидел тебя, и ты не хочешь общаться. А после и вовсе стал раздражать какие-то ужасы... После того, что случилось с Аллой всякое померещится! Как хорошо, что ты дома. Чем ты заболела?

– Скорее всего, это нервное, – ответил за меня папа. – Она слишком переживала из-за Аллы, да и простудилась. Все болезни, в конечном счете, от нервов.

Я согласно кивнула, отец был прав, я перенервничала, потому и заболела. Не только из-за Аллы, хотя и из-за нее тоже. В основном из-за Артема, из-за Тонино. Из-за вставшего передо мной выбора и всего, что ему предшествовало. Но главное, из-за того, что, как я чувствовала, еще последует.

– Мне сказали, ты была без сознания? – снова спросил

Артем, – Долго?

Я кивнула.

– И где ты была все это время? Когда потеряла сознание? Почему мне никто не сообщил? Как это произошло?

Я молчала. Не знала сначала, что ответить. Но столь долгое мое молчание уже выглядело странно и могло обидеть его. Решила собраться силами и сказать правду.

– Я была... была у Тонино, – еле слышно выдавила я. – Он присмотрел за мной, чтобы я не была на улице... В его доме. Старый, заколоченный дом, где бал. Помнишь, я тебе говорила...

Артем недоуменно уставился на меня, потом растерянно повернулся к родителям. И тут, неожиданно, папа буквально выскочил вперед, обнял его за плечи, наклоняясь к нам.

– Артем, мальчик мой, дома она была, где ж ей еще быть? В этой самой комнате и была! Лежала, не шевелясь. Мы врача звать не стали, у нас Флора вместо врача, все умеет. Да, Наташенька?

Растерявшаяся от столь внезапной лжи, произнесенной человеком, всегда говорившим правду и только правду, – отец был известным правдолюбом, – мать, словно робот, кивнула. Артем с облегчением улыбнулся.

– А во сне ей мало ли что привиделось, она же бредила, всю ночь бредила, – убедительно и вдохновенно продолжал врать отец.

– Понимаю, – Артем кивнул, – Бедная... Хорошо, что ты

была дома. Я уж боялся, что упала где-то на улице.

Он сочувственно сжал мою руку.

– Ну, поправляйся, лежи, не вставай. Тебе нужно отдохнуть и поправиться. Купить что-нибудь? Лекарства? Продукты? Или врача вызвать?

– Ничего не нужно, спасибо, – еле слышно прошептала я и покраснела. – Все есть. Просто отдохну.

Артем поднялся, попрощался с родителями, поцеловал меня в щеку, обещал писать и узнавать о моем самочувствии и ушел. Едва он вышел, мама набросилась на отца, тот лишь слабо отбивался.

– А что я должен сказать? Что моя дочь провела всю ночь неизвестно где? У какого-то чужого мужчины? Кому, ее жениху я должен так сказать? Ну уж, нет, дудки! Иди, спроси Флору, она подтвердит, что я прав!

Мать с возмущением закрыла дверь, голоса родителей стихли, и я осталась одна. Не представляла, что делать. Была уверена, у меня не было никаких сомнений: я любила Артема, очень любила. Но при мысли, что придется расстаться с мечтой о Тонино, отказаться от него, хотелось умереть. Да, я понимала, что лучше умереть, чем никогда больше не пережить сказочные мгновения: последние сутки стали лучшими за мою жизнь, и я никак не могла поверить, что ничто уже не повторится вновь.

К вечеру я приняла окончательное решение оставить Артема, родителей, Донск и уйти с Тонино туда, откуда он при-

ехал, на его чудесную родину, где бы она ни находилась.

А на следующий день Артем прислал букет розовых роз и белых фрезий, нежный, хрупкий, так напоминавший букет невесты. К нему прилагалась записка, где он желал мне скорейшего выздоровления, и еще одна маленькая открытка, тоже с добрыми пожеланиями, – от Сенечки.

При мысли о мальчике у меня сжалось сердце. Сенечка так любил меня и так мне верил. Неужели, я могу его разочаровать? Неужели, смогу ради мечты о Тонино предать не только Артема, но и веру его маленького брата? Разве такой я была? Лежа в кровати, смотрела в потолок и думала, что мое представление о себе отличалось от реальности. Даже о себе не могла сказать, где настоящая Луиза, а где фантом. Раньше, если бы кто-то спросил, я бы осудила другую девушку за такие проступки. Но теперь, оказавшись на развилке, выбирая дорогу, по которой идти, стояла и не решалась ступить ни туда, куда звали совесть и рассудок, ни туда, куда звало мятежное сердце.

Глава 9. Разговор по душам

Луиза почувствовала себя лучше лишь спустя несколько дней. Жар спал, в голове прояснилось, девушку перестал мучить постоянный озноб. Силы пока не вернулись, и она оставалась в постели. Едва только вспоминала о похоронах Аллы, которые была вынуждена пропустить из-за болезни, сердце мучительно сжималось. Ей было стыдно перед памятью Аллы, жаль безвременно погибшую молодую женщину, в смерти которой есть, пусть и малая, ее вина. Но не менее мучилась она оттого, что на похоронах могла бы хоть мельком увидеть Тонино: он обещал быть там! Понимала, других шансов увидеться нет: он не согласится на встречу, пока не будет уверен, что Луиза сделала выбор. А именно этого она не может! И потому девушка ждала возможности увидеть его хоть издалека, но не сбылось. Теперь ей хотелось услышать о нем, поговорить с тем, кто присутствовал, посмотреть на Тонино чужими глазами, если уж своими не удалось. Но даже это оказалось непростым: некого расспросить. Артем разозлился бы при очередном упоминании о герое ее фантазий. Луиза чувствовала: если раньше он мог мириться с ее выдумками, теперь связанное с Тонино вызывало в нем раздражение и агрессию. Мать лишь сочувственно покачала бы головой. Отец не был на похоронах, он вообще редко выходил из дома, предпочитая свой пост возле телескопа,

и потому точно не мог знать, кто присутствовал на кладбище, а кто нет. А если бы он каким-то чудом оказался там, невнимательный, безразличный к внешнему миру, Виталий не заметил бы незнакомца среди гостей, даже такого импозантного, как Тонино. Флора... Флора посещала любые мероприятия, будь то похороны, свадьбы, собрания жилищного кооператива, встречи обманутых вкладчиков, вечеринки выпускников, – ничто не могло избежать самого пристального ее внимания, тетушке было дело буквально до всего. Злые языки, а в Донске они тоже были, судачили, что такое любопытство Флоры обусловлено отсутствием собственной семьи. Дескать, были бы свои дети – не было бы у нее желания везде влезть. Но Луиза думала, что наличие семьи несколько не изменило бы тетушку. Девушка могла вспомнить тех, кто не имел семьи и не испытывал ни малейшего интереса к общественным вопросам, держался обособленно, как отшельник, и тех, кто, будучи многодетными родителями крикливых чад, считал своим долгом участие в подобных собраниях. Это либо есть в человеке, либо нет. Флора любила бывать на людях, делиться мнением, выслушивать чужое, спорить, критиковать, с завидным упорством бороться за привлекательную для нее идею. Могла часами переписываться в чате жилищного товарищества и никогда не уставала от бесконечного потока сообщений, порой более чем бессмысленных: иногда их приходило до сотни в день. Но главное – она была наблюдательна. Луиза думала, что из тетки вышел бы

отличный частный детектив, и, если бы ей посчастливилось жить во времена Агаты Кристи, наверняка писательница выбрала бы Флору прототипом очередной мисс Марпл, – Флора замечала все. И конечно, она бы никогда не упустила из виду высокого, привлекательного шатена, явившегося на похороны в одиночестве. Луиза бы не удивилась, если б Флора раньше, чем полиция, раньше, чем Артем, сумела вычислить убийцу Аллы. Если бы она чаще бродила по улицам и пустырям, так наверняка бы и случилось. Но тетка любила сидеть на веранде в кресле-качалке с книжкой или вязанием в руках, любоваться цветами, радоваться тихим летним дням. Ленности и расслабленности ее мог позавидовать кто угодно. Флора замечала факты, но не могла их сопоставлять и анализировать, лишь обостренная интуиция указала бы ей истинного преступника. Луиза решила расспросить тетку: едва та заглянула с ежедневным визитом, девушка приветливо махнула рукой, призывая войти в комнату. Флора немного удивилась настрою племянницы. Еще вчера та лежала, отвернувшись к стене, всем видом подчеркивая нежелание беседовать с родными.

С заговорщическим видом тетка, одетая в велюровое домашнее платье винного цвета, уже изрядно поношенное, – она снова не собиралась никуда выходить, планировала весь день провести на веранде. Волосы ее были замотаны на макушке в неаккуратный узел, на носу очки, свидетельствующие, что она ждет не дождется момента, когда можно поки-

нуть суетный мир обыденности и погрузиться в чтение. Читать Флора любила страстно, поглощая книги одну за другой. Ей было неважно, что именно читать, когда на глаза попадались забытые Луизой детские учебники, тетка могла прочитать и их тоже, от корки до корки.

Флора прикрыла за собой дверь и с радостным нетерпением присела на кровать. словно охотничья собака, почувала, что разговор пойдет о чем-то крайне занимательном.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – заботливо спросила она, накрыв ладонь Луизы своей.

– Спасибо, тетя, гораздо лучше. Так сильно я еще никогда не болела. Пару дней назад думала, что никогда не поправлюсь. Сейчас все уже хорошо, скоро буду совсем здорова. Мне кажется, твои отвары тоже помогают.

– Ну, конечно, помогают, а как иначе! Нельзя же лечиться одними таблетками. Так убьешь свой иммунитет. Ты нас очень напугала, наверное, новый вирус. Непонятно, как он пробрался в Донск, тем более летом. Сейчас не сезон для эпидемии.

– Для вируса нет границ и сезонов, им любой хорош, – слабо улыбнулась Луиза. – Главное, никто из вас не заразился, возможно, я просто простудилась и расстроилась из-за Аллы. Жаль, даже не смогла попасть на похороны.

– Без сомнения, – кивнула Флора. – Жалко, ты не смогла проводить ее в последний путь. А само мероприятие было так-себе, ничего необычного. Все те же люди. Родители Ал-

лы очень убивались, тяжело на это смотреть. Но оно и понятно, единственная дочь. Ее брат, как уехал на север, так и не возвращался. Но похороны тоже не пришел. С родителями почти не общается.

Луиза печально кивнула, ей тоже жаль родителей Аллы, которых девушка хорошо знала. Они были милыми и простыми.

– А кто еще был? Помимо вас и родителей?

– Ну, Апрельевы в полном составе, кроме Михаила, как я уже сказала. А так и двоюродные, и троюродные: братья, сестры, племянники Аллы. Все собрались. Друзья ее были, коллеги. Альберт, конечно же. Она с ним работала, по праву явился. И однако, подошел ко мне тут же. Опять реверансы делал, комплименты. Постеснялся, старый черт, хотя бы на похоронах! Не лучшее время, как считаешь?

– Да уж, – Луиза слегка улыбнулась. – Но это же Альберт. Его ничто не остановит! Другие женщины могли бы позавидовать столь упорному кавалеру!

– Хотела бы я знать, как его отвадить, – шумно вздохнула Флора. – Надоел за столько-то лет!

– Тетя, а еще кто был? – Луиза испугалась, что тетка переведет тему. Несмотря на внешнее равнодушие, Флора любила поговорить о незыблемых чувствах Альберта.

– Артема твоего не было, если ты о нем. Родители его были, конечно. Без сыновей.

– Понятно. А еще?

Флора насторожилась, теперь она поняла, что племянница спрашивает не просто так.

– А кто именно тебя интересует? Всех, кого знаю, перечислила. Воронины еще были. Новиковы. Агаповы. Вроде, больше никого.

– А те, кого не знаешь? Незнакомые люди?

– Незнакомые? – Флора напрягла память. – Дай-ка подумать... Нет, что-то не припомню. Были какие-то ребята, могилу копали. Полтора землекопа. Начальник кладбища был. Вот и все. Откуда на похоронах быть неизвестным!

– Странно... – Луиза нахмурилась. – Скажи, а ты не видела мужчины... Он высокий, молодой. Очень красивый, не из Донска.

– Мужчина не из Донска, да еще очень красивый? – Флора посмотрела на племянницу с крайним изумлением, – Ты что, издеваешься?! Неужто думаешь, я могла бы забыть? Да я бы назвала его в первую очередь! Нет, к сожалению, моя дорога давно не пересекается с красивыми молодыми незнакомцами. Никого похожего не было.

– Странно, – повторила Луиза. – Он был дружен с Аллой. Говорил, обязательно придет. Неужели, с ним что-то случилось...

– О ком ты? Не хочешь поделиться со старой теткой?

– Я говорю о мужчине, который ухаживал за мной. Когда я потеряла сознание...

– Ты же упоминала Тонино? Мы думали, просто бредила.

Все знают, что его не существует.

– Он существует, – Луиза рассмеялась. – Клянусь, он существует, даже если Артем в это не верит! Он реален, я виделась с ним, тетя, много раз виделась! И он, только не говори никому, ладно? Он даже поцеловал меня... Знаю, сейчас ты скажешь, что это нехорошо, так нельзя поступать, ведь у меня есть жених...

– Ничего подобного я говорить не собиралась, – тетка скрестила руки на груди. – Жених, эка невидаль! Да за такого жениха, как твой, я бы, к примеру, в молодости точно не пошла. Он, конечно, сын мэра и парень неплохой. Но не орел, не орел.

Луиза рассмеялась, она знала, что тетка считала любого мужчину недостойным и себя, и своей племянницы.

– Тонино понравился бы тебе, – она откинулась на подушки и мечтательно улыbnулась. – Вот он – точно орел. Он актер, будет играть в нашем новом театре. И дал деньги, чтобы восстановить его. Молодой, очень привлекательный! С ним так интересно говорить, он столько всего знает! И такой заботливый, видела бы ты, как он волновался, когда я заболела...

– Что ж, если он так хорош, как ты описываешь, мне бы он точно понравился, – усмехнулась Флора. – А как же Артем?

– В том-то все и дело, – Луиза печально вздохнула. – Мне кажется, потому я и болею. Тонино сказал, что к следующей встрече я должна выбрать. Одного из двух. И сама понимаю,

что должна, нельзя же мне разорваться. И обманывать никого не хочу. А выбрать не могу. Не понимаю, как могу потерять Тонино, я же жить без него не стану, тетя! Но и Артема люблю, так привыкла к нему за эти годы. Он уже часть меня, моей души. И он меня любит, для него удар будет. И Сенечка любит, все ждет, когда войду в их семью. А если последую за Тонино, придется мне уехать из Донска... А я не готова. Все так сложно, почему все так сложно!

Тетка оперлась на стену и запрокинула голову назад, размышляя.

– Вот поэтому, – протянула она, чуть погодя, – Я и предпочитаю одиночество. Никому ничего не должна, ни о чем не переживаю, не сожалею. Очень довольна жизнью и очень счастлива. Подумай, нужны ли такие страдания, если даже доводят до болезни?

– Значит, у бедняги Альберта никаких шансов? – усмехнулась Луиза. – А я-то надеялась, ты сдашься, рано или поздно.

– У бедняги Альберта никаких шансов, – подтвердила Флора.

– И ты совсем никогда не любила его? Он тебе даже не нравился?

Женщина пожала плечами, потом встала, отошла к окну и долго смотрела на что-то вдалеке, как потом выяснилось, – наблюдала за соседским котом.

– Когда мы были молодыми, еще в школе учились, может,

он мне нравился. Немного. Мы даже встречались. Тогда он был, конечно, не таким, как сейчас. Куда интереснее. С шапкой черных густых волос, с широкой улыбкой, стройный. Да, он мне нравился. Потом я уехала учиться. Он в город за мной не поехал, остался здесь, открыл магазин с отцом. Я вообще не собиралась возвращаться в Донск. Вернулась только из-за твоей матери. Она настояла, считала, что одна не выживу. Будто я неприспособленная. Может, я и не очень приспособленная, факт. Никогда меня не привлекало мирское, да ты сама такая, и отец твой. Все витаем в облаках. К тому же мне не повезло: один за другим было несколько неудачных романов. Все с женатыми, нет от них никакого проку, моя девочка. Никто от жены так и не ушел, а я все ждала чего-то, надеялась. И в какой-то миг вдруг почувствовала, что устала, поняла, не могу больше плыть против течения, не могу бороться с чертовой жизнью. Не для меня это. И мужчины эти не для меня родились. На сердце вдруг стало так легко, когда догадалась, что делать: вернуться в Донск! Тосковала все эти годы по родному дому, счастлива была, когда снова тут оказалась. Не нужен мне большой город, не нужна суета, утром на работу, вечером с работы. В Донске куда спокойнее. И тут-то снова Альберт меня увидел, чувства у него проснулись, он к тому времени как раз с женой развелся, успел отойти от разрыва, вспомнил молодость и начал ухаживать. А я-то уже в городе побывала. И вижу, что не так хорош, как прежде. И никакой не принц, не король,

а всего лишь пожилой армянин, владелец маленькой лавки в маленьком городе. Такой ли мне нужен? Нет, конечно. Не красавец он теперь, сама видишь. Обычный мужчина. И я не захотела тогда. А теперь уж и вовсе мне не надо. Достаточно поволновалась из-за них.

– А какая разница, если он армянин? – с любопытством спросила Луиза.

– А такая, что он не просто армянин, а старый армянин, – резко ответила Флора, обернувшись. – Что ты знаешь об армянах? Ничего? И правильно. Не надо тебе лишнего. А вот я знаю, что любой армянин к старости начинает понимать, что нет в мире женщин лучше армянок! Возможно, так и есть. И потому, считаю, жену он себе сразу должен искать среди них. А то, что будет за комедия, если он женится на мне, а потом бросит через пару лет, чтобы найти женщину тех же традиций, которую ему родственники посватают? Это же просто будет... нет. Я не переживу! Хватило мне уже неудач на личном фронте.

– Господи, тетя! – воскликнула Луиза, не сдержавшись, – Артем еще говорит, это я не в своем уме! Может, и правда, что-то сочиняю, придумываю... Сама уже стала сомневаться, где правда, а где вымысел! Вот ты сейчас сказала, что Тонино не был на похоронах... И я снова думаю, вдруг это все лишь иллюзия? Вдруг Тонино – легенда, фантом, как выразился Артем? Иначе ты бы заметила его в толпе на кладбище, правда? Его нельзя не заметить! Вы не верите в него, дума-

ете, я бредила из-за болезни! Да, наверное, я совсем больна, даже безумна. Но ты, тетя, ты! Ты куда безумнее меня! Надо же придумать такое: отказываться идти с мужчиной под венец только потому, что вообразила, будто он через пару лет захочет искать новую жену-армянку и бросит тебя! Да он добивается тебя уже почти сорок лет! Разве это ничего не значит? Разве не говорит о серьезных чувствах, о постоянстве? О настоящей любви?

– Луиза, что ты понимаешь в настоящей любви, – протянула тетка, доставая из кармана пачку сигарет, и Луиза признала ее правоту. Много, много раз задавала она себе вопрос, что же такое настоящая любовь, – и не находила ответа. Ее чувство к Артему, проверенное временем, – это ли настоящая любовь? Ее страсть к Тонино, от которой кружится голова, налетевшая, словно океанская волна, – это ли настоящая любовь? Она не знала. И потому не имела никакого права давать тетке советы в отношении Альберта Альбертовича.

Флора хотя бы имела опыт неудачных романов, пусть печальный, но разве это не лучшая школа, школа жизни? Она долго работала в городе, а сама Луиза никогда не отходила далеко от родного порога. Всю жизнь ее опекали, то родители и тетка, то Артем, ей не приходилось принимать решений, и потому сейчас было так сложно. И для того, кто принимает решения постоянно, это было бы непростой задачей! А уж для нее, жившей в теплой атмосфере Донска, среди родных и друзей, будто под хрустальным колпаком, или, как говорят

англичане, «в башне из слоновой кости», задача из просто сложной превращалась в непосильную. Девушка задумалась и даже не стала возражать, когда Флора закурила в комнате. Она курила тонкие дамские сигареты. Надо заметить, курение чрезвычайно шло женщине, придавая изысканно-роковой вид. Флора вполне могла бы подрабатывать игрой в сериалах, добавляя яркости эпизодам и проходным сценам. Они бы точно запоминались зрителям! А ей, Луизе, нужно, прежде всего, разобраться в себе, навести порядок в голове, научиться отличать правду от вымысла, иллюзию от реальности. И, если окажется, что все было на самом деле, если Тонино – тоже реален, предстоит выбрать одного из мужчин, а для того понять: что же, все-таки, есть настоящее. Чувства к Артему, ковавшиеся в душе долгие годы: цепь событий, соединяющая Артема с Луизой, была длинна, уходила глубоко в детство, корни отношений давно проросли в память; девушка не смогла бы найти истоков, вспомнить первую встречу, казалось, они были вместе всегда, определены друг для друга самой судьбой. Но сердце неподвластно высшей воле и не следует дорогой судьбы. И ее сердце, вопреки всему, выбирало Тонино, человека, родившегося из древних легенд, из ее мечты, которого она почти не знала. Да и человек ли он? Разве мог бы тогда жить столетия? Нет, он пришел из другого мира, если она пойдет за ним, свой мир придется оставить: она тоже попадет туда, где можно жить вечно и не стареть. Нужно только решиться, выбрать... Но это непро-

сто! А давать советы тем, кто старше и прожил долгую, сложную жизнь, – нет в том никакого смысла.

– Ума не приложу, зачем они завели кота? – заметила Флора, вглядываясь в происходящее за окном. – Он совершенно бестолковый. И, по-моему, таскает соседских куриц.

Кот, персиково-рыжий лохматый мейн кун, грелся на солнце, нисколько не смущаясь авторитетным мнением тетушки Флоры и чувствуя себя в высшей степени вольготно, даже безмятежно.

Глава 10. Обещание

Артём вернулся домой поздно, родители легли спать: обычно они старались ложиться пораньше, Мел в косметических целях, считая, что сон до полуночи полезен для здоровья, а отец привык вставать с рассветом, к тому же уставал за день. Артем, тоже весьма уставший после работы, упрекая себя в душе, что не навестил все еще недомогавшую Луизу, осторожно, стараясь не шуметь и никого не разбудить, снял обувь в прихожей, повесил куртку в шкаф и прошел в кухню ужинать. В отличие от Мел, Артем нечасто задумывался о вреде для здоровья тех или иных привычек, и поздний ужин, иногда даже с бутылкой пива, считал вполне приемлемым. Он ничего не мог поделать, но ловил себя на том, что, в последнее время, избегал общества невесты. Ему не хотелось видеть Луизу, да, он сочувствовал ее болезни, переживал за девушку, желал выздоровления, но холодел от мысли, что при встрече она снова заговорит о Тонино, о своих навязчивых идеях, которые только усугубились, как после болезни, так и после случая с Аллой. Эта история тоже не улучшала настроения: сегодня он впервые услышал за спиной разговор о своем оружии, найденном на месте преступления. Чертов пистолет, надо же было ему выпасть именно тогда! Артем уже дал показания, пришлось рассказать, как застал Аллу ночью, с ножом в руках во дворе дома Виталия: та была

то ли пьяна, то ли приняла какие-то препараты и угрожала убить Луизу. Рассказал, как погнался за ней, побежал в темноту, сбился со следа. Уже тот факт, что он, полицейский, не смог догнать женщину, потерял преследуемую, упал, лишился оружия, достаточен, чтобы покрыть его позором среди сослуживцев на долгие годы. Стоило ли добавлять сюда подозрения в убийстве? Поезд его жизни рванулся под откос, и, как вернуть движение на нужные рельсы, Артем не имел понятия. Ясно одно: все вдруг пошло не так.

Мрачный, Артем открыл дверь в кухню, и, к своему изумлению, увидел Сенечку, неподвижно сидевшего за столом. Перед братом стояла большая чашка с кефиром, но он еще не приступил к вечерней трапезе, а просто смотрел куда-то вдаль, замерев, глубоко задумавшись. Увидев Артема, Сенечка поднял голову, сбросил оцепенение и радостно улыбнулся.

– А я ждал тебя! – загадочно сообщил он.

– Ты почему не спишь так поздно? – строго спросил Артем. – Почти полночь. Родители спят и тебе давно пора!

– Так каникулы, – беспечно откликнулся Сенечка. – И потом, говорю же, тебя жду. Надо поговорить. О важном.

Артем вздохнул, только этого еще не хватало... В глубине души он подозревал, что мальчик начнет строить теории о том, кто убил Аллу, или попросит взять с собой, чтобы распутать преступление. Он открыл дверцу холодильника, вытащил сковородку с котлетами, которые Мел заботливо при-

готовила для него, поставил на огонь, заодно поджег и конфорку для чайника. Потом сел, опустил голову на руки и устало взглянул на младшего брата.

– Ну, что случилось? – обреченно спросил он.

– Пока ничего, – успокоил Сенечка. – Ты не волнуйся, я просто поделиться хотел. Не думай, что мы что-то натворили.

– А почему пока?

– Потому что еще натворим, – с этими словами Сенечка снова загадочно улыбнулся.

– Рассказывай. Котлету будешь?

– Нет, поужинали уже.

Артем кивнул, принялся накладывать еду в тарелку, налил стакан чая, и пока был занят приготовлениями, Сенечка пустился рассказывать. Сообщил, что они с ребятами в субботу решили предпринять тайную вылазку на завод и спасти Карлсона, мышь тети Поли. Что ж, не так плохо, куда лучше, чем участие в расследовании убийства Аллы!

– А зачем вам это нужно? – поинтересовался Артем, усаживаясь.

– Ну, как же? – Сенечка даже опешил, – Доброе дело, вроде как. Нет разве?

– Это я понял, – Артем кивнул. – Я спрашиваю, зачем пробираться на завод тайком? Почему не можешь попросить папу, к примеру? Или маму?

– Он вечно занят, просто отмахнется. И мама тоже.

– Хорошо, почему не попросишь меня? – с усмешкой он ласково погладил брата по светлым волосам. – Может, я и не откажу. Какой смысл самим пробираться на завод и рисковать? Это по меньшей мере глупо. К тому же весьма суетно, утомительно. Что бы не сказать опасно.

– Так в этом-то и вся соль! – взволнованно воскликнул Сенечка, Артем испугался, что громкие голоса разбудят родителей, только их сейчас не хватало! Он прижал палец к губам, и Сенечка, уже тише, добавил, – Это же настоящее приключение! И потом, я хочу сделать что-то сам, понимаешь? Не что бы ты или папа за меня сделали, а самому. Принести какую-то пользу.

– Ты же вроде мир хотел спасти? – с доброй насмешкой спросил Артем.

– Ну, видишь, мир пока не выходит. Пока могу только так, – насупился Сенечка. – Родителям не говори, обещаешь? Хорошо? Я тебе по дружбе сказал. Ну и чтоб ты знал. Если вдруг с нами что-то случится, знал, где нас искать. Вдруг мы застрянем на заводе. Или вдруг там, и правда, живет зло...

– Какое еще зло?

– Ну, зло. Которое убило Аллу.

Артем еще сильнее нахмурился. Он знал, что брат был таким же неисправимым фантазером, как и Луиза, обычно это его раздражало. Но сейчас раздражало не это: было что-то еще, растущее в душе, темная тревога, неясное беспокой-

ство. Конечно, он не верил в зло, живущее на заводе. Еще меньше мог поверить, что это оно убило Аллу. Но нехорошее предчувствие уже поселилось в сердце, и избавиться от него не получалось. И да, он не хотел, чтобы брат задавал вопросы про Аллу или даже косвенно упоминал убийство в разговоре.

– Не нравится мне это, – честно признался Артем. – То, что ты про Аллу говоришь, это все глупости, конечно. Но на заводе может быть опасно.

– Ты был там?

– Нет, никогда.

– Почему же думаешь, что там опасно? Я спрашивал маму.

– И что она сказала?

– Сказала: завод, как завод. Ничего особенного. Но детям там делать нечего.

Артем задумался. Ему приходило в голову, что завод окружает нечто странное. Отец не любил говорить о нем, да и Мел ездила туда с явной неохотой. Среди деревенских жителей тоже ходили слухи, но их распускали суеверные старухи, вряд ли стоило обращать внимание. Тем не менее, незаконное проникновение в заводскую зону может, и правда, оказаться делом опасным. Особенно для группы детей. Особенно, если эта группа хочет что-то выкрасть, пусть даже никому не нужную мышь.

– А как вы найдете эту мышь? Завод огромный. Как игол-

ку искать в стоге сена.

– Не знаю, – Сенечка пожал плечами и наконец-то принылся за кефир. – Я об этом не думал, найдем как-нибудь. Мы фонари с собой возьмем, спички, еду. Плащи непромокаемые. Теплые вещи. Подготовил целый список. И рюкзак нашел.

– Спальный мешок берете? – поинтересовался Артем.

– Нет, а надо? – тут же насторожился Сенечка.

– Да шучу я, – откликнулся тот, Сенечка неожиданно рассердился и ткнул брата кулачком. – Не дуйся, хватит. Пей свой кефир.

Повисло молчание, Сенечка уткнулся в чашку, Артем задумался: тревога не унималась. Неужели, это после смерти Аллы он стал таким подозрительным! В больших городах случаются десятки и сотни смертей каждый день, и там убивают людей, тоже каждый день, воистину они избаловались в Донске, если произошедшее настолько всех потрясло! Хотя, конечно, Аллу он хорошо знал, с самого детства.

– Вот что, – произнес он, наконец. – В субботу у меня выходной. И, может быть, я тоже мечтаю о походе? Родителям не скажем. Обещаю, не буду помогать, не испорчу ваш триумф, сделаете все сами. Буду только наблюдать и курить, если вдруг что-то пойдет не так. Договорились?

– Правда?! – Сенечка поднял на брата засиявшие глаза. – Ты пойдешь с нами? Клянешься?

– Клянусь, – торжественно ответил Артем, и Сенечка по-

чувствовал, как у него отлегло от сердца. В глубине души он боялся похода, опасался, что они могут столкнуться с неведомым злом, пострадать или даже не вернуться назад. Но то, что брат, взрослый, сильный и смелый брат, пойдет с ними, – в корне меняло ситуацию! Теперь квест становился безопасным, но не менее сложным и увлекательным! Что может быть лучше, раз не довелось спасти мир!

– Спасибо, – он поднялся со стула и обнял брата за шею худыми ручонками. Артем почувствовал прилив нежности, крепко прижал мальчика к себе, потом осторожно отстранил его.

– Ну все. До субботы молчим. Теперь иди спать скорее, уже очень поздно. Чашку оставь, я помою.

– Спасибо, – снова пробормотал Сенечка и выскользнул из кухни.

Артем остался один, еще несколько мгновений мысли его были с младшим братом, а после он и вовсе забыл о субботнем походе. Теперь он снова думал о Луизе, об Алле. В основном об Алле. С Луизой разберется позже. Возможно, все-таки уговорит ее показаться врачу. Хотя бы проконсультироваться с психологом. Состояние Луизы огорчало, но в последнее время и злило тоже. Во всем хороша мера, а сейчас девушка вышла за дозволенные обществом рамки. Обычно бегство в иллюзорный мир свойственно тем, у кого сложная жизнь, несчастное детство. Луиза же, напротив, выросла в любящей семье, под безоблачным небом Донска, детство

ее было более чем счастливым, и потому Артем никак не мог понять, что именно толкает ее в эти странные фантазии. И чем больше думал, тем сильнее крепла мысль, что именно отношения с ним, их помолвка, вынуждают Луизу искать бегства от реальности. Неужели, девушка настолько не любит его? Неужели, жалеет о данном слове и пытается, хотя бы в мечтах, прожить другую жизнь, с другим мужчиной? Более успешным, более достойным? Если так, он не станет держать ее, отпустит, пусть живет с другим или хоть одна, как ее высокомерная тетка, лишь бы была счастлива. Он не будет навязывать свое общество и свою любовь. Конечно, это нелегко, но он справится. В конце концов, можно уехать из Донска, а с глаз долой – из сердца вон. И хотя Артем не представлял жизни без Луизы и понимал, что вдали от нее лишится покоя, был уверен: если потребуется, сможет оставить ее и уехать. Пусть разлука проверит любовь на прочность! А вот ситуация с Аллой не так проста... Непонятны мотивы убийства, непонятно, кому бедная женщина могла помешать. Или случайный безумец напал на нее? Но в Донске таких не было. Еще немного, и он поверит в сбежавшее «зло с завода», о котором говорил Сенечка! Все же реальнее, чем Луизины танцы на балу с загадочным Тонино! Уж в это он точно не поверит никогда... Как же достали фантазеры!

Понимая, что утро вечера мудренее и на ночь глядя загадки он не решит, Артем отправился спать, но решил завтра поговорить с Ликой, девушкой, работавшей с ним в одном

отделе и заметно ему симпатизировавшей. Они давно при-
яательствовали, Артем подозревал, что Лика могла бы смотре-
реть на него иначе, чем на друга, на коллегу, вероятно, он
интересовал ее. Но все в Донске знали о многолетней любви
между Артемом и Луизой и не пытались как-то вмешиваться
в отношения: девушки, заглядывавшиеся на симпатичного
сына градоначальника, отлично понимали безнадежность та-
ких попыток и потому заранее избегали их. И все-таки, Ли-
ка, принимавшая, в отличие от него, участие в расследова-
нии, могла бы намекнуть, в каком направлении они движут-
ся. И главное, подозревают ли его? Это следовало выяснить
в первую очередь.

На следующее утро, едва прибыв в отделение, Артем взял
два кофе и направился в кабинет, где работала Лика. Девуш-
ка обычно приходила раньше других, хотя жила неблизко,
ее светлые волосы, убранные в пучок, он заметил издалека:
макушку было видно из-за перегородки, разделявшей столы,
и из-за монитора. Никого больше, к счастью, в кабинете не
оказалось.

– Привет! Я кофе принес, – сообщил Артем, приблизив-
шись.

– Привет! – Лика подняла голову, поправила очки в тон-
кой оправе, удивительно ей подходившие, и на ее лице
вспыхнула улыбка, такая, какая появляется, только если ви-
дишь ну очень приятного человека. Нет, она не может счита-
ть его убийцей и так улыбаться! Это уж точно! – Заходи.

Я тут одна.

– Потому я и принес кофе только тебе, – он улыбнулся, поставил перед ней стакан и опустился на край письменного стола. – Как дела? Что нового?

– Нормально, спасибо за кофе. Только ты обо мне и думаешь, – снова улыбнулась Лика. – Остальным плевать, успела я кофе выпить с утра или нет.

– Кто о тебе не думает?

– Шеф, – она пожалала плечами. – Вчера опять отпуск не подписал. Я всего на неделю хотела, мне к бабушке надо съездить, в деревню, помочь. Она дом продает, чтобы к нам перебраться. Старая уже, тяжело одной в деревне. Думала, съезжу, посмотрю, что и как, может, вещи какие-то забрать, перевезти. Я же на машине. А он говорит, нет, пока расследование не завершено, никуда не поедешь. Как будто без меня некому работать!

– Ясно, – Артем сочувственно кивнул. – Ну, его можно понять, нечасто у нас такие громкие дела. А лучшего сотрудника, самого продуктивного, как раз отстранили...

– Да ты не умрешь от скромности! – воскликнула Лика с веселым негодованием и отхлебнула кофе. – О, вкусный! Люблю такой, не слишком крепкий! На углу брал?

– На углу.

– Там самый хороший, – она снова сделала глоток.

– Согласен. Слушай, Лика. А что у вас с этим делом, из-за которого шеф тебя в отпуск не пускает, продвинулись?

– Есть кое-что, – она кивнула. – Но я не могу сказать, понимаешь, почему? Извини, пожалуйста.

– Почему? – он невесело усмехнулся. – Тоже подозреваешь меня? Думаешь, я убийца? Думаешь, нечем больше заняться, как ходить на пустыри и женщин душить?

– Просто у меня есть служебные обязанности. Есть ответственность. Ты же сам знаешь, Тем. Прости. Мне, правда, неловко тебе это говорить.

– Слушай, Лика, – он доверительно наклонился к ней. – Я не прошу тебя нарушать правила. Конечно, все понимаю. Не надо мне ничего рассказывать, никаких деталей. Скажи только: есть кто-то, кто подозревает меня? Или вы идете в другом направлении? Прости, но я спрашиваю, потому что меня это прямо касается! Согласись, касается? Не очень приятно, когда коллеги считают тебя преступником!

Лика нахмурилась, колебания отчетливо отразились на лице. Можно ли сказать ему? Ведь Артем прав, его это касается напрямую! Он столько лет хорошо работал и сейчас эти подозрения оскорбительны! Как бы она чувствовала себя, окажись на его месте? Наконец, она подняла глаза.

– Нет, – ответила девушка, нехотя, но твердо. – Никто тебя не подозревает. Мы идем в другую сторону.

– И почему же?

– Потому что... – Лика шумно вздохнула, поправила ворот блузки. Он видел, что ей хочется поделиться, спросить совета, – Ох, Артем, ты же не скажешь никому, что я тебе

рассказала, правда? Могу на тебя положиться?

– Конечно, не скажу.

– И не будешь лезть в это дело, обещаешь?

– Нет, не буду. Обещаю.

– Без подробностей, детали не могу раскрывать. Сам понимаешь. Но появились новые улики, некие признаки, указывающие на серийное преступление. Мы считаем, тот, кто убил Аллу, убил еще несколько человек, в других городах. В разных концах страны. Прослеживается очевидное сходство, одинаковый почерк преступления. Поэтому нет, уж прости, ты мог бы, возможно, напасть на Аллу в состоянии аффекта, если бы между вами был конфликт, если бы ты защищался, хоть я и не верю в такое, думаю, ты на это не способен. Слишком правильный. Да ты самый правильный человек из всех, кого я встречала! А уж на серийного убийцу не тянешь при всем желании, даже твои недруги, если они, конечно, есть, подтвердят. Мы знаем тебя с детства, если бы за тобой водились подобные грешки, – давно бы вычислили. И потом, на дни, когда были совершены другие преступления, у тебя есть твердое алиби. Один раз ты даже был на дежурстве со мной. Я это помню, мы проверили и подтвердили. Тут еще много неясного, может быть, и эта версия ошибочна, но, кажется, сейчас мы на правильном пути.

– Отлично, – Артем вздохнул с облегчением. – Двойное впечатление! С одной стороны, хорошо, что я у вас больше не под подозрением. Это было, честно скажу, весьма и весьма

ма неприятно! С другой – если речь идет о серийном преступнике, находящемся неподалеку, в Донске, все выглядит еще страшнее. Он может не остановиться на достигнутом и продолжить. Существует вероятность, что последуют другие смерти. Можно еще кое-что спросу?

– Спрашивай, – она кивнула. Лика доверяла ему, это важно. Она не станет скрывать и обманывать.

– Были следы насилия? Он что-то сделал с ней?

– Нет, мы проверили. Если ты о преступлении сексуального характера, то нет. Просто задушил ее – и все. То же самое с другими жертвами. Таким образом мы его не вычислим, если ты хотел спросить про ДНК.

– Ясно. Тогда я вообще ничего не понимаю. Почему именно Алла? Потому что она оказалась ночью одна на пустыре? На ее месте мог быть кто угодно? Есть какие-то признаки, что он убивает именно женщин? Или среди других жертв были мужчины?

– Не могу сказать, – Лика покачала головой. – К тому же, мы полагаем, что нам известно не обо всех жертвах. Но женщины всегда в зоне риска. С мужчиной так просто не сладишь. Например, если бы маньяк, скажем, напал на тебя, у него явно были бы трудности!

– Спасибо за столь высокую оценку человека, потерявшего табельное оружие!

– Да брось, я же тебя знаю, – Лика рассмеялась. – Столько лет вместе работаем. Со всяким может случиться. Но ты

лучше скажи своей девушке, чтоб была осторожнее и не ходила по ночам. И матери своей тоже скажи.

– Моя девушка не ходит по ночам... – начал было Артем и растерянно замолчал. Неожиданное, уже забытое воспоминание о недавней сцене в комнате Луизы почему-то всплыло в голове. Она что-то говорила о том, что ночью несколько раз была у Тонино. Он постарался сосредоточиться на разговоре с Ликой и прогнал ненужные мысли. В конце концов, Луиза была больна и бредила, ее отец подтвердил, что девушка не выходила из дома. А если она воображает себя Золушкой, побывавшей на волшебном балу и похитившей сердце принца, – это опасно только для ее психического здоровья, угрозы жизни тут точно нет. Против воли, Артем снова почувствовал раздражение.

– Но ты лучше скажи, – заметила Лика. – А то мало ли! Никогда не знаешь, откуда придет беда. Не дай Бог, что случится, потом не простишь себе.

– Хорошо. Сегодня заеду к ней и скажу. Спасибо, ты очень помогла, – он поднялся и потрепал ее по плечу, почувствовал тепло ее кожи сквозь тонкую ткань рубашки. Форменный пиджак висел на спинке кресла, летом в нем было слишком жарко, – Настоящий верный друг, каких еще поискать!

– Обращайтесь, – чуть насмешливо кивнула Лика.

После разговора Артем вернулся на рабочее место, постаравшись чтобы его не заметили, – меньше всего хотелось бросать тень на Ликку, да и любые пересуды к добру не при-

ведут, – и еще долго раздумывал над услышанным. Теперь его положение значительно улучшилось, он мог не бояться обвинения в убийстве. Хотя о потерянном оружии еще долго будут напоминать, шутить, посмеиваться. Может, даже анекдот придумают! Небось, скажут потом, что он был нетрезв, возвращался с гулянки. Лика права, все считают его слишком правильным и теперь не упустят случая хорошенько поглумиться над оступившимся товарищем! Ладно, ничего не поделаешь, придется смириться с этими шуточками и не обращать внимания. Лучше постараться сосредоточиться на преступнике. Конечно, он по-прежнему отстранен и у него нет сведений, которыми располагает остальная группа, – Лика что-то говорила про имеющиеся детали, – но, пусть и ограниченный в доступе к информации, Артем не хотел отказываться от собственного расследования.

В конце концов, он имеет к этому делу самое прямое отношение. Он был на месте преступления. Он мог спасти жертву, но не спас. Алла напала на его девушку, угрожала ей оружием. Обвиняла неизвестно в чем. Серийный убийца разгуливает по городу его отца, в конце концов! По городу, который Артем обещал защищать.

Глава 11. Благословение

На следующий день, как и обещал Лике, Артем отправился навестить Луизу. Невеста сообщила, что уже почти поправилась и даже помогала матери работать в саду. Когда Артем пришел, женщины подвязывали огурцы в теплице. Сам Артем был далек от огородного дела и не очень-то понимал страстного увлечения Луизы садоводством. Наверное, после театра, своего дневника и снов, она больше всего любила именно выращивать растения, особенно цветы и пряные травы. Но и овощам, и плодовым деревьям с избытком доставалось ее любви. Они с Натальей могли пропадать в саду или в огороде целыми днями, иногда подолгу не покидали теплицы, причем если мать делала все, как учили, «по старинке», то девушка читала статьи, смотрела ролики, рассказывающие о тонкостях садоводства. Она знала, какие удобрения следует применять и в каких количествах, могла, разбуди ее ночью, с ходу ответить, какая почва подходит для посадки помидор, а какая – к примеру, для моркови. Любила она выращивать и более экзотические для нашей полосы культуры: баклажаны, арбузы, виноград. Перед домом пышными зелеными кустиками топорщился базилик, из теплицы выглядывали острые, алые перцы, а в дальнем конце сада самый лучший, самый солнечный участок был отдан розам. Розарию Луизы могли позавидовать даже искусственные

цветоводы: здесь росли цветы любых оттенков и размеров, от кустовых, диких, до небольших садовых, и те, чьи нарядные бутоны достигали размера гусиного яйца. Розы были как обычные: красные, белые, розовые, чайные, так и двухцветные, а некоторые оказывались и вовсе редкими, почти зеленоватые, голубые, серые. Артему нравились те, что имели удивительный, теплый, почти оранжевый окрас золотистой охры. Не желтые, не чайные, не красные, их нельзя назвать ни персиковыми, ни оранжевыми, ни медовыми. Золотистая охра, золотистый топаз – вот что напоминали чудесные маленькие соцветия, радовавшие глаз посетителей импровизированной оранжереи.

Соседи, а иногда и вовсе незнакомые люди, даже те, кто был в городе проездом, но слышал о цветнике, приходили, стучали в калитку, спрашивали позволения, а после Луиза, но чаще всего Флора, которая была куда общительнее племянницы и не упускала случая найти новых собеседников, провожала их по дорожке, петлявшей под сенью яблоневых и грушевых деревьев, туда, где в воздухе все лето витал нежный аромат распускающихся роз.

Луиза мечтала, чтобы однажды пришел и Тонино, но он не решался посетить дом: он не появится, пока сложный выбор не будет сделан.

В этот раз, к большому удовольствию Луизы, Артем пожаловал не один, его сопровождал серьезный и почему-то весьма нарядно одетый Сенечка. Мальчик был в новень-

ких синих брюках и ослепительно белой рубашке с короткими рукавами, как если бы собирался на линейку в школе или другое торжественное мероприятие. Его слишком важный и даже чуть мрачноватый вид, в сочетании с официальным костюмом, немного напугал Луизу: почему-то мелькнула мысль, что Сенечка уезжает учиться в другой город и пришел проститься. Она любила мальчика, как если бы он был ее младшим братом, и никогда не думала о возможной разлуке. Поэтому сердце сжалось от внезапно нахлынувшей печали. Луиза заранее испытала чувство ностальгии по временам, когда они гуляли с Сенечкой летними вечерами по улицам Донска и она рассказывала ему об устройстве мира то, что знала сама. Но вскоре все встало на свои места. Наталья отправилась на кухню, а Луиза торопливо поцеловала Артема, – встречи с ним она тоже опасалась, чувствовала, что между ними, как принято говорить в таких случаях, «пробежала кошка». Каждая девушка чувствует охлаждение любимого, даже если их общение ограничено телефонными разговорами, письмами или короткими записками. Луиза, беспокойно поеживаясь, проводила гостей в уютную белую беседку, оплетенную диким виноградом, где они разместились на скамейках в ожидании летнего чаепития. Зимой и осенью чай пили в доме, весной и в холодные дни – на веранде. А когда тепло и солнечно, приходили сюда: тут царил атмосфера южного курорта, и чаепитие менялось, превращаясь в подобие небольшого отпуска, вылазки «куда-то на море».

Девушка сбегала в дом, принесла конфеты и печенье, угостить Сенечку. Мальчик поблагодарил и тут же принялся за сладости, что-что, а это он любил.

– Ты уже совсем хорошо выглядишь, – заметил Артем. – Тебе лучше?

– Да, спасибо, – Луиза чуть напряженно улыбнулась. – Пока быстро устаю, силы еще не вернулись полностью. Но, в целом, неплохо. Скоро можно забыть о моей болезни. Хорошо, что она пришлась на каникулы, не представляю, как бы пропустила столько занятий во время учебного года!

– Верно! И замечательно, что тебе лучше, – согласно кивнул Артем. – Кстати, мы тоже пришли с хорошими новостями!

– Неужели?! – она бросила на него изумленный, даже недоверчивый, взгляд, – Наконец-то, в последние дни здесь совсем не было хороших новостей! Теперь в них даже не верю! И что за чудесную новость вы хотите рассказать?

– Вчера отец сообщил, что в театр привезли необходимые строительные материалы и команда реконструкторов, по его просьбе, уже приступила к работе. Бригады собрали большие, людей много, работают очень-очень быстро. Поэтому, хочется верить, к началу театрального сезона здание будет восстановлено! Так указано в планах администрации, а они редко отклоняются от намеченного курса. Не знаю, удастся ли сразу найти достойный репертуар, на репетиции и декорации времени не будет. Но всегда можно пригласить ан-

трепризу, или тех актеров, которым не нужны сложные конструкции на сцене. Оставшееся можно доделать после. Главное – открыть сезон, положить начало. Так ведь?

– Да! – Луиза даже захлопала в ладоши от радости и начала подпрыгивать на месте. Она всегда вела себя ребячливо, когда не могла сдержать восторг, – Великолепно, если здание будет восстановлено так быстро! Мне кажется, вместе с ним в Донск вернется старый дух – дух искусства. В нашем городе нет этого духа, вы не заметили? Есть доброта, красота, есть природа, забота о людях. Но искусства – нет совсем. А раньше был, во времена, когда город был построен, когда развивался. Но потом исчез, ушел. И мы превратились сначала в промышленный конгломерат, а после создания заводской зоны – в какой-то цветущий оазис, заповедник. Но не в город. В городе должно жить искусство, обязательно. Как было бы здорово, если б этот дух вернулся! А актеры... Почему ты считаешь, что у нас нет актеров? Мне кажется, у нас найдутся и актеры тоже...

Луиза вдруг смутилась, опустила глаза и мучительно покраснела, что не осталось незамеченным Артемом и Сенечкой. Но оба не поняли странную реакцию девушки. В душе у Артема шевельнулось смутное нехорошее предчувствие, но он ничего не успел ни сказать, ни подумать, ни перевести неясные интуитивные ощущения в осознанные фразы, потому что пришла Наталья с чайником, Луиза быстро расставила чашки, громко звякнувшие друг о друга, – девушка то-

ропилась и нервничала, – и они приступили к поспешному чаепитию.

Потом Сенечка выскочил из-за стола и отправился посмотреть телескоп, о чем просил уже давно, хотя Луиза и пыталась предупредить, что среди бела дня звездного неба он не увидит. Тетя Флора ушла на очередное мероприятие, Виталий прилег вздремнуть у себя в комнате, и потому во дворе было непривычно тихо.

– Луиза, и вы, тетя Наташа, – сказал Артем, воспользовавшись отсутствием Сенечки. Он обернулся убедиться, что брат действительно ушел и не может слышать, – Удалось кое-что разузнать по делу Аллы. О ее смерти. Меня отстранили, погрузиться в вопрос не дают, поэтому все мои сведения обрывочны, нет четкого понимания. Но слышал, следователи сделали огромный шаг вперед. А именно: перестали подозревать меня.

Наталья хохотнула, Луиза фыркнула, потом мать предложила Артему еще чаю, тот согласно кивнул.

– Что уже хорошо, – продолжил он, подставляя чашку, – Но прочие сведения не такие обнадеживающие. Мои коллеги считают, что смерть Аллы, – дело рук серийного убийцы. Не спрашивайте, почему так думают, я сам не знаю, но есть мнение, и оно должно на чем-то основываться. На каких-то известных полиции фактах. То есть, преступление, если убийца до сих пор в Донске, может повториться. Мы не знаем, кого он выбирает своими жертвами и почему убивает.

А значит, любой человек подвергается опасности, вот, даже я могу быть убит, к примеру. Но все-таки, опыт подсказывает, что жертвами обычно становятся более слабые, те, кто не может оказать сопротивления. Женщины и дети. Если ему принципиален возраст, то под угрозой молодые женщины и девушки, такие, как Алла. Поэтому, прошу, будьте осторожны. Не ходите никуда в темноте, старайтесь не возвращаться поздно. Луиза, если тебе куда-то нужно, ты всегда можешь позвонить мне, если буду не на дежурстве, отвезу тебя. Тетя Наташа, вы тоже звоните. А если уж решите идти без меня, то хотя бы вместе. До тех пор, пока мы не поймаем негодяя, пока у нас снова не будет спокойно, надо соблюдать осторожность.

– Страсти-то какие, – тоскливо вздохнула Наталья. – Жили хорошо, тихо, спокойно, и только этого не хватало... Раньше я считала, что главное зло здесь, – твой отец с его сносом зданий, а теперь вот, душегубы выискались.

– Когда я был маленьким, тоже считал, что главное зло, – мой отец. Он был довольно строг со мной, не то что теперь, с братом! – рассмеялся Артем. – А вот Сенечка вообразил, что какое-то страшное зло живет в заводской зоне. Подростковые страшилки, детям нужно что-то рассказывать в лагерях или вечерами у костра! Предположу, там он их и слышал. До меня тоже долетали подобные слухи, причем от людей постарше. Некоторые даже рассказывали на полном серьезе!

– А что если не страшилки? – поежилась от внезапно на-

бежавшего холодка Луиза. – Мне тоже всегда некомфортно, когда проезжаю мимо заводской зоны. Там такие укрепления, будто на военной базе, как если бы проводились секретные эксперименты с оружием. Не понимаю, зачем нужны для заводов такие стены! Выглядит жутко.

– Секретные эксперименты с оружием точно не проводятся, – усмехнулся Артем. – Иначе я бы знал от Мел, она там частый гость. Да и никакого страшного зла не водится. А вот мои слова про осторожность, пожалуйста, примите во внимание! Потому что в Донске, и правда, появилось настоящее зло. Кстати, я испугался, когда вспомнил про болезнь Луизы, помнишь, ты начала говорить, что куда-то пропала, потерялась, потом вернулась... С этими словами он бросил на девушку пристальный взгляд, но Наталья тут же отвлекла его, предложив варенья, Луиза сидела, вся сжавшись, не отвечала, и на миг Артему стало жаль ее. Он решил не повторять вопрос, чтобы не расстраивать девушку еще больше. Потом вернулся Сенечка, разговор переменялся. Они помогли убрать со стола и втроем пошли к реке, а Наталья отправилась в кухню, мыть посуду.

– Сенечка, почему ты так красиво оделся? – поинтересовалась девушка по дороге. – Тебе очень идет! Настоящий франт!

– Спасибо, – откликнулся мальчик, хотя не был уверен, что «франт» – это комплимент.

– Он вырядился, потому что хочет сообщить важную но-

вость, – добавил Артем. – В субботу наш Сенечка отправляется в экспедицию.

– В экспедицию? – удивленно переспросила Луиза.

– Да, мы пойдем на завод. С ребятами, вечером, – Сенечка остановился и резко повернулся к ней. – Мы проберемся незаметно и выкрадем Карлсона. Помнишь, я говорил промышь?

– Конечно, помню, слышала эту историю от тети Поли, не один раз слышала, – Луиза растерянно кивнула. – Но, что значит «проберетесь на завод»? Как это – «проберетесь»?

– Значит – тайно проникнем, – пояснил Сенечка. – С тем, чтобы выполнить миссию. Поход наш будет опасен и труден.

Луиза снова автоматически кивнула, смысл его слов так и не дошел до нее, а Сенечка вдруг склонил голову и театрально, но в то же время, весьма искренне, как положено настоящему ребенку, произнес:

– Благослови на подвиг, прекрасная дама!

И опустился на одно колено. Луиза с недоумением повернулась к Артему, тот лишь молча кивнул, и она, все еще не до конца понимая, что нужно делать, положила ладонь на макушку Сенечки, провела по его волосам и тихо, но отчетливо, произнесла:

– Благословляю тебя. Вас. Благословляю на этот подвиг.

– Благодарю, – откликнулся Сенечка торжественно и поднялся.

– Что все это значит? – Луиза повернулась к Артему, она

нахмурила брови, теперь лицо ее приобрело строгое, даже суровое, «учительское», как он называл, выражение.

– Это значит, мой брат считает тебя самой прекрасной из донских женщин, раз попросил благословения! Подрастает соперник мне, – чуть насмешливо ответил Артем.

– Спасибо, Сенечка, – Луиза снова погладила мальчика по волосам, потом обняла за плечи, – Но я имела в виду не это! Что такое благословить на подвиг – мне хорошо известно! Но что значит «Сенечка с мальчиками пойдут на завод»? Это может быть опасно, я бы ни за что не пошла одна. Даже с кем-то – и то не пошла! Как ты можешь отпустить? Как родители его отпустили?

– Родители не знают, – ответил за Артема Сенечка. – И ты не говори. Это тайна. Наша тайна.

– Нет, так не пойдет, – Луиза взволнованно покачала головой. – Тайны тайнами, а если с вами что-то случится, представляешь, что будет с твоей мамой? Это вовсе не шутки, Сенечка! Это опасно и может плохо закончиться! Ты не должен туда ходить, ни в коем случае, слышишь!

– Успокойся! – Артем взял девушку за руку, вынуждая замолчать. – Все хорошо будет. Я иду с ними. Уж не дам братца в обиду.

– За тебя я тоже боюсь.

– Напрасно. Что вы все раскудахтались? Это просто индустриальная зона. В других городах таких сотни. В Донске она вынесена за периметр. Только и всего. Там нет ничего

страшного, это не военное предприятие, не полигон. Просто завод.

– А зачем они забрали туда Карлсона? – подозрительно спросила Луиза.

– Вот это нам и предстоит выяснить, – серьезно ответил Сенечка.

– Брось, – Артем отмахнулся. – Ты что, веришь в безумные выдумки тети Поли? Ты же взрослая девушка, Луиза! А Поля – ненормальная. Одна из важнейших тактических задач нашего квеста – доказать, что никакого Карлсона там нет. И мы это сделаем.

– Или спасем его, если он там есть, – добавил неугомонный Сенечка.

– Пожалуйста, будьте осторожны, – Луиза умоляюще взглянула на Артема, а потом крепко обняла его, не сдержав чувств.

– Ты тоже будь осторожнее, помни, что я тебе сказал.

– Хорошо, – она спрятала лицо у него на груди, а Сенечка, отвернувшись, спросил:

– А что ты сказал?

– Да так, разное.

– Про Аллу?

– Ничего от него не утаишь, – засмеялся Артем, притянув брата к себе. Теперь они стояли, обнявшись втроем. – Да, про Аллу. Мы не знаем, кто это сделал, поэтому все должны быть осторожными.

Сенечка кивнул. В глубине души он совершенно не боялся ни предстоящего похода, ни таинственного убийцы: твердо верил, что Артем справится со всеми, с любыми врагами, сколько бы их ни было! Он полагался на непобедимость старшего брата и такая уверенность свойственна детям, убежденным, что находятся под защитой взрослых, а те способны уберечь от любых бед.

– Ну все, нам пора, – Артем взглянул на часы, – Вечером заеду, ты не против? Сейчас Сенечку домой отвезу, потом на работу.

– Давай, может, завтра? – спросила Луиза. – Мне маме еще помочь надо, и пока не слишком хорошо себя чувствую.

– Ладно, – он согласно кивнул. – Тогда отдыхай. Старайся не выходить из дома. Как только будут новости, напишу. Но в любом случае, рад, что тебе гораздо лучше.

– Да, спасибо.

Луиза проводила их до ворот, и лишь когда калитка закрылась за гостями, вдруг поняла, что имел в виду Артем, сказав, что «ей гораздо лучше». Речь вовсе не о болезни! Просто сегодня она не упоминала в разговоре Тонино. Даже когда разговор зашел о театре, Луиза не произнесла ни слова! Поэтому Артем решил, что ее сознание прояснилось, прежде оно было затуманено недомоганием. Но теперь девушка снова в здравом уме, иллюзии оставили ее. Луиза печально усмехнулась. Если б это было так! Она просто научилась немного хитрить – и все. Нет, не болезнь и не слабость

вынудили ее просить Артема не приезжать, а мучительное желание провести это время в переписке с Тонино: они обменялись телефонами, теперь он мог присылать ей сообщения, она ждала записки, как ждут чуда, а потом долго раздумывала над каждым словом, набирая ответ.

– Когда мы встретимся? – спрашивала она.

– Ты что-то решила? – отвечал он.

– Нет. Еще нет.

– Значит, пока нельзя.

Так заканчивались все их разговоры. Но время неумолимо убегало, и Луиза все отчетливее понимала, что пытается отдалить неизбежное. Решение нужно принять – так или иначе. Ей придется выбрать. Иногда чаша весов уверенно склонялась в пользу Артема, но потом сразу мысли о Тонино перетягивали в противоположную сторону. Она колебалась, не могла определиться. А он ждал. Тонино ждал. Артем-то и не подозревал о нелегком выборе, считая, что девушка всего лишь пребывает в плену фантазий, которые рано или поздно должны рассеяться.

– Почему ты не пришел на похороны Аллы? – спросила она. – Ты же обещал прийти? Она так любила тебя! Для нее это было важно.

– Знаю и очень сожалею, – написал он в ответ. – Я пропустил похороны по той же причине, что и ты. Должно быть, заразился: сразу, как ты ушла, почувствовал себя плохо. Мне было хуже и хуже час от часу, поэтому даже не писал

несколько дней, помнишь? В какие-то дни, кажется, почти не приходил в сознание, сильно лихорадило. И так пропустил похороны.

– Какой кошмар! – испугалась девушка. – И рядом не было никого, кто мог бы помочь?

– Ни единой души. Я был предоставлен себе, как обычно. Ведь я одинок уже столько лет, привык справляться с любыми проблемами. И к одиночеству привык. Но ничего, не пугайся, дорогая. Все прошло, я уже в порядке. Наверное, в городе появился вирус, который цепляется к людям, вынуждая провести несколько дней в постели.

– В последнее время в нашем городе так много страшно-го... – согласилась Луиза. – Теперь еще и вирус! Как если бы врата ада распахнулись – и в Донск хлынуло темное, злое!

Он не согласился, настаивая, что Донск – добрый город, таким всегда был, таким и останется.

После ухода Артема и Сенечки, Луиза написала Тонино, чтобы поделиться хорошими новостями. Рассказала, что началась реставрация театра. Оказалось, он уже знал и даже побывал на месте стройки.

– Там шумно, сложно находиться долго, но работа кипит. Зайди как-нибудь, когда будет время. Интересно взглянуть! Уже можно предполагать, каким он станет после окончания работ!

– Обязательно, – согласилась Луиза. Они продолжили разговор, и она мельком обмолвилась, что Сенечка собрался в

поход в субботу. Куда и зачем он идет, говорить не стала, ведь это тайна, как сказал Сенечка. Но сообщила, что Артем сопровождает брата.

– Отлично, – пришел ответ, от которого сердце бешено забилось и чуть не выпрыгнуло из груди, – Значит, в субботу у нас будет время встретиться. Надеюсь, ты успеешь определиться.

– Надеюсь, – ответила Луиза после колебаний. – Я очень соскучилась, хочу видеть тебя снова. И как можно скорее!

– Я тоже скучаю. Ты даже представить не можешь, как я тоскую по тебе, моя Луиза! Но нет, решение принято. Мы не встретимся раньше, чем ты сделаешь выбор. Иначе всю жизнь проведешь в сомнениях, меж двух огней. Я этого не хочу, слишком мучительно, невыносимо, ты заслуживаешь другого! Заслуживаешь счастья.

После его слов у Луизы появился ориентир: суббота. Теперь ее колебания хотя бы определены во времени: у нее есть срок до субботы и ни дня больше. К выходным она должна принять окончательное решение и выбрать свою судьбу.

В тот миг Луиза уже понимала, что решение будет судьбоносным. Но не предполагала, насколько судьбоносным и даже роковым для всех участников спонтанно возникшего любовного треугольника ему предстояло стать.

Глава 12. Комета

Вечером того же дня Виталий не отходил от телескопа, он вообще редко от него отходил, вызывая негодование Натальи и Флоры, которые упрекали его в бездействии и лени при каждом удобном случае. Одна Луиза относилась спокойно и уважительно к увлечениям отца, остальные считали, что в свободное время не мешало бы работать по дому. Частный дом всегда требует трудов: на участке порядок навести, покосить газон, подрезать деревья, отремонтировать сарай, да и в самом доме всегда что-то ломается, просит внимания. Что уж говорить про баню, которую следовало помыть, и печь проверить, побелить, и дрова заготовить. Все это Виталий, разумеется, делал, кроме него некому, но неохотно, потому что это отвлекало его от занятий куда более возвышенных и полезных для человечества. Виталий с детства мечтал о звездах, но космонавтом стать не стремился: довольно быстро понял, что занятие это непростое и не каждому по силам. Обладавший слабым здоровьем, не показавший успехов в спорте даже в рамках школьной программы, Виталий увлекся астрономией, вооружился картой звездного неба, читал труды астрофизиков и наконец приобрел главное сокровище – телескоп. В юности он мечтал быть ученым, не вышло, связать жизнь со звездным небом не получилось, хотя он рассматривал и космос, и авиацию. Стал простым инженером

по тепловым сетям. Долгие годы рутинной работы не смогли заглушить в нем любви к манящей тайне ночного покрова, усыпанного бриллиантовыми осколками созвездий, теперь это занятие перешло в категорию «хобби» и потому не получало поддержки жены. Сколько ни говорил он ей, что Чехов был врачом по профессии, а запомнили его, как писателя и драматурга, сердце Натальи оставалось глухо к мольбам супруга – хобби есть хобби, и уделять ему все свободное время, по меньшей мере, преступно.

Виталий мечтал однажды отправиться на север Чили и нанести визит одной из самых интересных обсерваторий мира – здесь, посреди пустыни Атакама, в Южном полушарии, созданы лучшие условия, чтобы наблюдать звезды и небесные явления. Впрочем, все, включая Виталия, прекрасно знали, что мечта останется мечтой, а разговоры – разговорами, потому что такой уж была его суть – фантазера, идеалиста. Луиза похожа на отца внешне и унаследовала его характер и любовь к мечтам, с детства все прочили ей удачу: говорили, по народным приметам, девочки, похожие на родителя, преуспеют в жизни.

Телескоп Виталия не отличался мощностью и вряд ли послужил бы украшением серьезной обсерватории, но его вполне устраивал. С уверенностью можно заявить, что в Донске не было телескопа лучше. Да и обсерватории, даже простенькой, не было.

Наблюдая за звездами, Виталий уже обнаружил массу ин-

тересного и казавшегося прекрасным, чем стремился скорее поделиться с домочадцами, не проявлявшими большого энтузиазма в отношении его открытий. Пробовал посылать свои статьи и фотографии в научные издания, но ответа не получил. Потом пытался пробиться на радио, телевидение, стать, наконец, как мечтал в детстве, членом астрономического сообщества, но попытки не принесли сколько-то значимых результатов. В почте накапливались письма-отписки – и все.

Но Виталий не сдавался, твердо верил, что именно ему судьба определила сделать важное научное открытие, фантазия, как уже упоминалось, была у него такая же бурная, как у Луизы, потому по ночам, глядя в телескоп, он частенько воображал, что откроет новую, неизвестную планету, обнаружит признаки жизни на Марсе или выведет формулу, описывающую закон, по которому живет и развивается Вселенная.

В тот вечер, начавшийся как обычно, Виталий сделал себе чашку крепкого кофе, надел старую, изрядно потертую, но очень теплую жилетку, идеальную, чтобы проводить время в собственном дворе, где тебя не увидят даже соседи, нацепил очки и отправился на улицу, постоять у телескопа. Обычно он задерживался до полуночи и дольше, потому Луизе было непросто пройти незамеченной мимо отца, чтобы добраться до заколоченного дома. Но в последние дни девушка никуда не выходила, оставалась в комнате: ждала субботы, к тому же боялась ночных улиц, по которым разгуливал таинственный

убийца. Луиза восприняла предупреждение Артема всерьез и, будучи по натуре осторожной, предпочитала не шутить с опасностью. Случившееся с Аллой по-настоящему напугало ее, как и прочих жителей Донска.

Виталий, напевая под нос, пребывал в замечательном расположении духа, что было, надо заметить, его обычным состоянием. Он отличался позитивным, доброжелательным характером, был отходчив, покладист и всегда весел, женщины завидовали Наталье, считая, что ей повезло с мужем. Он, конечно, чужак, что и говорить, зато добрый и ласковый, послушный, тихий, вежливый. А в молодости отличался еще и внешней привлекательностью, которую сохранил поныне, – Виталий производил впечатление представительного, еще не старого мужчины, приятного, даже интересного. В его глазах, голубых, пожалуй, слишком глубоких, можно было увидеть огоньки, свидетельствующие о беспокойности натуры и даже о некоторой склонности к фанатизму, но они лучились добротой, скрадывающей менее привлекательные черты характера. Волосы его, густые, уже с проседью, все еще являли собой пышную шевелюру, которая мешала наблюдать за звездным небом: непослушные пряди то и дело падали со лба, перекрывая линзу.

Виталий сделал глоток кофе, поставил чашку на поручни крыльца и уставился в телескоп. Звездное небо, каждый раз одинаковое и, в то же время, разное, – завораживало. Так мог он стоять часами, любясь мерцающими вдали точками,

вглядываясь в темноту, пытаюсь разгадать механизм Вселенной: где он спрятан, загадочный маятник, приводящий в движение все вокруг?

Прошло несколько часов, Виталий почувствовал, что начала ныть спина, затекли ноги. Он вернулся на веранду, сел в кресло-качалку, где днем обычно вязала Флора, сделал еще несколько глотков уже остывшего кофе и прислушался. Тишину ночи нарушало стрекотание цикад. Как прекрасна летняя ночь! Разве что-то может сравниться! Без сомнения, зимние ночи тоже прекрасны, в них есть своя прелесть, очарование: когда падает пушистый белый снег, покрывая деревья серебром. Виталий любил следить за танцем снежинок в розоватом свете уличного фонаря. Но зимой уже не постоишь вот так, во дворе, глядя на звезды! Мороз загонит в дом! Да и сами звезды видно куда как хуже: небо низкое, тяжелое, затянуто ватными облаками, – иногда собственного носа не разглядеть, какие уж тут звезды. Они хороши в мае и в августе. Но и сейчас, в середине лета, уже можно что-то различить, а с таким замечательным прибором – и того лучше! Виталий погрузился в дрему, мечтая однажды создать обсерваторию, пусть небольшую. У него даже появилась идея, как именно это сделать: пусть дочь поговорит со своим другом Тонино. Если у него есть деньги на реставрацию театра, почему нельзя помочь и обсерватории? Он же благодетель города, разве нет? Обсерватория Донску нужна, дети могли бы приходить, наблюдать за звездами, и туристам было бы лю-

бопытно. А уж если б удалось совершить открытие мирового масштаба...

Почувствовав, что налетевшая дрема скоро перейдет в глубокий сон, Виталий поднялся. Уже поздно, время отправляться в кровать. Он потянулся, допил кофе, который любил пить именно вечером, и снова сошел со ступенек, чтобы последний, на сегодня, раз взглянуть в трубу и попрощаться со звездами до следующей ночи. Приблизился к линзе, всмотрелся в небо, мечтательно улыбнулся, вновь подумав про обсерваторию. Да, надо непременно поговорить с Луизой! Собрался уже уходить, как движение привлекло внимание. Сбоку, в верхней части неба, наблюдалось будто небольшое свечение, и оно двигалось, странным образом двигалось! Не помня себя от изумления, Виталий сначала потер глаза, потом линзы, опять посмотрел на небо, думая, что зрение обманывает его. Но нет, свечение продолжало двигаться. Он долго не мог понять, чем можно объяснить необычное явление, уже чувствовал, что близок к разгадке тайн мироздания, когда понял, что казавшееся божественным сиянием нечто было всего лишь хвостом кометы. Небольшой, но довольно стремительной. Что ж, комета, конечно, это не звезда и не планета, и даже не крупный астероид, но тоже сойдет. Как знать, вдруг он первым заметил небесное тело и комету назовут его именем?

Сон мгновенно прошел, и какое-то время Виталий продолжал наблюдать за свечением. Ему удалось различить

очертания небесного тела, но о размерах судить он, по-прежнему, не мог. Взволнованный, Виталий отправился к себе лишь под утро, подумав, что надо обязательно связаться с астрономами, узнать, видели ли они комету. Обычно о таком пишут в новостях, говорят по телевизору. Но он ничего не читал и не слышал. Флора, наверняка, сказала бы, если б увидела что-то похожее, она знает про увлечение деверя звездным небом, и она маниакально следит за всеми новостями, будь то об искусстве, экономике, политике, катастрофах. И о науке, без сомнения, тоже. Флоре лишь бы читать, неважно, что.

На следующее утро Виталий передумал связываться с астрономами: при свете дня история с кометой показалась иллюзорной, он опасался, что ошибся и принял за комету неустановленное свечение, а потому решил дождаться следующей ночи, чтобы убедиться наверняка, прежде чем поднимать шум. Поделился лишь с домашними.

– Наташа, ты знаешь, – сказал он жене за завтраком, – Мне кажется, сегодня ночью я видел комету. В телескоп. Она летела, у нее был светящийся хвост...

– Надо же, – безразлично произнесла жена. – Вечно тебе что-то кажется.

Никакой другой реакции он и не ожидал. Попробовал поговорить с Луизой, та всегда с интересом относилась к идеям отца, но на этот раз будто и не услышала, просто кивнула, пребывая в своих мыслях, и ушла в комнату. Виталий за-

метил, что в последние дни, с тех пор как вернулась после ночного приключения, дочь похожа на сомнамбулу, все время погружена в раздумья, он даже начал подозревать: а не скрывает ли она что-нибудь? Вдруг с ней случилось плохое, о чем она не хочет рассказывать? Как знать, вдруг напал тот же преступник, который позже убил Аллу, но Луизе удалось спастись? А если он что-то сделал с ней, причинил вред? Виталий подумал, что надо будет найти способ как-то деликатно расспросить Луизу, вдруг нужна поддержка? Но потом мысли вновь унеслись прочь, вслед за летящей по небу сверкающей кометой, и он решил поделиться хотя бы с Флорой.

Та, как всегда, вязала на крыльце, выслушала новость про комету с большим интересом, чем Наталья, но не отнеслась к его открытию серьезно.

– Представляешь, какие мощные телескопы в современных обсерваториях? – спросила она. – Наверняка, уже давным-давно заметили комету. Вряд ли ты обнаружил ее первым.

– Но, если бы заметили, – где-то бы написали, – робко возразил Виталий. – А нигде не было ни слова.

Флора пожалала плечами.

– Может, она слишком маленькая и летит далеко, не о чем писать, – предположила она.

– Да нет, – Виталий покачал головой. – Она весьма внушительных размеров и летит близко.

– Может, тебе все-таки показалось? – в голосе Флоры по-

слышалась надежда, это объяснило бы ситуацию и не пришлось бы анализировать дальше: анализировать она страсть как не любила.

– Может, – Виталий задумчиво кивнул. – Все может быть. Поэтому ночью проверю. Хочешь, подойди тоже, посмотришь сама.

– Да я там ничего не понимаю! – она махнула рукой. – Сколько раз пыталась – ничего не вижу, темнота и темнота. Нет, давайте, лучше вы с Луизой. Или Артема позовите.

Виталий согласился и заодно поделился опасениями насчет Луизы. Флора беспечно махнула рукой.

– Не обращай внимания! Ничего страшного. Девочка просто влюбилась, вот и мучается теперь. Молодость! Встретила незнакомого красавца, он вскружил ей голову. Я-то в глубине души подозревала, что она не любит Артема. Не любит по-настоящему!

– Ты в глубине души подозревала, что любовь вовсе не существует, – возразил Виталий, и Флора охотно кивнула.

– Все так. И продолжаю!

Как предполагал Виталий, Луиза легла спать рано, Артем не приехал, Флора ушла к себе, и он остался во дворе наедине с телескопом. Он испытывал двойственные чувства. С одной стороны – боялся, что комета исчезнет, что ее вовсе никогда не было. Боялся окончательно превратиться в нелепого мечтателя-неудачника. С другой – хотел, чтобы это произошло. Ведь если комета будет на месте, придется-таки зво-

нить в астрономическое общество, опять выслушивать отказы и насмешки. Наконец, после недолгих колебаний, он сделал усилие, решился и заглянул в телескоп.

Комета была на месте. Она продолжала движение по кем-то заданной траектории и двигалась, как подумал Виталий, весьма уверенно и как-то даже... неотвратно. Она летела вперед, пересекая космическое пространство, словно демон или, напротив, ангел, если судить по сияющему хвосту.

С интересом он отметил, что хвост отчего-то стал ярче, более того, теперь Виталий различил в нем и красную полосу. Сама комета тоже несколько увеличилась, ее очертания просматривались отчетливее, как если бы она приближалась. Но это вряд ли. Если бы комета приближалась к Земле, об этом трубили бы повсюду! Но по-прежнему не было ни одной новости. Сегодня лучше видимость, вчера было туманно, наблюдалась облачность, а сегодня – небо ясное, воздух прозрачный, поэтому и комету видно лучше, и хвост кажется ярче. Все равно странно, что о ней никто не говорит! Виталий вздохнул. Ему придется позвонить астрономам, теперь уже не избежать, две ночи подряд показаться не могло. Комета существует. Про себя он уже дал ей имя – Виталия.

Когда на следующий день он все-таки позвонил в астрономическое общество, дозвонился далеко не сразу. Сначала долго беседовал со всевозможными девушками-секретарями, обладавшими одинаковыми, хорошо поставленными голосами и произносившими заученные фразы, девушки бес-

конечно переключали из одного кабинета в другой. Наконец, его соединили с каким-то молодым ученым, который был весьма вежлив, внимательно выслушал, после чего заверил, что никакой кометы они не видят, несмотря на сверхмощные телескопы. Пообещали посмотреть внимательнее и, если заметят, обязательно связаться с Виталием, поставить в известность. Повесив трубку, Виталий долго сидел в задумчивости. Слова молодого астронома подтвердили, что у него есть шанс вписать имя в историю изучения космоса: если он первый заметил комету – в его честь ее и назовут! Не выдержав, он позвонил Артему, поделился сделанным открытием. Тот от души поздравил, просил сообщить, если выяснится, что комету назовут в честь будущего тестя, пообещав отметить это событие хорошим застольем. А повесив трубку, задумался.

Артема отличала наблюдательность, обычно присущая тем, кто делал успехи, работая в полиции: не в пример тете Флоре, он умел анализировать и сопоставлять факты. И потому не мог не заметить, что происходившему в последнее время была присуща некая двойственность. Весьма странная, вызывающая недоумение и даже какая-то противоестественная, двойственность. Раньше в Донске было просто и понятно, спокойно и безопасно. А что теперь? Существует ли комета или она создана воображением Виталия? И таинственный возлюбленный Луизы, покровитель города Тонино, он существует или нет? Луиза, конечно, от своего отца

недалеко ушла. Но все же... Убийца, разгуливающий по ночным улицам, это правда или вымысел? Зло, живущее на заводе, о котором говорил Сенечка и болтают старожилы? Внезапно непонятное наваждение охватило Артема: ему показалось, что случившееся – звенья одной и той же цепи. Но что было причиной, а что следствием, понять он никак не мог. Часть из выявленных звеньев казались вполне реальными, например, Виталий мог увидеть в телескоп какое-то малое, незначимое небесное тело, но раздуть случившееся до события планетарного масштаба. И убийства, в том числе серийные, в мире неновы. Они случаются время от времени и, рано или поздно, должны были прийти в Донск. Если задуматься, происходящее можно объяснить логически, и все-таки, его не отпускало впечатление, что это – цепочка мистических совпадений, неслучайных случайностей, имеющих четкую причинно-следственную связь, ускользавшую от его сознания. И ускользала она именно потому, что носила потусторонний характер, а здесь у Артема не было опыта. Его сознание четко ограничивалось общепринятыми представлениями о реальности, и находившееся за рамками вызвало в сердце леденящий ужас, он жил, предпочитая не поднимать завесу, скрывающую неведомое.

Он прогнал наваждение, решив, что по поводу завода точно все выяснится в субботу. С убийцей тоже рано или поздно определится, – не могут ребята его не вычислить, тем более, если есть зацепки, – как и с кометой. Астрономы либо под-

твердят ее существование, либо опровергнут. Виталию придется с этим смириться. А вот с Луизой... здесь предстояло подумать, и Артем сознательно откладывал размышления. Он боялся и не хотел знать правду, если правда заключалась в том, что девушка не любит его и поэтому выдумала историю с Тонино. Неужели, это возможно? Неужели, Луиза может быть так изобретательна? Ее отец, даже вкупе с кометой, куда проще... Ему вспомнились слова Луизы, ее сон о приближающейся катастрофе. Что если это – комета? Та самая катастрофа? Артем рассмеялся. Если основываться на снах Луизы и мечтах ее отца – далеко не уедешь. Скорее всего, и то, и другое являются плодами их неудержимой фантазии. А сам он реалист, ему приходится сложно, когда забредает на чужую территорию, где лишается знаний и навыков, придающих уверенности в обычной жизни. В зоне фантомов Артем – слабый игрок. Поэтому единственное, что ему остается, – ждать. Рано или поздно дело прояснится, и странная двойственность, ненужная, вредная, опасная двойственность, покинет Донск. И все станет таким, как прежде.

Глава 13. Суббота

Наконец, наступил день, которого так ждали, – суббота. Больше всех ждали Сенечка и его друзья, которым предстоял поход. Артем тоже нервничал: сомневался в правильности затеи неугомонных детей.

И, конечно, ждала Луиза, ждала с замиранием сердца: она так и не приняла решения, суббота надвигалась на нее, словно неотвратимая угроза, девушка считала часы, и казалось, что есть еще время, ведь впереди вечер, осталась целая ночь (той ночью Луиза почти не сомкнула глаз), еще есть утро...

Утром позвонил Артем.

– Привет, – услышала она его бодрый, даже веселый, голос. – У меня, как ты помнишь, выходной. Хотел предложить прогуляться. Можем пойти на речку, искупаться, сегодня жарко.

– Ты разве не собирался на завод с Сенечкой? – искренне удивилась Луиза.

– Да, но это вечером. Утром и днем я свободен. Так как насчет Донки?

– Давай завтра? – предложила Луиза, в ее голосе Артем уловил напряжение, – Сегодня очень плохо спала. Вообще не могла уснуть. Хотела попробовать поспать днем, глаза закрываются. И маме нужно помочь по дому. Да и тебе лучше отдохнуть перед походом. Я волнуюсь за вас. Мне не нравит-

ся идея с квестом, это очень опасно!

– Мне тоже не нравится, – согласился Артем. – Но слово дал – держи. Не могу же я отпустить детей на такую авантюру одних. Лучше уж присмотрю. Хорошо, раз тебе лучше завтра, давай завтра.

Луиза была немного озадачена: Артем охотно согласился на перенос встречи, она ясно ощутила, что на самом деле у ее жениха были другие планы и он предложил встретиться просто из вежливости. Чем больше Луиза прокручивала в голове их телефонный разговор, тем отчетливее это понимала. Потом все же решила, что, скорее всего, Артем побаивался похода, волновался за детей и за собственную, и без того подмоченную, репутацию и решил просто отдохнуть. Все сложилось как нельзя лучше! Она готовилась к встрече с Тонино.

Девушка не знала, что скажет ему, но твердо знала одно – даже если решится на побег, если захочет уйти, покинуть Донск навсегда, сделает это не раньше, чем выяснит, как закончился поход Артема и Сенечки. Она должна быть уверена, что с ними все в порядке. Это она и скажет Тонино. Если, конечно, решится быть с ним. А если предпочтет остаться с Артемом – тут и решать нечего, она простится с Тонино... и все. От этой мысли сердце болезненно сжалось.

Не меньше в тот день волновался и Виталий: он разгуливал взад-вперед по своей комнате, не сводя напряженного взгляда с телефона, ждал и одновременно боялся, что ему

позвонят из астрономического общества. Несколько раз подходил и проверял, хорошо ли положена трубка. Как и Сенечка, Виталий мечтал, чтобы поскорее наступил вечер. Потому что вечером он сможет увидеть в телескоп свою комету. Она уже стала близкой, родной, почти частью его самого. Это была его, только его комета, и встречи с ней он ждал больше, чем иной мужчина ждет встречи со своей возлюбленной. Виталий ловил себя на мысли, что, хотя женился на Наталье с охотой, никогда не ждал свидания с таким трепетом, в какой приводила его одна мысль о светящемся бледно-желтом камне, пересекающим космическое пространство в каких-то тысячах километров отсюда. Теперь уже не было сомнений, что комета приблизилась, она пройдет на небольшом, очень небольшом расстоянии от Земли! Возможен метеоритный дождь, магнитные бури, радиопомехи и все, что обычно сопровождается приходом комет. Одного Виталий никак не мог понять, почему обо всех ожидаемых аномалиях не объявляли в прессе, не трубили по теле- и радиоканалам? Это было странно, пугающе и как-то зловеще. Луиза осторожно обмолвилась, что кометы сулят несчастья, что они являются предвестниками больших войн и катастроф, когда сдвигается земная ось и меняется ход истории. Никто не обратил на ее слова ни малейшего внимания, все отлично знали, что Луиза была фантазеркой.

Сенечка же собрал друзей на поляне: начинались последние приготовления.

– Все в силе? – поинтересовался он у мальчишек, стараясь выглядеть серьезно и солидно. Даже выражение его лица изменилось, он крепче сжимал губы, прищуривал глаза, чтобы придать себе значительное выражение. Собравшиеся, к счастью, подтвердили, что никто не передумал.

– Отлично, – Сенечка удовлетворенно кивнул. – Славик, ты что сказал родителям?

– То же, что и все. Что мы приглашены к тебе с ночевкой.

– А если они захотят позвонить твоей маме? – спросил Мишка задумчиво.

– Мать с отцом вечером уезжают из Донска, у них встреча за городом. Уедут с ночевкой, там прием у губернатора или что-то в этом роде, – сообщил Сенечка. – Мы пообещали, что Артем за мной присмотрит. То есть, даже не обманули. Пойдем на завод, а Артем за нами присмотрит.

– Неплохо, – кивнул Мишка.

– А то! Теперь надо понять, что у нас есть из снаряжения.

– Ты добыл карту завода?

– Карта есть, – подтвердил Сенечка. – Есть также налобные и карманные фонари. Спички. Есть рюкзаки, бутылки с водой, вдруг захотим пить. Есть веревки, вдруг пригодятся. И ножи. Складные, охотничьи.

– А пистолет будет? – это был Кирюха.

– Наверное, – Сенечка пожал плечами.

– Мы слышали, твой брат его посеял...

– Ну так, вернули ему. С кем не бывает, – мрачно отклик-

нулся Сенечка, не любивший шуток в адрес Артема.

Мальчики помолчали, Сенечка понимал, что они шутили, смеялись, но в глубине души опасались предстоящего похода. Квест казался заманчивым приключением, они ждали, мечтали о нем, но все равно не могли не чувствовать тревоги: им предстояло преступить запреты взрослых, нарушить установленные границы и войти туда, куда доступа не было не только детям, но и просто непосвященным. То, что Артем пойдет с ними, – а ведь он взрослый, – немного успокаивало: взрослый вряд ли решится на безумный и опасный поступок. Кроме того, он полицейский и, в случае чего, сможет защитить, если им будет грозить настоящая опасность.

– Ну ладно, – сказал Сенечка, чуть нахмурившись, что должно было придать еще больше солидности его облику, – пойду сейчас к тете Поле. В конце концов, мы по ее просьбе туда идем, ее благословение тоже не помешает. А вы пока чешите домой. Ровно в восемь вечера встречаемся здесь.

Мальчики простились и побежали к реке, а Сенечка свернул на тропинку, ведущую в противоположном направлении, – к дому тети Поли. Он шел, чувствуя волнение не только перед квестом, но и перед встречей с ней. Что если они не справятся, покажут себя болтунами и хвастунишками? Будет неловко возвращаться ни с чем! Старушка как всегда сидела на скамейке у калитки, напряженно глядя на дорогу, ожидая чего-то. Заметив Сенечку, она тут же поднялась и сделала несколько шагов.

– Сенечка, как я рада! – она протянула руки и, едва он приблизился, обняла мальчика. Тот не рассчитывал на подобную нежность, но решил выдержать все испытания, выпавшие на его долю, в том числе и эти объятия.

– Мы выступаем сегодня, – сурово сообщил он, отстранившись. – Отправляемся на завод.

– Неужели? Правда пойдете? – на морщинистом лице тети Поли появилась улыбка. – Я уж и не верила, что пойдете, ты отказывался так долго!

– Мы же обещали, – Сенечка не улыбнулся в ответ. – Пришел к вам за благословением. Перед походом так положено.

Тетя Поля восприняла его слова в высшей степени серьезно. Она отстранилась, поправила очки, потом осенила мальчика крестным знаменем и три раза поцеловала в лоб. Ее губы оказались сухими и теплыми и напомнили Сенечке о бабушке, которой у него больше не было.

– Иди, мой дорогой, помни, все получится. Все будет хорошо. Я умею заглянуть в будущее, иногда чувствую, что и как сложится. Не всегда, конечно, изредка только. Но сейчас знаю, все хорошо будет.

– И зло нам не встретится?

– Даже если встретится – вы с ним справитесь.

– Точно знаете?

– Точно знаю, – уверенно ответила она и еще раз обняла мальчика.

– А теперь беги, отдохни, иди далеко, завод за городом.

Вы такие малыши, а вам туда и обратно добраться пешком надо! – заметила тетя Поля. – Может, молока хочешь? У меня деревенское есть.

– Нет, спасибо, – Сенечка не любил молоко. – Ну, я пошел. Ждите утром. Не с пустыми руками.

– Молиться буду, глаз не сомкну, – пообещала женщина, прежде чем уйти в дом. Сенечка, с чувством выполненного долга, отправился обратно. Теперь ему предстояло самое трудное – дождаться вечера. И еще: ничем не выдать волнения.

Потому, едва вернувшись, он ушел в свою комнату, вывесил на двери знак «не беспокоить», который стащил год назад в одной из гостиниц, где они останавливались, и оказавшийся очень востребованным – защищал мальчика от вторжений на личную территорию без предупреждения. Сенечка включил телевизор, хотел посмотреть фильм о великом походе, чтобы воображение помогло дорисовать картинку, заставить поверить, что и сегодняшний поход будет значителен и серьезен. Но чем больше всматривался в лица героев, следил за сюжетными перипетиями и экранными сражениями, тем лучше понимал, что их собственный поход – просто глупость, бессмысленная детская шалость. Они никого не спасут, ничего не найдут. Только устанут, перепачкают одежду, да заставят Артема потерять время. И лучше, если он потеряет только время, а не снова пистолет. Ну еще, может быть, после возвращения, они получат нагоняй от родителей и да-

же будут наказаны. Вот и все, никакой пользы ждать не стоит.

Дверь отворилась, и заглянула Меланья. Мать была в брючном костюме изысканно лавандового цвета, так она одевалась всегда, когда предстоял важный деловой ужин.

– Все нормально? – спросила она. – Мы поехали. Проводишь нас?

Сенечка неохотно поднялся с дивана, вышел в коридор, поочередно поцеловал отца и мать, с облегчением закрыл за ними дверь и вернулся к себе. Артем куда-то ушел, дома его не было, Сенечка остался один. Он был с братом на связи и ждал его к восьми, на той же поляне, где договорился встретиться с мальчиками. А что Артем делает днем – никого не касается. Мало ли, что человек делает по выходным.

Артем же решил не терять времени даром и провести выходной с пользой. Луизе не показалось: он действительно обрадовался, когда она попросила перенести свидание на воскресенье. Таким образом, почти вся суббота до начала злощастного похода оставалась свободной, и он мог принять участие в собственном расследовании.

Артем решил, что не будет действовать, как те, кто участвует в расследовании официальном. Ведь он – лицо неофициальное, а значит не может прибегнуть к методам коллег, у него нет их возможностей. Ему может помочь только личный опыт и смекалка, которой Артем не был обделен. Он долго думал, с чего начать, потом решил, что лучшее – начать с простого. И отправился к Альберту. Тот владел мага-

зинчиком, а магазин в таком маленьком городе, как Донск, – центр местных сплетен, здесь знают многое. Альберт слышит все, что рассказывают покупатели, некоторые приходят специально поболтать, поделиться, он почти как исповедник, а для кого-то и психолог. Но главное, Алла работала с этим магазином. Она привозила товары и частенько оставалась у Альберта пить кофе, рассказывала о своей жизни, может, делилась чем-то сокровенным. И потому Артем решил начать свое расследование с магазина Альберта.

– Алла? – Альберт нахмурился. Он стоял за прилавком, седой, невысокий, с большим мясистым носом и в вечных очках, напоминая скорее профессора, чем лавочника. Артему показалось, что он определенно смахивает на своего знаменитого тезку Эйнштейна. Флора говорила, что Альберт в прошлом отлично учился, был умен, способен, и она рассчитывала, что он поедет за ней в город, сделает блестящую карьеру. Но юноша предпочел остаться в Донске, выбрал помощь семье, а не любовь молодой девушки, уют и тишину, а не блеск мегаполиса, и навсегда поселил в ее душе недоверие к мужчинам, от которого уже столько лет мучительно страдал сам. Альберт не сразу понял, что Флора значила для него куда больше, чем просто юношеская влюбленность, но, когда разобрался, сердце женщины было закрыто, а подобрать ключ он так и не смог.

– Что ты хочешь знать про Аллу? Я полиции все, что знал, рассказал. Убили ее, задушили. Твои товарищи знают куда

больше.

– Меня интересуют не подробности убийства, – Артем покачал головой. – Дядя Альберт, подумайте, может, вы знаете про Аллу что-то, чего не знают другие?

– Например?

– Опасалась ли она кого-то? Были ли у нее враги?

– Враги? Да нет, откуда в Донске враги...

– Она ни с кем не конфликтовала?

– Не слышал. Со мной ссорилась, но так, любя. Мы ворчали друг на друга, но обиды не держали. Она была славная девочка.

– А есть кто-то, кому могла быть выгодна ее смерть?

– Понятия не имею. Да у нее, кроме грузовика, ничего и не было... – Альберт пожал плечами, и Артем понял, что начал не с того конца.

– Хорошо. А подруги были?

– Ну... С Луизой твоей общалась. Особенно последнее время сошлись. А так да, были девчонки. Маша Сидорова, знаешь ее? И Катя, которая замуж вышла за Серегу Титова. Вот с ними дружила. Но они хорошие девчонки, ты же не думаешь про них плохого?

Артем знал и Машу, и Катю, и Серегу, и молча согласился, что подумать плохого про них никак нельзя.

– А мужчина? Был у нее кто-то? Жених, ухажер?

Альберт задумался, медленно потер нос, потом снял и протер очки.

– Не могу сказать. Она не говорила, о личном не рассказывала. Серьезных отношений, насколько знаю, не было, жила одна. Отдыхать тоже с девчонками ездила. Но как-то упомянула, что влюбилась. Я сначала думал, шутит. Потом смотрю, правда, будто изнутри светится. Поверил, почему нет. Она девушка симпатичная, достойная. Надеялся, счастье встретит. Но как-то нечасто они виделись, да все в странных местах.

– А в кого влюбилась-то?

– В парня городского. Ты знаешь его, помнишь, приходил сюда с ним. Актер, не помню, как звали.

– Марк? – удивился Артем. – Так он же уехал давно!

– Так вот, он уехал, а она страдала.

– Понятно, – Артем вздохнул. – Женщины частенько влюбляются в актеров. Не думал, что Алла из их числа, не казалась она романтичной.

– Никогда не знаешь, – согласился Альберт. – Мы и себя-то не знаем, и самых близких не знаем.

– Это точно, – в его голове мелькнул образ Луизы. Знал ли он ее? Хорошо ли знал? – Может, что-то еще?

Альберт пожал плечами, показывая, что рассказал все. Уже выходя, Артем обернулся, что-то зацепило внимание, заставив остановиться. Он и сам не объяснил бы, почему, наверное, опыт, интуиция помогли, но вдруг спросил:

– А где они встречались, в каких странных местах? В театре что ли?

– Может, и в театре. Она говорила о каком-то старом, пустом доме. Будто там много места, и репетиции проходят. И в клуб какой-то ходили. В городе. Не помню уже, в пол-уха слушал. Кивал и думал о своем. Знаешь, сколько мне рассказывают! Если всех слушать, так и с ума сойти недолго.

Артем признал, что в словах Альберта есть доля истины, поблагодарил за помощь и отправился дальше. К родителям Аллы. Неудобно беспокоить их в несчастье, но, в конце концов, он общался с Аллой, они были хорошо знакомы. Имел же он право выразить соболезнования? Потому купил букет белых роз и подъехал к дому, где жила семья Аллы.

Застал только мать, отец уехал по делам. Мать рассеянно поблагодарила за цветы и довольно скоро Артем понял, что и здесь не продвинется далеко. Она не знала ни о друзьях дочери, ни о ее возлюбленном. Алла не была близка с родителями, это Артем и сам помнил. Виделась с матерью нечасто, говорила по душам еще реже. Поблагодарив, вышел в прихожую, женщина проводила его до двери. На комод Артем заметил фотографию Михаила – брата Аллы. Крепкий, высокий мужчина, Артем помнил его, хоть и давно не видел.

– А Миша так и не был на похоронах? – поинтересовался он. Мать покачала головой. – Где он сейчас?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Редко звонит. Нас в известность не ставит ни о чем. Помню, какое-то время назад, пару лет может, работал в Салехарде. Где сейчас – и представить не могу. Может, все еще там. Может, уехал. Он в разь-

ездах, работа такая. Сегодня здесь, завтра там.

– Понятно, – Артем кивнул. Ему стало жаль эту женщину, вырастившую двоих детей и в итоге потерявшую обоих. Попрощавшись, вышел на улицу и радостно вдохнул свежий воздух, было не по себе после визита. В задумчивости направился к машине. Салехард... Он все-таки уговорил Лику дать ему информацию по преступнику, – стоило ему это не одну чашку утреннего кофе, – одна из жертв была убита как раз в Салехарде. Странное совпадение. Но зачем бы Михаилу, если это он, убивать родную сестру? Да, они вечно не ладили, но не до такой же степени! И потом, Михаила в городе знали, если бы он появился, вряд ли остался бы незамеченным. Нет, он копает не в том направлении. Марк... Но Марк тоже давно уехал из Донска.

Артем сел в машину и повернул ключ зажигания, мотор загудел, мигнули лампочки индикаторов. Можно ехать, но он в задумчивости продолжал сидеть, не тронувшись с места. Еще этот поход сегодня, так не ко времени! Он почти ничего не выяснил, если быть точным: совсем ничего. Расследование зашло в тупик. Единственное, что пришло в голову, – поискать старый дом. На лице Артема мелькнула улыбка: сделать это будет нетрудно. Благодаря главной страсти отца, в Донске почти нет старых домов. А уж заброшенных и пустых – раз два и обчелся. Ему не составит труда найти нужный. Артем усмехнулся. История о репетициях в заброшенном доме казалась неправдоподобной, скорее всего, Альберт что-

то неправильно понял. И если от кого-то можно ожидать такого, только не от Аллы! Она всегда отличалась рациональностью, твердо стояла на земле. Но откуда ему знать, как меняются женщины, когда влюбляются! Говорят, страсть толкает на безумные поступки, может, говорят не зря. Сам Артем никогда не знал такой иссушающей страсти, его любовь к Луизе была спокойной, теплой, она горела неярким, но постоянным пламенем, и ему казалось, что невеста отвечает точно таким же чувством. Но если так, зачем ей нужны эти странные фантазии? Может быть, всем людям, когда дело касается чувственной зоны, нужны фантазии? У кого-то они более темные, у кого-то театральные, как у Луизы... Усилим воли он заставил себя перестать думать о девушке и сосредоточиться на поиске заброшенного дома. Эта версия не выдерживала никакой критики, но других не было, нужно проверить хотя бы ее. Он проехал два или три пустых дома: ни один не мог подойти для каких-либо встреч. Дома были огорожены, ожидали сноса, находились в аварийном состоянии и даже войти туда не представлялось возможным, а уж устраивать тайные свидания и репетиции театральной труппы – и подавно, даже сама мысль об этом казалась нелепой.

Оставалась еще пара домов, не считая самого здания театра, и один показался Артему подходящим. Заинтересованный, он остановил машину у забора, толкнул незапертую калитку и вошел во двор, заросший травой, по углам она доходила до пояса. Здесь никого не было. Дом смотрел на него

пустыми глазницами разбитых окон, кое-где заколоченных. Дверь тоже была приоткрыта, Артем, немного поколебавшись, поднялся на крыльцо и вошел внутрь. Прислушался. В доме царила полная тишина, ему стало не по себе – никогда не знаешь, что можно встретить в таких домах. Тем более, когда ищешь убийцу. Будучи не из пугливых, он все равно ощущал давящую, даже зловещую атмосферу, которой славятся пустые дома, не зря же слагают легенды о живущих здесь темных духах и привидениях. Ни в духов, ни в привидения Артем не верил, но вполне допускал, что здесь может располагаться притон или затаиться компания нетрезвых хулиганов, охочих до драки. Он осторожно и очень медленно шел по коридору, пригибая голову, чтобы не задеть низкий потолок, одновременно стараясь не споткнуться о лежавшие на полу, упавшие с потолка балки. Да, здесь определенно требовался серьезный ремонт, а лучше снос! Надо посоветовать отцу, когда расследование будет завершено. Он пересек две грязные комнаты. Остановился, снова прислушался. Дом тоже мог считаться аварийным, и тут пусто, давно никого не было. Вряд ли здесь могли вестись репетиции, какие безумцы решатся собраться в таком странном месте! Колдовские ритуалы, шабаши – вполне. А репетиция – дело законное и благородное, актеры могли выбрать и более подходящий антураж. Другое дело, если бы речь шла о съемках ужастика. Но нет, Альберт сказал: театральные репетиции. Марк при встрече тоже говорил именно о театре. Разочарованный, Ар-

тем соби́рался отпра́виться наза́д, но что-то остано́вило. Он не лю́бил броса́ть дела́ на полпу́ти, оста́влять неза́вершенным. Иногда́ эта́ привычка́ игра́ла с ним злую́ шу́тку, но се́бя не передела́ешь. Потому́ Арте́м реши́л: раз уж́ оказа́лся здесь, в э́том ве́сьма неприя́тном ме́сте, сле́дует про́йти до ко́нца, оста́лось ве́сего́ не́сколько ко́мнат. Он толкну́л сле́дующую́ дверь и ша́гнул в пу́стое про́сторное по́мещение. Здесь́ было́ темно́, во́круг ни́чего не ви́дно, Арте́м су́нул ру́ку в карма́н, вы́тащил теле́фон, что́бы вклю́чить фона́рь. В его́ неяр́ком све́те он с уди́влением отме́тил, что́ тут, в отли́чие от пре́дыдущих ко́мнат, было́ чи́сто, сто́яли сту́лья и сто́л, и Арте́м гото́в был покля́сться, что́ здесь не та́к да́вно бы́ли лю́ди. До́статочно ме́ста, по́мещение во́лне мо́гло подо́йти да́же для ре́петиций! Зна́чит, е́сли предполо́жить, что́ Альбе́рт Альбе́ртович ве́се по́нял пра́вильно, э́то то са́мое ме́сто, где́ со́бирались акте́ры теа́тра, с ко́торыми дру́жила Алла́. И о́дин из них мо́г бы́ть уби́йцей мо́лодой же́нщины, по́чему не́т.

Вни́мательно о́гляде́в по́мещение, те́перь уже́ с бо́льшим инте́ресом при́гляды́ваясь к о́бстано́вке стра́нного до́ма, Арте́м откры́л сле́дующую́, по́следнюю́, дверь – и засты́л, пора́женный уви́денным. Он не о́жидал ни́чего, подо́бного то́му, что́ предста́ло пе́ред гла́зами: про́сторная за́ла, ко́торую́ мо́жно сравни́ть, разве́ что, с ба́льной, с вы́сокими по́толка́ми, по́чти сво́бодная от ме́бели. И что́ е́ще уди́вительнее: укра́шенная со́ответствующим о́бразом! Сте́ны за́крывали ста́ринные уже́ не́много по́блекшие го́белены́, сверка́л в све́те фона́ри-

ка чистый, полированный пол, вдоль стен стояли стульчики в стиле ампир, чтобы воображаемые танцоры могли отдохнуть, если устанут, приковывал взгляд белый, новенький, похожий на исправный, рояль! Что-то блеснуло на полу, когда луч торопливо обежал комнату, и этот блеск тоже привлек внимание. Артем наклонился, чтобы поднять кусок фольги фиолетового цвета. Рядом лежал такой же, но золотой. Чуть поодаль – еще один, бирюзовый. Сомнений быть не могло, эти разноцветные кусочки – не что иное, как конфетти, их рассыпали или взорвали хлопушку. Да, похоже, тут устроили не только репетицию, но и целый праздник! Карнавал или, может быть...бал!

Это слово, словно выстрел, грохнуло в голове Артема, и он почувствовал, что сердце на мгновение остановилось.

Глава 14. Театр

Бал. Это слово в последнее время он слышал не единожды. Слышал от Луизы. Она дружила с Аллой. И говорила ему про этот бал. Но неужели... Нет, это не может быть правдой! Неужели, Луиза не придумала, и они с Аллой и Марком были на каком-то празднике в заколоченном доме? Возможно, Луиза даже видела убийцу и узнает его! Скрипнула входная дверь. Артем вздрогнул, резко обернулся, потом осторожно прислонился к стене, так что бы его не заметил человек, который войдет в помещение. Рука машинально скользнула к висевшей на поясе кобуре. Он медленно, стараясь не издать ни звука, вытащил оружие. Послышались шаги, доски пола кое-где прогибались под тяжестью идущего, характерный скрип доносился до Артема. Он напрягся, вот отворилась входная дверь, на пороге появился мужчина. Смуглый, невысокий, темноволосый. На нем была светлая панاما, прикрывавшая лишь макушку, растянутая футболка и широченные, застиранные штаны цвета хаки. Артема он не заметил, но хорошо расслышал, как щелкнул за спиной затвор.

– Руки! – скомандовал Артем.

Тот машинально вскинул руки вверх.

– Повернись.

Незнакомец повернулся, на его лице застыл неприкрытый испуг, смешанный с недоумением. В ту же минуту Артем

опустил оружие: узнал Ильхама, местного работягу, который не раз помогал его отцу в сносе домов.

– Ты? – спросил он разочарованно. – Что ты тут делаешь?

– Артем? – тот захлопал глазами и опустил руки. – Ну и напугал ты меня... Зачем сзади подкрадываешься?

– Я ж не знал, что это ты, – Артем спрятал оружие. – Мало ли кто в пустых домах бродит. Так что ты тут делаешь?

– А ты? – неожиданно дерзко ответил Ильхам.

– Провожу расследование.

– Ясно. А я как раз пришел отчет подготовить: пойдет ли дом под снос. По поручению отца твоего, кстати. А что за расследование? Могу чем помочь?

– Женщину убили, слышал?

– Ты про Аллу? – Ильхам кивнул и вдруг снял панаму, как если бы хотел выразить уважение памяти усопшей, его жест не остался незамеченным Артемом, – Конечно, все слышали.

– Говорят, она ходила в этот дом.

– Да, – Ильхам кивнул. – Видел ее тут пару раз.

– Вы общались?

– Общались. Не скажу, что были очень близки или дружили. Просто: привет, пока, как дела.

– И что она тут делала?

– С артистами была.

– Играла в спектаклях?

– Нет, не играла. Просто была с ними. Вроде как, поддерживала, интересовалась, дружила.

– А ты что тут делал?

– И я с артистами был. У меня друг есть, он у них тоже играет. Тоже артист. Я к нему и приходил.

– Не Марк случайно?

– Не... Рустам.

Артем вздохнул. Вряд ли он чего-то добьется от этого рабобяги: Ильхам всегда не мог связать двух слов, а уж большой пользы от него точно не жди.

– А бал тут был, в этом доме, не слышал?

– Нет, – тот пожал плечами. – Не знаю такого. Бал – это что?

– Ну, праздник, когда все красиво одеты, танцуют.

– А... – протянул Ильхам. – Не помню, не видел.

– А где сейчас эти артисты? – поинтересовался Артем.

– Так уехали. Давно уже. Все разъехались по домам. Ждут, когда театр будет, вернутся, наверное, к осени. Слышал к осени стройку закончат, вот артисты и приедут, чтоб выступить.

– Понятно, – Артем кивнул. – Ладно, спасибо, делай свои дела. Не буду мешать.

С этими словами он спрятал оружие, прикрыв футболкой.

– А зачем тебе артисты? – полюбопытствовал Ильхам, очень желающий быть полезным.

– Поговорить хотел, вдруг что-то смогут вспомнить. Алла же с ними дружила.

– Так поговори с Рустамом. Он в театре сейчас. На строй-

ке работает.

– Так он артист или на стройке работает? – нахмурился Артем: болтовня Ильхама начинала утомлять, становясь все более бессвязной.

– Он и артист, и на стройке. – Ильхам довольно ухмыльнулся. – Пока театра нет – он на стройке. Будет театр – играть станет.

– Ладно, спасибо, – Артем кивнул, бросил беглый взгляд на часы. Уже пять. Если поторопится, успеет заехать в театр. Потом надо еще заскочить домой, проверить, все ли в порядке, перекусить и бежать на поляну, где договорились встретиться с Сенечкой. – Пойду, прокачусь до театра, поговорю с твоим Рустамом. Заодно и гляну, как идет стройка.

Ильхам пожал протянутую Артемом руку, искренне радуясь, что оказался полезным полиции, после чего вернулся в дом и приступил к осмотру ветхого строения. Артем же направился к самому таинственному зданию Донска. «Дух искусства», так, кажется, сказала Луиза. Она умела подобрать правильные слова!

Прошел почти час, прежде чем Артем оказался у здания театра, помешали пробки, кроме того, в двух местах в центре неожиданно перекопали дорогу, пришлось объезжать. Он оставил машину, решив, что так будет быстрее, и пошел пешком через сквер, по каштановой аллее, ведущей к невысокому серому особняку, ныне огороженному лесами и заборами. Артем помнил здание театра таким, каким оно изоб-

ражено на открытках, – тогда серый камень еще не облупился, колонны и ступеньки не были расколоты, а лепнина поражала белизной и изяществом. Окна театра светились приветливым теплом, у крыльца толпились люди, некоторые даже держали в руках букеты. Казалось там, за массивными кованными дверями, обитала сказка, начинался волшебный мир, который так любила Луиза. Внезапно Артему показалось, что Луиза никогда и не покидала этого мира. Она жила в нем, а, возможно, это он жил в ней. Иллюзорный мир, полный фантазий, выдумок и тех личностей, которых он называл «фантомными персонажами». Для Луизы они зачастую были реальнее, чем живые люди. Так или иначе, едва он задумался, все его выводы, еще недавно составлявшие стройную картину, рассыпались в пыль, а мысли в голове вновь смешались, как разрозненные куски древней мозаики, разрушенной песками времени. В конце концов, что он видел? Всего лишь чистые комнаты, да блестящие звездочки-конфетти на полу. Что это доказывает? Только то, что в доме были репетиции, как и подтвердил Ильхам. Это сходится с тем, что сказал Альберт: Алла дружила с актерами и даже была влюблена в одного из них. Но как связать вместе убийцу Аллы, Луизу и театр? Возможно, ему следует подумать над историей про Михаила Апрелева. Артем помнил, что в детстве за Михаилом водились странные поступки, в школе он был хулиганистым и, когда уехал, весь Донск вздохнул с облегчением. А сейчас сам Артем просто теряет время, ко-

того осталось и так немного. Через каких-то два часа они выступают в поход. Очередное безумие! Но раз уж приехал сюда, то поговорит с Рустамом, по крайней мере, будет знать, что прошел и туда, куда вела последняя театральная нить. В воскресенье отдохнет и встретится с Луизой, они проведут день на речном пляже, а с понедельника начнет расследование с чистого листа. Это сбудется, если ребята возвратятся с завода целыми и невредимыми. С неудовольствием Артем подумал, что если их поймает охрана, то наряду с историей о потерянном на месте преступления оружием, проникновение на завод в компании детей может окончательно похоронить его репутацию. Так, глядишь, и уволят. Но не оставлять же теперь брата! Ладно, если что, придется обратиться к отцу, хотя именно это Артем не любил больше всего и ранее никогда не прибегал к помощи Павла Петровича, не козырял, что он – сын мэра.

Артем прошел за обтянутое сеткой ограждение и буквально столкнулся с молодым строителем в оранжевой жилетке и каске, взваливавшим на плечи мешок цемента. От тяжести мешка парня немного занесло в сторону, но он быстро выпрямился.

– Простите, где мне найти Рустама? – спросил Артем. Парень пожал плечами, показывая, что не знает, о ком речь, и потащил мешок дальше. Артем остановился, на мгновение, ему снова показалось, что не только Луиза, но и сам он находится в плену иллюзий, двойственности, постигшей

несчастный Донск. Ильхам говорит, что Рустам здесь работает и поможет. Но Рустама нет. Так, где же правда? Где фантомы, а где настоящее? Но после сообразил, что набранные из разных городов рабочие просто не знают друг друга по именам, потому не могли подсказать, и отправился искать прораба. Добрых полчаса ушло на поиски Рустама, оказавшегося невысоким, плотным и уже немолодым мужчиной, одетым в такую же рыжую жилетку и каску. Он стоял, разглядывая какие-то схемы, взглянул на Артема хмуро, исподлобья, как человек, которого без всякой цели отвлекают от важного дела.

– Чего вам? – так же мрачно спросил он. Артем, хотевший было поговорить по душам, по-приятельски, как с Ильхамом, понял, что здесь лучше действовать иначе, и вытащил удостоверение. Лицо Рустама вмиг стало куда приветливее, Артем догадался, что у собеседника могли быть проблемы с законом, которых тот пытается избежать. Рустам внутренне напрягся, но через мгновение, стараясь быть вежливым, выдал из себя:

– Чем могу помочь?

– Хотел задать пару вопросов. О женщине, ее убили недавно. Алла Апрелева. – Артем достал фотографию Аллы из нагрудного кармана куртки, которую накиннул, спасаясь от вечерней прохлады, и показал Рустаму. – Говорят, ее видели в вашем обществе. Узнаете?

– Узнаю, – кивнул Рустам. – Только я не убивал.

– А я вас и не обвиняю, – Артем спрятал фотографию. – Мне Ильхам посоветовал с вами поговорить. Мой хороший знакомый. Сказал, что видел вас с Аллой в одной компании. Что она встречалась с каким-то актером, ходила на репетиции. И будто вы – тоже актер.

– Я – тоже актер, – с неожиданной гордостью произнес Рустам, распрямившись и отложив, наконец, свои схемы. – Играл на сцене. В кино играл. В маленьких ролях, в эпизодах, в массовых сценах. На телевидении подрабатывал. В театре. Много где. Сейчас вот здесь помогаю разобраться. Они же не понимают, как зал должен быть устроен. Все неправильно хотят делать. Тут акустики не будет, и не увидят ничего зрители, если перед ними колонн понаставить. Зачем в театр приходите, если ничего не видно, не слышно, – можно дома телек посмотреть!

– Так Алла встречалась с актером или нет? – перебил Артем.

– Да, встречалась, – кивнул Рустам, – Но не со мной. Мы мало общались. Она нечасто приходила, сама не играла, только смотрела на нас.

– А с кем встречалась? Знаете?

– Да, Марк его зовут, – откликнулся Рустам. – Молодой, такой, высокий. Она уж очень была в него влюблена. Сильно, слишком сильно. Везде за ним ходила, будто хвост.

– А он?

– Он сначала, вроде как, тоже заигрывал с ней, все хорошо

было. Ну, мне так казалось. Она на репетиции приходила, – Рустам заговорил гораздо охотнее, когда понял, что самого его ни в чем не обвиняют и вопросы лично к нему не имеют отношения. – Вообще, я никогда за жизнь такой влюбленной женщины не видел! Марк этот женщинам нравился. Вот мы с вами мужчины, нам не понять, что они в нем находят, а бабы по нему – все с ума сходили, уж поверьте! Знаю, что говорю! А она была – ну просто, как безумная... И радовалась очень, веселились они вдвоем. Хорошо им было вместе. Особенно, когда начали свою игру...

– Какую еще игру? – прервал Артем.

– Ну, когда решили бедняжку разыграть.

Артем пристальнее уставился на Рустама, в его взгляде мелькнуло недоумение, тот понял, что собеседник не улавливает мысли, и пояснил подробнее:

– Марк решил разыграть какую-то девчонку, местную. Говорят, она была влюблена в Тонино – покровителя театра, все мечтала о нем. И он выдал себя за него. Начиналось весело, даже мне понравилось, так забавно было! Особенно когда собрали труппу, нарядили в костюмы, да устроили бал. Девушка от восторга совсем голову потеряла.

– То есть, бал все-таки был? – задумчиво спросил Артем. Он потер лоб, начиная понимать, в чем дело. Итак, бал был на самом деле! Звучало невероятно, но оказалось правдой! А вот Тонино – тот был фальшивым, чего и следовало ожидать.

– Конечно, был. – подтвердил Рустам, – И я там был, мед,

пиво, пил, как говорится!

– И Алла?

– И она. Красивая в тот день была очень! Никогда прежде ее такой не видел: в платье, с камнями сверкающими на шее! А та, вторая, пришла – ну чистая замарашка, в сравнении с ней. Но знаете, почему-то нам всем показалось, что Марк заигрался, увлекся той девушкой. Замарашкой. Наверное, вошел в роль Тонино. Он строил из себя гостеприимного хозяина. И Алла так подумала... Что он увлекся. И когда девица ушла домой, Алла устроила ему сцену! Много я скандалов в жизни видел, но такого – никогда! Они ругались, кричали... Чуть не дрались! Марк говорил, что устал от Аллы, от ее ревности, что никогда ничего ей не обещал. Она даже раз швырнула в него бокалом. Чуть не попала. Разбился, мы осколки убрали. А они ушли в другую комнату и там еще долго ругались. Она вышла оттуда уже в обычной своей одежде, платье сняла красивое, лицо все полыхало, красная была, как рак, и злая очень. Неудивительно, после такой-то ссоры! Выбежала, даже не простилась ни с кем.

– А Марк?

– Он в доме остался, гостей провожал. Ну он всегда был спокойный, выдержанный. И не переживал ни за что так, как Алла.

– Это старый заколоченный дом? В Пихтовом переулке?

– Все верно, он самый.

– А девушка та? Зачем ее разыграли? – продолжил сурово

допрашивать Артем. В глубине души он злился, что Рустам посмел назвать его невесту «замарашкой».

– Не знаю, – Рустам пожал плечами. – Она наивная, молодая, как ребенок. Приглянулась, мне кажется, Марку. Она симпатичная тоже, если приодеть. Ну и она в него влюбилась, совсем, как безумная...

С этими словами он доверительно закивал, глядя Артему в глаза в поисках понимания.

– Да ладно? – Артем нахмурился, почувствовав, как его недовольство Рустамом растет, – С чего вы взяли?

– Послушайте, я старый человек, – тот усмехнулся, – Не вижу, что ли! Да в Марка все девушки влюблялись, говорю же! Такой он...

– Какой?

Рустам опустил на каменный парапет, подпер голову руками и задумался. Он долго молчал, пытаясь подобрать нужные слова, Артем не перебивал молчания. Стоял, засунув большие пальцы за ремень, сжав губы и постукивая ногой от нетерпения.

– Из людей, которые привлекают внимание, – произнес, наконец, Рустам, – Есть такие. И женщинам они нравятся, и в театре им лучшие роли дают. Словно притягивают к себе. Энергия в них, наверное, не знаю, как еще сказать. И такой он, немного аристократ будто. Потому и поверила она, что он – и есть этот Тонино! Как будто что-то не наше в нем... Но в душе он какой-то холодный, не задевает его ничто, мне каза-

лось. Потому не верил я в его игру. Актер – он же проживать должен, жизнь персонажа проживать, эмоции его проживать. А Марк не мог, слишком холодный. И девушки все эти... Увлекался сначала, будто загорался, а потом теряет интерес: как поймет, что она готова на все ради него, – так и теряет. Сразу женщина безразлична становится. Так и с Аллой вышло. И с этой бедняжкой, не помню, как звать-то ее, тоже будет, рано или поздно.

– А где он сейчас? – спросил Артем, он все больше мрачнел, и Рустам начал поеживаться, справедливо принимая его недовольство на свой счет. Меньше всего ему хотелось неприятностей с полицией.

– Марк-то? Не знаю, – он пожал плечами, – Давно его не видел, с того бала. Вроде, говорят, уехал из города. Сказал, вернется к началу сезона, когда спектакли пойдут. Мы же все, что могли, отрепетировали, теперь надо пару раз хотя бы в декорациях сыграть – и готово. Девушка эта все о театре говорила. Марк обещал ее на генеральный прогон позвать, чтобы она самой первой спектакль увидела. То-то она счастлива была, вы бы видели! Она бредит театром! Да, Марк знает, какой девушке что предложить, этого у него не отнимешь.

– Понятно, – Артем помрачнел еще больше. Если раньше он считал, что Луиза полюбила другого, потому что слишком мало любила его самого, и готов был отпустить девушку на свободу ради ее счастья, то сейчас, слушая Рустама, понимал: его невеста оказалась жертвой опытного ловеласа,

который, судя по всему, просто развлекается таким образом, пытаясь лишний раз подтвердить свою привлекательность и превосходство, потешить эго. Тонино, скажите, пожалуйста!

– Всегда был уверен, что Тонино – не существует, – сурово сказал Артем.

– Замечательное наблюдение! – Рустам чуть подобострастно хлопнул в ладоши. – Вы – истинный следователь! Тоже уверен. Но, как видите, есть доверчивые души, любители искусства и всяких легенд. Такие, как Марк, играют на их чувствах, будто крысолов на своей флейте...

– Какой еще крысолов?

– Сказка такая была, не знаете? Ну вот, приходите, мы по ней тоже спектакль ставим. Заодно и посмотрите. Я играю там одну из крыс. А Марк – тот, конечно, самого крысолова. Кто бы сомневался! Все из-за внешности, таланта-то в нем – ноль.

Его слова про крыс заставили Артема вспомнить о судьбе несчастной мыши по имени Карлсон, и он взглянул на часы. До начала похода оставался всего час. Отдохнуть и перекусить уже точно не успеет, в лучшем случае глотнуть чаю и сжевать на ходу бутерброд. Хотя он с удовольствием выпил бы чего-нибудь покрепче, после услышанного-то! Чем и займется сразу после злосчастного похода. Луиза такое не одобряет, ну так что ж! Он тоже не одобряет ее шашни с актеришкой-крысоловом!

– Мне уже нужно бежать, дела. Последний вопрос. Как

думаете, Марк мог убить Аллу?

Рустам пожал плечами, на его лице мелькнуло сомнение, и он снова помолчал, раздумывая.

– Кто знает? – ответил он, чуть погодя. – Да вряд ли. Молодой парень, открытый, веселый. Алла, конечно, уж очень назойлива была, но, чтобы прямо убить... Это слишком!

– Кто же тогда ее убил?

– Только Богу ведомо, – философски заметил Рустам.

– И то верно, – кивнул Артем. – Ладно, спасибо за ваше время.

Он протянул руку, и Рустам крепко пожал ее.

– Рад быть полезным, обращайтесь, – снова подобострастно добавил он. – А так-то, назойливых девушек если б все убивали, женщин в мире почти не осталось бы. Такие, как Марк, и вовсе бы из тюрем не вылезали. У них столько поклонниц! Тогда помню, модель была, тоже на кастинг к нам приходила, в театр, на севере, блондинка, высокая. Тоня, кажется, или Таня. Так уж за ним бегала, у служебного входа караулила. Он даже ни разу не вышел к ней. Только цветы брал со сцены – и все. Она ему и записки писала, и номер свой сколько раз передавала, и на служебный телефон названивала. Очень красивая девушка. Потом отстала. Да потом и мы уехали. Гастролировали по всей стране.

– На севере? – переспросил Артем.

– Ага, – кивнул Рустам. – Много где побывали, если б не театр, я бы столько городов не увидел! О некоторых даже не

слышал!

– А Таня где была? В Салехарде? – в голосе Артема прозвучала уверенность.

– Не помню, кажется, да, – на лице Рустама мелькнуло удивление. – Откуда знаете?

– Работа такая, все знать. Ладно, мне пора. Спасибо.

Рустам снова погрузился в свои карты и схемы, а Артем вышел со строительной площадки, прошел по аллее, туда, где шум от стройки уже не так оглушал, вытащил телефон. Пришло сообщение. От Луизы. Машинально открыл.

«Прости, не смогу встретиться с тобой завтра. Приходи к нам, родители все объяснят. Оставила письмо, прочти его».

– Господи, – прошептал Артем. – Господи!

В другую минуту он мог бы почувствовать боль, лишившись любимой девушки, или обиду, понимая, что его «бросили по смс», не удосужившись даже встретиться и посмотреть в глаза. Но сейчас он застыл, пытаясь понять, что следует делать. Два чувства страха, два чувства тревоги, одинаково сильных, боролись в его душе. Как жутко и несправедливо, что он вынужден выбирать! Почему в жизни всегда приходится выбирать, почему нельзя быть в двух местах одновременно! И однако, он принял решение. Заканчивается июль. Темнеет поздно, не раньше десяти. При свете с мальчишками вряд ли случится что-нибудь плохое. Он доберется до дома Луизы, прочтет письмо, найдет ее, поговорит, убедится, что она в безопасности, потом догонит Сенечку и его

друзей. Он на машине, они – пешком. Он догонит их до темноты.

Артем набрал номер брата, взволнованный голос Сенечки ответил.

– Что случилось? – удивительным образом мальчик сразу догадался: что-то пошло не по плану.

– Я должен нарушить клятву, прости, – Артему с трудом давались слова. – Знаю, это ужасно, не ожидал от себя такого. Но вы справитесь. Вы же молодцы. Собирайтесь и идите без меня. Догоню вас позже, у меня важное дело. Правда, очень-очень важное! Обещаю, когда вы доберетесь до завода, – я вас догоню. Встретимся с восточной стороны, недалеко от ворот. Хорошо?

– Хорошо, – недовольно буркнул Сенечка. – Но ты точно придешь? Или опять не сможешь?

– Точно приду. Обещаю.

– Ладно, а то, боюсь, парни без тебя побоятся и вообще не пойдут. А я тогда буду опозорен! Навеки. Я же ходил, всем рассказывал, благословения просил. Тете Поле обещал.

– Не будешь ты опозорен навеки, – Артем не смог сдержать улыбки. – Я точно приду. Идите, пусть удача будет с вами!

– Спасибо, – голос Сенечки потеплел. – Удача любит смелых! Ладно, пока. Пошел тогда собираться, мы будем ждать тебя, где договорились.

– Ждите, без меня не лезьте туда! Слышишь? Даже если

я чуть опоздаю, задержусь, без меня на завод не входить! Ни в коем случае! Ты меня понял? Точно понял?!

– Принято, – кивнул Сенечка. – Без тебя на завод ни шагу. До связи.

И отключился. Артем вздохнул. Одно неприятное дело сделано – сообщил брату, что подвел его. Теперь предстояло второе, еще более неприятное. Возможно, Марк вовсе не убийца Аллы, а просто красивый парень, любитель поразвлечься, и все это – лишь цепочка дурацких совпадений. Иногда такое случается: ошибки, совпадения так похожи на правду, что уводят полицию с нужного следа. Но за одно то, что он называл себя Тонино, заморочил голову бедной Луизе, заставил страдать, да еще и пытается увести у него, Артема, любимую невесту, собираясь потом ее безжалостно бросить, Марку следует хорошенько врезать, – и не один раз, а так, чтоб мозги встали на место. Артем был твердо намерен это сделать прежде, чем выступит с мальчишками в дурацкий, никому не нужный поход.

Глава 15. Письмо

Сенечка вышел из дома с тяжелым сердцем: не хотелось говорить друзьям, что Артем присоединится к походу позже. Но убеждал себя, что ближайшие два часа они просто пройдут по дороге, как если бы гуляли. Сначала по городским улицам, потом через лес, еще будет светло. Может быть, сумерки, но в целом – светло. Они будут идти и болтать. А когда стемнеет – Артем уже будет с ними. И тогда все пройдет отлично. Тетя Поля тоже сказала, что все будет отлично!

Именно это он и сообщил мальчикам. Они, четверо, имели вид решительный, считали, что идут на ратный подвиг, и все, даже маленький хрупкий Славик, были готовы пройти путь до конца. Новость, что Артем присоединится позже, восприняли со стоическим спокойствием, в глубине души были уверены: именно так и будет, Артем не подведет.

– Да начнется наш Квест! – торжественно объявил Сенечка. Мальчики дружно крикнули «Ура!», потом направились по навигатору на северную окраину Донска: в той стороне находился завод. Вскоре их поход, и правда, начал напоминать веселую прогулку. Они шли, шутили, старались избегать шумных, людных улиц, а где-то, наоборот, выходили на площади: там их принимали за гуляющих в выходной день подростков, подозрений они возбудить не могли. Наконец, подошли к окраинам: здесь начинались деревенские дома,

стало чуть тише, прохожих почти не было, эти районы дышали спокойствием и безмятежностью. Сенечка улыбнулся. Как он вообще мог подумать, что им угрожает опасность? Это же Донск! Самый безопасный город на свете! Здесь нет и не может быть страшных убийц. Здесь не может жить никакое зло! С чего он вообще взял, что с ними сегодня может что-то случиться? Скорее всего, они дойдут до завода, подождут Артема, проникнут на территорию и убедятся, что никакого Карлсона там нет, а сама зона вовсе не опасна. Завод, как завод. Этим поход и закончится. В худшем случае, если поймают охрана, вызовут отца, и Сенечке достанется от родителей. А его друзьям, вероятно, достанется от их родителей. На этом все точно завершится!

И потому, весело и спокойно, они зашагали вперед, по улице Лесной, ведущей к выходу из города. Оправдывая название, улица бежала напрямую к лесу. Дома остались позади, и теперь, мальчики покинув город, шли по тропинке через луг, который золотило заходящее солнце.

– Какое-то солнце странное, – заметил вдруг Мишка, взглянув на небо. Он был самым внимательным из четверки друзей, – Посмотрите, красное, яркое! Необычное.

– Так закат же, – беспечно ответил Сенечка, – На закате солнце всегда красное!

– Но не настолько! – продолжал Мишка.

– В этом есть что-то зловещее как будто, – пискнул Славик. – Как в ужастиках. Мрачное какое-то.

– Да бросьте, – Сенечка презрительно усмехнулся. – Солнце, как солнце. Не дрейфьте, парни, все нормально пройдет! Нам главное идти чуть быстрее, чтобы успеть до завода вовремя. А то Артем, если нас прождет, – спасибо не скажет!

– Он точно придет? – спросил Кирюха.

– Точно.

– А почему сейчас не пришел?

– Дела у него, сказал, что-то срочное, по работе.

– Может, убийцу того поймали...

– Нет, – Сенечка покачал головой. – Это они без Артема ловят, его отстранили. Ну мало ли, какие у него дела могут быть важные.

– Бабушку через дорогу перевести, – хихикнул Кирюха. Сенечка не мог не улыбнуться, но в глубине души точно знал: если брат не пришел, произошло что-то из ряда вон. Как будто других нарушителей, кроме убийцы, в Донске не сыщется!

Артем тем временем добрался до дома, где жила Луиза, сам не свой от волнения толкнул калитку, вбежал во двор. Там, возле телескопа, протирая линзу, как всегда вертелся Виталий. В величайшем нетерпении он ждал, пока стемнеет, чтобы увидеть предмет главных своих вожелений.

– Артем! – воскликнул он, поднимая голову, – Не ждали тебя сегодня. Говорили, ты занят, завтра придешь?

– Добрый вечер, – Артем не улыбнулся в ответ и не подошел пожать руку, – Где Луиза?

– Ее нет. Но она просила, если вдруг зайдешь, отдать тебе письмо, оно у Флоры.

– А где Флора?

– У себя в комнате. Позвать?

Не отвечая, Артем бегом помчался в дом, взлетел по ступенькам на второй этаж, где располагалась комната тетушки, и вошел даже без стука. Но женщина не вздрогнула от неожиданности: по глазам, по бледному лицу, понял – она ждала его. И хотя никогда не испытывала к Артему теплых чувств, считая, что он не подходит ее расчудесной племяннице, сердце рвалось от боли, когда она думала, что сейчас, на ее глазах, произойдет то, чего она никогда не желала бы видеть: умрет любовь. Артем, каким бы ни был, не заслужил этого. Молча Флора протянула нераспечатанный конверт. Артем взял его и кивнул.

– Ты знаешь, что это? – тихо спросила она. – Знаешь, что там?

– Нет, – так же тихо ответил Артем. – Пока не знаю, что. И вы не знаете.

– Я догадываюсь.

– Нет, – твердо ответил он. – Не догадываетесь. Никто даже не догадывается.

С этими словами он вышел из комнаты, оставив тетушку недоумевать, – не такой реакции она ожидала, – спустился вниз и направился в комнату Луизы. Там никого, дверь была не заперта. Там он мог прочитать письмо спокойно. Он

прочтет, поймет, а потом решит, что делать. Но чтобы быть вовремя на встрече с Сенечкой, читать нужно быстрее. Даже если хочется сто раз пробежать каждую строчку и понять скрытый в ней тайный смысл.

Артем присел на кровать девушки, застеленную розовым пикейным покрывалом, в нетерпении разорвал конверт и развернул вложенный в него лист бумаги: в очередной раз не мог не восхититься, каким красивым и ровным был почерк Луизы, она настоящий каллиграф!

Письмо оказалось совсем коротким, и он быстро пробежал его глазами.

«Артем, прости, знаю, мои слова причинят тебе боль, меньше всего на свете я хотела бы этого. Никогда бы не поступила так с тобой, но я вижу пропасть, нас разделяющую. Если посмотришь под ноги, увидишь и ты. Ее нельзя пересечь, она разделяет наши жизни. Разъединяет навсегда. Неважно, что мы любим друг друга, не важно, что хотели быть вместе. Над нами царит судьба, и она говорит, что наши жизни – отныне разделены. Нам остается только принять это, потому что пропасть никуда не денется. Чувства к тебе навсегда сохранятся в моем сердце, надеюсь, и ты найдешь свое счастье. Что за пропасть, спросишь ты? Подумай сам. Мы живем в разных мирах, ты не видишь того, что происходит в моем, ты не веришь в то, о чем рассказываю. Знаю, ты любишь меня, правда, любишь, но ты никогда мне не верил. Я это чувствовала. Мне было трудно смириться, но я

пыталась. Пыталась много лет. Однако теперь, когда появился человек, который верит, знает и понимает, говорящий на том же языке, что и я, мне тяжело выносить непонимание. И я не могу остаться с тобой теперь. Общаясь с Тонино, а ты, думаю, уже понял, что речь именно о нем, я осознала, что никогда не жила в обычном мире. Здесь жило лишь мое тело, лишь тень меня. А сама я всегда оставалась там, по ту сторону сцены, за занавесом, где располагается чудесный мир театра. Когда спектакль заканчивался для других, он никогда не заканчивался для меня, он продолжал играть в моих мыслях, жил в моем сердце. И с каждым днем все больше я понимала, что не принадлежу этому миру, что живу в мире искусства. Почему ты не видишь кикимору на болоте, когда ее вижу я? Из-за той пропасти, потому что мы из разных миров. И я думаю, правда думаю, что ты будешь куда счастливее, если найдешь девушку из своего мира. Я не хочу замечать упреки в твоём голосе, видеть сочувствие во взгляде. Ты ведь думал, что мне стоит показаться врачу? Считаешь меня больной, безумной? Я знаю, что это так. Ты считаешь, что я живу в окружении фантомов, воображаемых друзей. Это правда, не стану отрицать. Но и сама я – фантом. И хочу им остаться.

Возможно, я бы не стала выбирать, предпочла жить двойной жизнью. Но Тонино сказал, что так нельзя. Что могу быть с ним, только если признаю, что он для меня – есть все. Если скажу, что принадлежу ему целиком, до конца. Если

ничего не оставлю себе. Тогда мы сможем уйти вместе. Оставить Донск. И он покажет дорогу, дорогу в мой мир. Научит меня, как жить, чтобы спектакль не заканчивался никогда. Обещал, что откроет дорогу в волшебное Закулисье. Теперь мне не нужно здание театра. Отныне весь мир, вся Вселенная, – будут моим театром.

Сейчас ты думаешь, что я предательница, Артем. Что оставляю тебя наедине с твоей болью. Но если бы ты знал то, что знаю я, вероятно, считал бы иначе. Точнее, нет, не так: ты знаешь то, что знаю я. Ведь я говорила тебе. Но ты опять не услышал и не поверил. Прощай, теперь уже навсегда. С любовью, Луиза.

Артем перечитал письмо снова. Его внимание привлекла подпись. Раньше она всегда писала «твоя Луиза». Почему не написала теперь? Потому что Тонино сказал, что она должна принадлежать только ему, принадлежать всецело? И она это приняла?

«Увлекается сначала, а потом, будто теряет интерес, как поймет, что она готова на все ради него, – так и теряет интерес. Сразу ему безразлична становится. Так и с Аллой вышло. И с этой бедняжкой, не помню, как звать-то ее, тоже будет», – вспомнились ему слова Рустама, но сейчас они вдруг приобрели для него иной смысл. Станным образом эти слова сплелись в единую цепочку с тем, что ранее говорила Лика. «Мы не знаем, почему он это делает. Не знаем, каких жертв выбирает». Артем поднялся. Самым правильным бы-

ло бы позвонить Лике и выяснить, что из себя представляла женщина, убитая в Салехарде. Это ли исчезнувшая модель-блондинка, то ли Тоня, то ли Таня? Да, так было бы правильно. Но на это нет времени. Сейчас у него есть лишь гипотеза, которая появилась только что: жертвами становились те, кто соглашался подчиниться убийце. Те, кто принимал его целиком. Возможно, он ошибается, возможно, зря подозревает невинного человека. Но если Луизе грозит опасность, он не может стоять в стороне!

Бросив письмо на пол, Артем помчался из комнаты. Сердце сжалось при мысли, что Сенечка напрасно прождет у завода. Что ж, пострадает только его авторитет старшего брата, да авторитет Сенечки среди друзей, которые сочтут его, Артема, пустозвоном и станут тихо презирать. Ну, может, еще тетя Поля, чьи ожидания будут обмануты. Главное, Сенечка обещал не входить на завод один, значит, он туда не пойдет. Сенечка держит слово! Так что хотя бы прямая опасность ему не грозит. А вот Луизе грозит.

Артем выскочил во двор и бросился к калитке, но Виталий, стремительный, словно тигр, метнулся к нему, ухватив за рукав. Стемнело. Даже в темноте было видно, что его лицо бледно, перекошено ужасом.

– Там, там... – бормотал он, указывая на телескоп, – Там...

– Да что такое?

– Комета! Она... Иди, посмотри! Посмотри сам! Скорее!

Совсем близко!

– Потом, потом, не время, я тороплюсь, – Артем с досадой вырвал рукав. – Не до того сейчас!

– Потом будет поздно! – визгливо воскликнул Виталий, – Она врежется в нас – и будет поздно! Я не понимаю, может, схожу с ума. Но почему молчат астрономы?! Почему ничего нет в новостях?!

– Где Луиза?! – крикнул Артем, не выдержав. Впервые фанатизм Виталия не показался забавным чудачеством, а серьезно разозлил его, – Ваша дочь в опасности, где она? Куда пошла? С кем?!

– Мы все в опасности, – словно зачарованный, прошептал Виталий, глядя куда-то в пустоту, и Артем понял, что толку не добьется. Он выбежал из дома, прыгнул в машину. Надо позвонить Сенечке, сказать, чтоб возвращался назад, что квест следует перенести, но даже на короткий звонок времени не было. Нельзя терять ни секунды.

Первым делом он помчался в запертый дом, вошел внутрь, благо Ильхам оставил дверь незапертой. Обежал его весь, так быстро, как только мог: но тут было темно и пусто. Никого. Куда еще они могли пойти? В театр? Артем мгновенно, нарушая все правила, заезжая на тротуары, доехал до театра. Стройку на сегодня остановили, строители разошлись, и он влез в здание через окно, быстро пробежал по пустым этажам, его шаги сопровождало гулкое эхо, зашел в комнаты осветителей, осмотрел темный, мрачный зал, про-

шел через все гримерные, полуразрушенные, обшарпанные. Посетил даже подвал и туалеты. Кричал, звал Луизу. Ни души. Тишина.

Артем почувствовал, что некстати подкатившие слезы защипали глаза. Собственное бессилие убивало. Он терял время: каждый миг был сейчас дорог, бесценен, а он бежит по этому пустому храму искусства, в котором уже не живут ни музы, ни боги. Что делать? Что если уже поздно? Прошло так много времени! Она ушла еще днем, может, даже утром! Что если она уже мертва? Артем вышел на улицу, при мысли о возможной смерти девушки, он почувствовал слабость в коленях, чтобы не упасть, прислонился спиной к каштану, оперся о его крепкий ствол и задумался. Куда еще она могла пойти? На берегу Донки есть место, которое она очень любит. Небольшая, тихая заводь, поросшая кувшинками и тиной. Зеленая, живописная. Но она всегда была там с ним, с Артемом. Это было их место. Там, на берегу, они часто сидели, обнявшись, на стволе поваленного дерева, которое кто-то подтащил к самой воде. Луиза никогда бы не решилась на такой кощунственный поступок: привести нового возлюбленного на место, принадлежавшее им двоим. Он слишком хорошо ее знал. Она бы так не поступила. Еще одно местечко в поле, красивый невысокий холм, скорее даже пригорок. Но и там они много раз были вместе. Там он подарил ей кольцо на обручение. Туда она тоже не пойдет с другим мужчиной. Место, где убили Аллу? Вряд ли даже во имя самой великой

любви Луиза согласится оказаться на мрачном, злосчастном пустыре, где убита ее подруга... Нет, тут что-то другое! То, что дорого ей, но не связано напрямую с ним, с Артемом. Спиной он ощущал твердые выпуклости, трещины на коре старого каштана, мелькнуло воспоминание: знакомое ощущение твердой, растрескавшейся коры под руками. Он почувствовал его впервые так сильно, когда обнимал Луизу, прислонившуюся к похожему старому дереву. Ее тело давило на его руки, прижимая к стволу, и от соприкосновения с корой рукам было больно. Это случилось давно, несколько лет назад, у нее на даче. Дача! Артем рванулся к машине. Ну конечно, как он сразу не догадался! Это идеальное место – удаленное от всех, но Луиза его очень любит. Ни у кого не возникнет подозрений, если она отправится туда. Ни у нее самой. Ни у других. И это место, этот лес, как нельзя больше подходят, как для свидания, так и для убийства! Особенно для свидания с убийцей...

Артем взглянул на часы. Почти совсем темно. Наступил вечер. Она ушла еще днем. Возможно, уже поздно, слишком поздно! Алла была убита ночью, конечно, обычно серия имеет общие признаки, есть вероятность, что убийца нападает только по ночам. Хоть бы это было так! Тогда еще есть шансы... Артем вытер набежавшие слезы. Но прекрасно понимал, что нет никаких шансов. Он потерял слишком много времени и опоздал. Он не спасет любимую девушку, ставшую жертвой злого дурмана, и не поможет брату, отправив-

шемуся в путешествие, полное трудностей, сложное и опасное. В путешествие, которое уж точно не под силу детям. Возможно, сегодня он потеряет обоих! И невесту. И брата. Тех двоих, что были ему дороже всего остального мира.

Что там говорил Виталий? Что комета убьет всех? Что ж... Это было бы не так плохо. По крайней мере, тогда его, Артема, вина будет не столь существенна. Если Луиза и Сенечка погибнут из-за кометы, как и миллионы других людей, как и сам Артем. Тогда никто не узнает, что он обманул и подвел мальчиков. О том, что мог спасти, но не спас, любимую девушку, как ранее мог спасти, но не спас, Аллу. Он не поймал убийцу, не раскрыл преступление. Не сделал ничего. Артем крепко сжал губы. У него было мало недоброжелателей, но те, что были, обычно говорили, что он ничего из себя не представляет, если чего и добился, то благодаря связям отца. Из всех возможных обвинений, это задевало сильнее прочих. Сейчас он вдруг подумал, что те, кого он считал просто завистниками и злопыхателями, оказались не так уж неправы. Любой другой на его месте справился бы хоть с чем-то. Он же сумел провалить все. Значит, он, действительно, ничего не может, ни как брат, ни как жених, ни как полицейский. Значит, он просто неудачник, считавший себя успешным человеком лишь потому, что успешным был его отец?

Будучи первенцем, рожденным в браке с другой женщиной, не с Меланьей, Артем всю жизнь стремился доказать и

отцу, и мачехе, что достоин быть частью их семьи, боялся, что однажды станет третьим лишним, что мачеха решит избавиться от него. И потому стремился быть лучшим во всем, мечтал оправдать ожидания отца. Ему казалось, что так и вышло: Павел Петрович Красавин, мэр города Донска, гордится своим успешным сыном. Получается, это тоже фантом? Иллюзия, которую он сам себе создал? Луиза придумала Тонино, чтобы убежать от ненужной любви. Артем придумал успех, чтобы убежать от себя? И где они оба оказались! Теперь лишь комета может все исправить, расставить по местам, вернуть нарушенное равновесие. Нужная, правильная комета, прилетевшая тогда, когда следовало!

Машинально он протянул руку и включил радио. Пронзительная песня неожиданно оборвалась на полуслове, начались новости. И Артем не поверил ушам, на миг даже забыл о бредущем через лес Сенечке, который мог быть в опасности. И о собственной никчемности. И о Луизе, которая, вероятно, уже мертва. Потому что ведущий говорил о комете. О комете, приблизившейся к Земле так близко, как никогда не приближалось ни одно значимое небесное тело. Ударявшие по поверхности планеты метеориты, разумеется, не считались: ущерб от столкновения с ними был незначителен и не мог привести к сколько-нибудь существенным катастрофам. Можно ли ждать глобальных перемен, перемен планетарного масштаба в результате столкновения с кометой? Или это тоже не более, чем фантазия Виталия? Артем вспомнил

бледное, испуганное лицо будущего тестя. Почему он называет его будущим тестем? Ничего уже не будет, все потеряно. Он сам все разрушил. Луизу мучило его недоверие. Если бы он скрывал его чуть лучше – верить ей он не мог, но мог лучше скрывать свои чувства, сохранять хорошую мину, – все было бы иначе! Она не влюбилась бы в другого. Не ушла бы с убийцей. Была бы жива и счастлива. И Сенечка был бы в безопасности. Мысль, что все самое страшное случилось только из-за его неумения скрывать истинные чувства, заставила Артема желать скорейшего столкновения кометы с Землей.

Глава 16. Любовь фантомная

Они встретились в небольшой рощице перед дачным домом. Тонино каким-то удивительным образом сумел найти дом без ее подсказок, обычно это редко кому удавалось. Но ведь на то он и благодетель здешних краев! Дачный поселок расположен в стороне от проезжих дорог, скрыт в лесах, если не знать, что там живут люди, – сразу и не обнаружишь. Когда, казалось, дорога уходила в совсем уж непроходимую чащу, ветви низко свисали над землей, деревья неожиданно расступались – и открывались дачи. Луизина стояла ближе остальных к дороге. Поселок был небольшим, чуть больше пятидесяти домов, многие подолгу пустовали. Сам домик был бледно-голубым, деревянным, с резными окнами, как принято в русском стиле, с балкончиком и мансардой. Тонино, со свойственным ему чувством прекрасного, нашел дачу очаровательной. Тонино отличало исключительное умение видеть и чувствовать красоту, он будто ощущал ее внутри себя, как если бы красота проникала в кровь и не давала ни мгновения покоя: она вдохновляла, подгоняла, чего-то требовала, о чем-то бесконечно просила. Луизина красота была еще беспокойнее: она волновала, затмевала все вокруг, лишала рассудка, не позволяла дышать. Луиза, тем временем, не подозревая о его внутренних страданиях, едва увидев, радостно улыбнулась, даже чуть вскрикнула от восторга, – она

не ожидала, что он найдет дом без помощи, – потом, не сдержавшись, побежала и бросилась на шею своему возлюбленному. Тонино подхватил девушку, крепко прижал к себе: ее глаза сияли, лицо покраснелось, сейчас Луиза была хороша, как никогда прежде. На ней белоснежное платье, кружевное, легкое, и это тоже ему понравилось. Белое платье как нельзя более кстати. Как для кино.

– Я так боялась, что мы не встретимся, что ты не придешь! Что ты передумаешь, или заблудишься! Что по дороге сюда с тобой что-нибудь случится! – взволнованно произнесла Луиза.

– Как бы я мог не прийти? – он улыбнулся и поцеловал ее в висок, – Мы же договорились. Идем, покажешь мне дом.

Он взял ее за руку, и Луиза повела его сначала на маленький участок, засаженный сплошь цветами и кустами смородины, – ничего больше на даче не росло, остальное выращивали в саду того дома, где жили.

– Это мой цветник, – рассказывала она. – Тут у меня даже растут розы. Разных сортов. И дома растут, и здесь. Но там ты их не видел. И, наверное, уже не увидишь. Но здесь ничуть не хуже! Их меньше, но они очень хороши. Душевные такие, правда?

– Очень красивые, – он кивнул, – Тебе идут розы. Мне кажется, розы подходят не всем девушкам. Каждой девушке – свой цветок. Но тебе очень подходят!

– Спасибо, ты вечно делаешь мне комплименты, – Луиза

смутилась от его слов и пошла впереди, показывая путь.

Они направились по дорожке к дому, девушка чувствовала, что волнение переполняет ее, но не знала, что именно было его причиной. Она боялась, что придется сегодня же, прямо сейчас, покинуть Донск? Или же реакции Тонино на ее слова? Боялась, что он оставит ее, и она никогда больше его не увидит? Разочаровать его, наскучить? Что ее любовь окажется фантомной, не настоящей? Или же боялась, что время их истекает? Не только для нее и Тонино, для их чудесной любви, а для всего живого на этой планете? Время заканчивается, часы Земли вот-вот остановятся. Но так ли это страшно, как потерять Тонино? Так ли это страшно, как разочаровать его? Она не знала ответа и не могла бы сказать, чего боится сильнее, наверное, всего понемногу. Так или иначе, она чувствовала сильнейшее волнение, вызывавшее озноб и слабость в ногах, и с трудом преодолела привычный путь от огорода до дома.

Поднявшись на крыльцо, Луиза отперла дверь, ключ привезла с собой, и они вошли. Внутри домик был маленький, тесный, но очень чистый и уютный, даже обогревался печью-буржуйкой.

– В холода, конечно, жить нельзя, – девушка заметила скептический взгляд, который он бросил в сторону буржуйки. – Это не зимний дом. Но вот ранней осенью – тут так красиво! Деревья желтеют, дачники уезжают. Становится уютно и хорошо. Люблю осень.

– Сейчас никого нет, – заметил Тонино.

– Да, в будни приезжают редко, все же работают. На выходных обычно шумно. Сегодня суббота, но еще не доехали. Ближе к вечеру подтянутся. Это маленький поселок, можно его назвать и хутором. Домов немного. Мне повезло, я учитель, у меня отпуск длиннее, чем у других. Могу приезжать почаще, ухаживать за цветами.

– У актеров такой же, сезон заканчивается – и до следующего труппа уходит на каникулы, – улыбнулся Тонино. – Хотя летом бывают съемки, репетиции. Почти без отдыха работаем.

– Знаю, но это чудесно. Лучшая работа на свете! Вообще, когда работаешь в удовольствие, любишь то, что делаешь, – разве это не высшее счастье? Тем более, если деятельность связана с искусством, с творчеством, что может быть прекраснее?

– Ты бы хотела быть актрисой? – удивился он.

– Нет, что ты, – она смущенно махнула рукой. – Нет у меня таланта. Никогда не было. Ничего не могу изобразить. Могу только любоваться, смотреть, только обожать вас – и все.

– У тебя бы получилось, ты так чудесно смотрелась на балу. Замечательно танцевала! – он подошел ближе, и Луиза почувствовала, как от волнения перехватило дыхание. Воцарилась тишина, нарушаемая тиканьем старых часов, висевших над столом. И они тоже напоминали о неумолимом беге времени. В больших песочных часах, отмеряющих время

Земли, осталось несколько песчинок. Но пока лишь Луиза знает об этом – больше никто.

– Сегодня суббота, – наконец произнес он. – Мы договорились о встрече, ты помнишь условия. И вот мы встретились. И вот мы здесь.

– Да, сегодня суббота, – тихо повторила Луиза.

– Ты должна была решить. Ты сделала выбор? – строго глядя на нее, спросил он.

– Сделала, – ответила она твердо, выдержав его взгляд.

– Чего же ты хочешь?

Луиза улыбнулась.

– Я долго думала, колебалась. Но потом поняла, что хочу идти с тобой. Куда бы ты ни позвал. Хочу быть с тобой всегда. То время, что нам осталось, хочу провести с тобой.

– И ты готова покинуть Донск? – его тон оставался строгим. В другое время Луиза могла бы смутиться, испугаться, но сейчас, как никогда прежде, была уверена в своем решении идти до конца.

– Готова.

– И оставить Артема?

– Да, – она опустила глаза, почувствовав, что краснеет от смущения.

– И ты думаешь, что у нас – настоящая любовь? – все так же сурово спросил он.

– Я не знаю, – прошептала она. – Этого не знаю...

– А что же ты знаешь? – он подошел ближе, Луиза молча-

да, и он ласково обнял ее за плечи.

– Ты знаешь, к примеру, что хочешь быть только моей? Знаешь, что хочешь целиком принадлежать мне?

– Да, это знаю, – снова уверенно ответила она. На его губах мелькнула улыбка.

– Этого мало... Ты должна знать кое-что еще.

– Что же?

– Знаешь ли ты, что Тонино – не существует? – он спросил это очень серьезно, но Луиза улыбнулась в ответ.

– Он существует! Я верю, знаю, он существует! Не будь таким, как Артем. Он тоже не хотел в него верить. Если бы Тонино не существовал, кто совершал бы все эти маленькие чудеса? Кто дал бы деньги на восстановление театра?

На несколько мгновений Тонино озадаченно замолчал, ее аргументы показались ему неожиданными и неуместными, зачем упоминать деньги в их романтическом диалоге? Разве деньги не разрушают красоту преждевременно, до срока?

– Деньги на восстановление театра, по слухам, дала Меланья Красавина, – сухо вато ответил он, – Тайком от мужа. История с Тонино была ее идеей, она не хотела, чтобы люди судачили. Считает, благотворительные жесты нужно делать тайно, в тишине. Чтобы правая рука не знала, что творит левая.

– Меланья? – удивилась Луиза. – Никогда бы не подумала! Зачем ей театр? Мы много общались, но она никогда не проявляла ни малейшего интереса... даже как-то насмешли-

во относилась к моим мечтам! Я просила ее поговорить с Павлом Петровичем, несколько раз просила, но она отвечала как-то уклончиво, говорила, муж очень занят, тяжело работает, ему не до того...

– Она шьет для театра костюмы. Где, как не на сцене, можно продемонстрировать свой талант модельера? Меланья дама прагматичная, я видел ее всего пару раз, у меня сложилось такое впечатление. Она красива, но ее красота из тех, что не задевает сердца. По крайней мере, мое сердце она никогда бы не зацепила. Прагматизм не привлекает. Но модельер она хороший, тут двух мнений быть не может.

– Если только так... – на лице девушки мелькнуло разочарование. – Ради костюмов, не ради искусства. Но кто тогда совершал остальные чудеса для Донска?

– Всегда находятся добрые меценаты, желающие оставить пожертвование в тайне. Поверь, Тонино тут точно ни причем.

– И все-таки, я продолжу верить, что он существует, – ее глаза заблестели. – Этого ты мне запретить не можешь? Правда?

– Ладно. Пусть так, пусть Тонино существует. Он живет где-то далеко и совершает добрые чудеса. Но ты знаешь, что это не я? Ты ведь знаешь, кто я?

Луиза молча кивнула.

– Так скажи. Назови меня по имени! – приказал он.

– Тебя зовут Марк, – тихо произнесла она. – Ты – актер

нашего театра. Конечно, я это знаю. Не думай, что я совсем уж безумна.

– И ты готова уйти со мной? Я не так богат, как легендарный Тонино, не так знаменит!

– Мне не нужны деньги, не нужна слава, я хочу только одного – быть с тобой. Ничего больше, – очень твердо ответила Луиза.

Он снова удовлетворенно кивнул, эти слова зажгли какой-то новый огонь в его глазах, но девушка огня не заметила.

– Марк, – серьезно спросила она, – Но если ты – не Тонино, откуда все это? Сверкающие залы, бал, множество приглашенных? Как такое возможно?

– Это – для тебя, – он коснулся губами щеки девушки. – Ты хотела сказки, хотела попасть в Закулисье. Вот оно, вокруг нас! Мы собрали труппу, сделали декорации, взяли бальные наряды у Меланьи, продумали каждую деталь. Это была отличная постановка, Луиза, ты не находишь? Кажется, у меня есть режиссерские задатки, стоит подумать о новой карьере в будущем. Актеры часто переходят в режиссерское кресло, не так ли?

– Боже мой! – она всплеснула руками, ее глаза засверкали от радости. – Ты сделал это ради меня?!

– Чтобы завоевать твою любовь. Удалось?

– Но ведь... это еще чудеснее! – с восторгом воскликнула девушка. – Если бы ты был настоящим Тонино, легендарным

богачом, и устроил для меня бал – это говорило бы в твою пользу, без сомнения! Но если все это было сделано из ничего, только ради меня, только чтобы создать волшебную иллюзию, воплотить в жизнь мои мечты – это куда более ценно, Марк! Это поступок, достойный настоящей любви!

– То был мой скромный подвиг во имя прекрасной дамы, – Марк рассмеялся. – Рад, что ты его оценила!

– Артем никогда бы так не сделал, – вздохнула Луиза. Даже сейчас, в это волшебное мгновение, она не могла забыть об Артеме, – Потому и сказала, что между нами всегда будет пропасть. Он не романтичный. Не способен на красивые жесты, а они нужны мне! Словно я не должна была родиться в обычном мире. Не могу там жить, иногда мне кажется, я задыхаюсь. Понимаешь?

– Потому что ты – не девушка, а маленький волшебный эльф, – он ласково провел рукой по ее щеке.

– То, что ты сделал, – бесценно. Никогда этого не забуду... И да, дорогой, я пойду за тобой, куда скажешь! Если нужно уехать из Донска – давай уедем. Только позволь мне проститься с родными. Отныне я принадлежу тебе, только тебе. Но позволь нам хотя бы попрощаться?

– Это слова, которых я ждал, – прошептал он, склонившись к самому ее уху, – Как раз то, что нужно. Скоро мы уйдем в волшебное закулирье самого большого театра. Потому что этот мир, этот город – не для тебя, Луиза. Тебе нужно другое, другая жизнь... Для этой ты слишком хороша и

слишком красива. Слишком красива даже для меня... А красота так недолговечна...

Луиза от волнения уже не могла слышать его слов, они стали вдруг неразборчивыми, голос его доносился словно издалека. Он тоже перестал говорить, но принялся целовать ее, и теперь она уже не сопротивлялась, как прежде: Артем больше не стоял между ними, теперь она была подругой не Тонино, но актера Марка, и с ним готова прожить жизнь до конца, каким бы он ни был.

Он медленно, не спеша, расстегнул ее белое платье, откинул его в сторону, как если бы пытался продлить, задержать каждое мгновение, а Луиза вдруг отчетливо поняла, что есть кое-что еще, помимо ее любви и желания быть с ним. Кое-что, позволившее ей оставить Артема и разделить эти часы с новым возлюбленным. Потому что она знала – это последние часы. Дальше ничего нет. Ей не придется объясняться с Артемом, ему не придется терпеть боль предательства и расставания. Она не будет мучиться угрызениями совести. Остались лишь эти последние, короткие мгновения, и она хотела провести их так, как всегда мечтала: погрузившись в манящую пучину страсти, которой не знала прежде. Весь мир сошелся в одной точке, и больше она не хотела сдерживать свои чувства.

Луиза хорошо помнила сон о катастрофе – придет конец всему. И тогда они канут в вечность, и там не будет ни ее, ни Марка, ни Артема, – никого. Лишь темнота, пустота, и ти-

хое, спокойное сияние бесконечного разума, управляющего тысячами миров. Какая ему разница, что исчезнет еще один! У людей не осталось шансов, они не переживут сегодняшнюю ночь, она это знает. Так почему бы не провести оставшиеся часы с тем, кого избрало сердце? И если Всевышний спросит с нее за это, спросит уже очень и очень скоро, она готова ответить, готова объяснить. Пусть судит ее, если захочет, но Луиза верила, что Бог не станет ее осуждать, ведь она следовала велению сердца, за ним шла по дороге жизни, а оно вело сюда – в волшебное Закулисье. Туда, где опускается занавес. И вот настал миг, когда для нее опустился невидимый, непрозрачный занавес, ненадолго скрывший ее ото всех, от целого мира. Сейчас она существовала вне времени, вне пространства, вне сцены.

– Все, антракт, – с трудом переводя дыхание произнес Марк и сгреб девушку в охапку. Она не могла бы сказать, сколько прошло времени, но за окном все еще было светло.

– Антракт? – счастливо рассмеялась она, крепко прижавшись к нему, – То есть, спектакль еще не окончен?

– Думаю, тут требуется продолжение, – он поцеловал ее в макушку. – Да, однозначно, требуется продолжение. Время еще есть. Мы можем остаться здесь до темноты, как думаешь? Никто не придет?

– Мы можем остаться, сюда никто не придет. А куда пойдем потом?

– Какая ты любопытная, – он рассмеялся. – А слышала ли

ты, что некой Варваре за это же самое оторвали нос?

Он двумя пальцами легонько дернул ее за нос, и Луиза снова рассмеялась.

– Хорошо, не говори, я сама знаю, куда мы пойдем.

– Знаешь? – он удивился не на шутку. – Откуда?!

– Я могу видеть будущее.

– Ты видишь будущее? – улыбка сбежала с его лица, и оно вдруг стало серьезным, в его глазах цвета лесного ореха мелькнуло изумление. – Правда?! И оно не пугает тебя?

– Нет, я же с тобой, – ответила она. – С тобой мне нечего бояться. Но это объясняет, почему я согласилась уйти. Иначе никогда бы не решилась оставить Донск, оставить родителей. Просто уйти. А теперь – какая разница! Хочу провести оставшееся мне время вдвоем с тобой.

– Странно, что твой Артем не преследует нас, – усмехнулся Марк. – Если он уже получил письмо, мог бы начать звонить, разыскивать, выяснять отношения! Тогда бы нам пришлось спасаться бегством!

– Мог бы. Но не сегодня. Ведь сегодня суббота.

– У него что, шабат?

Луиза рассмеялась.

– Это очень смешно! Нет, сегодня он обещал младшему брату сопровождать его на завод. Помнишь, я говорила тебе. Забыл? Он никогда не оставит Сенечку перед лицом опасности. Так что Артем сейчас далеко отсюда. Больше мы с ним никогда не увидимся.

– И это хорошо, – Марк удовлетворенно кивнул. – Не надо его видеть. Он совершенно не подходил тебе. Зачем тебе скучный тип, простой, как пять копеек? Он никогда не понимал тебя и никогда не поймет. Вы были вместе, потому что начали встречаться в детстве. В детстве все люди кажутся родными, подходящими. И лишь взрослея, обретаешь, ищешь и находишь, своих настоящих родственников – по душе, не по крови. Так мы нашли друг друга. Артем – прошлое. Будущее принадлежит нам, и я обещаю, оно будет ярким и прекрасным. Коротким, но ярким. Иди сюда.

С этими словами он снова поцеловал девушку, и достаточно быстро она поняла, что антракт окончен, на сцене снова вспыхнул свет и начался волшебный спектакль ее любви.

***

Время убегало. Стемнело. Луиза и Марк лежали обнявшись, вглядываясь в наступающие чернильные сумерки.

– Я не хотел бы никуда уходить, – заметил он. – Хотел бы остаться здесь, с тобой, навсегда. Чтобы это мгновение замерло и длилось вечно. Чтобы никогда не наступило то, что должно последовать дальше.

– Согласна, – прошептала она. – Может, давай никуда не пойдем? Останемся до утра?

Какое-то время он молчал, Луизе показалось, он раздумывал над ее словами. Но вот вдали послышалась трель ночной птицы, где-то на болоте защелкала выпь.

– Будет романтично прогуляться по саду, ты не нахо-

дишь? – спросил вдруг Марк. – У цветов чудесный аромат именно вечером, когда восходит луна. Ты знала об этом?

Луиза кивнула.

– Пошли, – он поднялся и протянул руку. – Прогуляемся, посмотрим на луну, послушаем пение птиц. Это так хорошо делать вдвоем, не находишь?

Мысль показалась девушке чудесной, как удивительно он умел угадывать мечты, исполнять желания! Воистину, теперь с ней мужчина, от которого ее не отделяет пропасть непонимания, а они с Артемом, несмотря на возникшие в раннем детстве чувства, так и не сумели ее преодолеть.

Луиза поспешно натянула платье, Марк помог с многочисленными пуговицами на спине, потом она повязала легкий пояс, приладила волосы и сообщила, что готова отправиться на прогулку.

– Мне нравится, что ты в белом сегодня, – он смотрел пристально, чуть наклонив голову, как если бы мог видеть даже сокровенные ее мысли, – Белое платье так хорошо смотрится на фоне темной ночи!

– Сегодня не темная ночь, небо совсем светлое, – ответила девушка. – Наверное, потому что полнолуние.

Марк, между тем, тоже оделся, на нем были темные джинсы, но рубашка была черной, и девушке показалось, что сам он как раз, наоборот, слился бы с ночью, растворился в окружающей темноте. На миг ей стало страшно, что он, и правда, бросится в темноту, скроется, она потеряет его и никогда

больше не найдет. Луиза представила, как бежит, зовет, но не может догнать, а вокруг, отовсюду, наступает непроницаемый мрак.

Она крепко взяла его за руку, сжала ладонь, чтобы, уж точно, они не потеряли друг друга.

– Я волнуюсь за Сенечку и Артема, – сказала она, когда они выходили из дома.

– Почему?

– Кто знает, что встретится им на заводе. Меня никогда не оставляли сомнения насчет него, как если бы там было нечисто. Понимаю, это только домыслы, глупые подозрения, такие заводы есть во всех городах. Но почему-то мне всегда становилось не по себе, когда видела эти исполинские стены.

– Интересно, – он пожал плечами. – Я так и не успел увидеть ваш завод, сложно представить, что ты имеешь в виду. В любом случае, наверное, там стоило побывать. Но уже не успею.

– Уже не успеешь, – согласилась Луиза. – Мне бы хотелось думать, что с Артемом и его братом все будет в порядке, что они смогут выбраться и вернуться этой ночью домой.

– Не думай о них, – перебил он. – Мне не нравится, что ты все время говоришь про Артема. Ведь сегодня – наша ночь...

Они вышли в сад, побродили меж розовых кустов: Марк был прав, аромат цветов усилился к вечеру и теперь наполнил воздух.

– Только в волшебной стране и бывает такой воздух, на-

поенный цветами. Цветочный воздух, – улыбнулась Луиза. – Сегодня волшебная ночь! Волшебная луна, небо... И цветы. Ты прав, только наша ночь!

– Больше всего мне нравятся эти розовые бутоны, совсем нераспустившиеся и полуоткрытые, они напоминают тебя. Так же прекрасны, так же чисты, – ответил Марк и поцеловал девушку. Никогда прежде Луиза не чувствовала себя такой счастливой, не тихое счастье, о котором она мечтала прежде, – оно напоминало скорее экзальтацию. То же чувство испытывала девушка каждый раз, когда оказывалась в театре, каждый раз, когда поднимался занавес и на сцене оживали пьесы, персонажи. И никогда не надеялась пережить его в реальной, своей обычной жизни!

– Мы удивительная пара, – произнес вдруг Марк. Он поднял лицо к небу и смотрел куда-то далеко, что видел он там, в этой непроницаемой темноте, в которой не было даже звезд? – Ты любишь того, кто не существует, и готова отдать ему жизнь. А я люблю не тебя, но лишь воспоминание о тебе, лишь краткий миг, когда ты говоришь, что принадлежишь мне. Это та самая недолговечная красота, о которой я упоминал ранее. Ничего важнее, ничего чудеснее, уже не будет. Больше всего на свете я желал бы переживать это мгновение снова и снова, но только в первый раз оно дарит настоящее счастье. Потом бледнеет. И потому я люблю бутоны, а не цветы, которые скоро увянут, считаю, их нужно обрезать прежде. Лишь короткое время, пока распускаются бутоны,

имеет значение. Остальное – печально и уродливо. Понимаешь, о чем я?

– Нет, – тихо ответила Луиза. – Не понимаю. Но ты прав: ничего не удастся пережить снова. Все заканчивается.

– Надо же, – он снова улыбнулся. – Ты не понимаешь, о чем говорю я. Я не понимаю, о чем говоришь ты. Все еще думаешь, что мы – идеальная пара, что между нами нет пропасти?

– Да, я все еще так думаю. Ведь мы понимаем друг друга в главном. И ты помог моим мечтам, иллюзиям, среди которых я жила свою скучную жизнь, стать реальностью, обрести плоть. Только это имеет значение! И сейчас мы стоим здесь, словно где-то опустился занавес, погасли огни рампы. А мы все еще остались на сцене, вдвоем. Как первые люди во Вселенной. Или, напротив, как последние из людей...

– Занавес еще не опустился, – кивнул Марк, – Но уже скоро, очень скоро. Пока у нас есть время, Луиза, пойдем, объясню, что имел в виду. И покажу тебе настоящее Закулисье. Ты пока не видела его, но так ждала.

Она доверчиво вложила свою руку в его, они вышли из сада и направились в рощицу, которая незаметно переходила в лес. У большого старого дерева они остановились. Марк обнял Луизу и поцеловал очень долгим, будто прощальным, поцелуем.

Комета была заметна, но время оставалось. Слишком рано прощаться, впереди еще несколько часов, а может и целая

ночь! Почему он прощается сейчас?

Луиза вдруг поняла, что все это время они говорили будто об одном, но о разном: Марк говорил не о комете, не о конце земного мира, он и понятия не имеет об этом! Он говорил о конце их любви. Их время истекает, они не будут вместе. Но разве может закончиться настоящая любовь? Нет, она не заканчивается никогда, никогда! Любовь не перестает...

Момент, которого она с ужасом ждала каждый раз, считая пролетающие секунды: вот, сейчас, совсем скоро, – он наступит. С тихим шорохом упадет безжалостный занавес и, словно лезвие, навеки отделит их друг от друга. Она останется в пустеющем, темном зрительном зале, посреди гулкой тишины замерших аплодисментов, а он уйдет в магическое Закулисье, в волшебный мир, куда уходят актеры после спектакля, а посторонним вход воспрещен. Она сохранит воспоминания о пережитых мгновениях восторга, – человеческая душа хранит их вечно, – но свет уже не зажгут и под крики «браво!» занавес никогда больше не поднимется вновь.

Глава 17. Любовь реальная

Виталий отошел от телескопа, зачем, если небо над головой и так стало ощутимо ярче. Увеличительное стекло отныне не нужно, комету можно видеть невооруженным глазом.

Вдали всходила луна, оранжевая, с красноватым отливом, сулящая несчастья. Шло полнолуние. Однако леденил душу не этот кровавый восход, вполне способный напугать суеверных людей, но кое-что пострашнее: с противоположной стороны, в то же самое время, всходила вторая луна. Такая же круглая, такая же кровавая. Только куда ярче предыдущей. И, в отличие от первой, эта, вторая, луна неуклонно росла.

Виталий вошел в дом, оставив телескоп во дворе. В голове молоточком стучала мысль: почему, все-таки, астрономы не позвонили? Почему не сообщили, что комета, уничтожившая земную цивилизацию, будет носить имя Виталии? Потому что ничто неважно? Потому что все закончилось? Или потому что хотят присвоить его лавры? И почему власти никого не предупредили? Не пытались спрятать, эвакуировать людей? Хотя бы рассказать о том, что должно случиться вскоре!

В кухне Наталья поставила чашки на стол.

– Ставь уж рюмки, – заметил Виталий, опустившись на табурет. Дверь отворилась, и вошла Флора с подносом в руках. На нем как раз стояли рюмки и штоф с чрезвычайно креп-

кой сливовой наливкой, прошлогодней, сделанной Флорой собственноручно.

– Это лучшая, – заметила она мрачновато.

– Замечательно, – Виталий кивнул. – Так и надо теперь. Беречь не за чем. Жаль, Луизы нет с нами. Артем ее искал, она с ним, наверное. Ну и пусть, с женихом – это правильно.

– Да не с ним она, – Флора безнадежно махнула рукой. – Всегда говорила, она его не любит, но кто меня слушает! Она сейчас с этим своим Тонино, я ж тебе рассказывала, но ты не помнишь. Не слышишь ничего не относящегося к твоей комете. Правильно, что она ушла. Пусть и перед самым концом, но лучше провести последние часы в любви. Жаль, не всем это выпало. Хоть ей повезло.

– Жаль Артема! – кивнул Виталий. – Бедолага не заслужил такого. Славный парень. Но хорошо, недолго ему страдать. Он уже знает?

Флора кивнула и поставила поднос на стол, отодвинула стул, села.

– А что до любви – у нас с этим нет недостатка, да, Наташа?

Он накрыл руку жены своей, она ответила слабым пожатием и чуть грустно улыбнулась. Второй рукой Виталий сжал ладонь Флоры. Та кивнула, освободила руку, прочла, неожиданно для себя самой, молитву вслух, потом поднялась и разлила наливку. Подняла рюмку.

– За нашу жизнь, она была неплоха.

– И за Виталию, – добавила Наталья. – Ведь это он открыл комету. А все молчат, как воды в рот набрали. Но хоть мы будем его чествовать!

– И за Виталию, – согласилась Флора.

Довольный запоздалым признанием, Виталий опустошил рюмку, женщины последовали его примеру, Флора налила по второй. Все почувствовали, как стало теплее, мышцы расслабились, нервы были уже не так напряжены.

– А знаете, странно, – заметила Флора, – Что никто не разглядел комету раньше. Ведь у Витали не такой сильный телескоп. В мире столько ученых, у них приборы, диаметр линз в десятки метров. И что ж, не видели они? Виталя, конечно, энтузиаст, он гений, никто не спорит, но, все-таки, это кажется подозрительным. Как может быть, что никто в мире не увидел комету?

– Видели, думаю, – с печалью в голосе произнес Виталий. – Конечно, видели.

– Почему тогда ничего не объявляли? Не говорили? – недоверчиво покачала головой Наталья. – Почему не думали, как спасти людей? Отвести их в укрытия?

Виталий уже знал ответ, но не хотел отвечать. Флора, внезапно догадавшись, ответила за него.

– Потому что не спасти нас, Наташа. Нет таких укрытий, которые помогут. И нет у нас кораблей, чтобы разом всем – сесть и взмыть в космос! А пугать людей попусту зачем? Хоть нормально пару недель пожили. Я вот свитер довязать

успела. А так бегали бы в панике, как безумные. Побросали дома, жили в тесных подземельях. Зачем это нужно? Еще с ума бы походили и поубивали друг друга. Вот думаю, может, этот, которого Артем назвал маньяком, с ума и сошел, когда узнал про комету. Потому и убил Аллу, нервы не выдержали. Может, хотел поделиться, а она слушать не стала... Или просто от страха, что жизни скоро не будет.

– Хорошая версия, – согласился Виталий. – Логичная. Все может быть. Интересно, до чего успели дойти в полиции! В любом случае, ясно одно: Алле повезло больше, она не дожила.

– Да уж, – Наталья вздохнула. – Ничего нет хуже, чем сидеть и ждать смерти. А делать что – а нечего. Ничего не успеем. Да и смысла нет что-то делать. Ничего не понадобится уже.

– Можем сказать друг другу добрые слова... – начал было Виталий, попытавшись обнять жену, но его романтический порыв был прерван резким хлопком – ударом засова калитки: к ним кто-то пришел, а судя по топоту ног, доносившемуся с улицы, даже прибежал.

– Кого еще принесло? – мрачно хмыкнул Виталий. – Гостей не хватало! Если только астрономы...

– Может, Луиза вернулась? – Наталья вскочила и бросилась к двери.

Не шевельнулась только Флора – знала, кто явился. Несколько мгновений спустя на пороге показался Альберт,

побелевший, растрепанный, на нем лица не было, что не удивляло в сложившихся обстоятельствах.

Флора медленно поднялась, не сводя с него глаз.

– Знаете уже? – спросил он.

– Что значит, знаем ли мы?! – возмутился Виталий.

– Как ты можешь такое говорить?! – поддержала негодование мужа Наталья. – Это Виталий открыл комету! Он заметил ее раньше всех, в свой телескоп! Никто в мире не заметил, а он заметил!

– А нам почему не сказал? – обиделся вдруг Альберт. Потом махнул рукой. – Ладно, шут с вами. И с вашей кометой. Не за этим пришел.

Он заговорщически качнул головой назад, как если бы призывая Флору выйти вместе. Женщина, не задавая вопросов, последовала за ним, он поднялся на второй этаж, направился в ее комнату, Флора покорно шла следом. Они вошли и закрыли за собой дверь. Наталья, не сказав ни слова, принялась разливать чай и раскладывать припасенные по случаю конфеты и пироги. Виталий протянул руку и взял кусок пирога.

Войдя в комнату, Альберт обернулся, Флора стояла позади и была выше его не на полголовы, но на четверть, не меньше. Какое-то время они молчали.

– Послушай, – взволнованно произнес гость, нарушив тишину, – Сегодня что было... Сидел я в магазине и думал о жизни. Никто не заходил. И решил, покупателей уже не

будет, суббота, поздно, чего я тут сижу, штаны протираю. Убрал все, запер двери, вышел на улицу. И тут увидел ее. Сразу все понял: про нее в новостях говорили. Там просто сказали: «к Земле приблизилась комета». Больше ничего. И потому я сначала просто заинтересовался, любопытно стало. Смотрел, смотрел, а потом заметил вдруг, что она растет! Она становилась все больше, больше... Стала ярче луны! Почему так? Ты знаешь?

– Она не растет, она просто приближается, – кивнула Флора. – Скоро будет здесь.

– Прямо вот здесь?

– Да, прямо вот здесь. У нас дома тоже. У всех.

– Как думаешь, сколько осталось времени?

– Не знаю, – она пожала плечами. – Может часа три, может, два. Может полночи... Кто знает!

– То есть, – огорченно спросил он, – Пожениться мы не успеем?

– Нет, – чуть натянуто рассмеялась она и отвела глаза, – Конечно же, нет.

Альберт помедлил, потом его лицо приняло торжественное выражение, и он как-то по-доброму, ласково, улыбнулся.

– Флора! – громко произнес он. – Когда я смотрел, как она приближается, понял, что главное в жизни – время. И я его упустил. Столько времени упустил! Сначала в молодости, когда остался в магазине. Думаешь, не корил себя за это? Думаешь, не раскаивался? Каждый день думал, какой

же был дурак! Что мне этот магазин! Но я не знал тогда, понимаешь, не знал, что это – настоящее. Думал, мое чувство к тебе – увлечение, пройдет. У всех проходит, и у меня пройдет. Мы же детьми были, что там могли понимать, чувствовать. Сплошные игры, ветер в голове! Думал, еще встречу свою судьбу, свою женщину. А из Донска уезжать не хотелось. И родителей бросать не хотелось, любил их очень. А потом, видишь, как вышло, – они оставили меня. Теперь я один на один с этим дурацким магазином! Женщину ту так и не встретил. Но хорошо помню день... когда ты только вернулась из города, увидел тебя... Ты шла по улице, переходила дорогу, как сейчас помню, в широкой такой юбке в клетку, с какой-то блестящей кофтой, с бусами красными, на каблуках, с яркой помадой, с волосами растрепанными, яркими, полыхающими, как огонь, я увидел и понял: наконец-то, вот она, эта женщина, которую столько лет искал! Красивая, изумительная, непохожая на других! Я не догадался, что это ты, представляешь? Не узнал сразу. Просто подумал, что вот идет моя женщина. И только, когда подошла, заговорила, понял, что это ты. И тогда я влюбился по-настоящему. Но поздно, ты была обижена, не хотела меня простить. И может, была права, я заслужил. За мою близорукость, за упрямство мое. Но теперь – все заканчивается, Флора. Время упущено, его оставалось и так мало, а скоро закончится и оно. И потому больше не хочу ошибаться, не хочу ждать. Хочу соединить, наконец, наши судьбы. Пусть и

перед лицом смерти. Ты станешь моей женой?

– Так ведь комета же? – чуть раздраженно отмахнулась она. – Какая разница, согласна я или нет?

– Для меня есть разница, – насупился Альберт. – Отвечай, ты согласна?

У него был такой взволнованный и несчастный вид, как если бы он был подростком, а не пожилым человеком, все повидавшим в жизни, и Флора не могла не рассмеяться. Сейчас, когда время истекало, она расслабилась, и засовы, сдерживающие ее чувства долгие годы, стали чуточку податливее. Растроганная, женщина улыбнулась.

– Согласна.

Она протянула руку, но Альберт нетерпеливо затряс головой и спрятал ладонь за спину.

– Нет, подожди, это еще не все! Ответь, если комета исчезнет, если мы все выживем, ты не откажешься от своих слов? Станешь моей женой даже тогда? Если выяснится, что нам предстоит не смерть, а долгие годы совместного счастья?

– Не откажусь, – она рассмеялась. – Какой ты недоверчивый! Нет, Альберт, я не откажусь от своих слов, даже если нам предстоит долгое, безоблачное будущее. Я тоже смотрела на комету и думала, как глупа была. Обиделась на что-то, что давно прошло, злилась так долго. Всю жизнь. Зачем, почему? Сама не знаю!

– Теперь не злишься?

– Теперь не злюсь.

– Значит, и славно, что прилетела комета, – он улыбнулся. – Хоть какой-то от нее толк.

С этими словами он обнял свою уже невесту и поцеловал ее, однако, когда попытался перейти к более активным действиям, Флора решительно оттолкнула его.

– Ты что, с ума сошел? – зашипела она, – Кто ж так делает? Мы ж только что обручились!

– Так и что с того? Флора, ты ли это? С каких пор тебя волнуют формальности? Ты и в молодости отличалась свободой взглядов! А мы знакомы уже почти полвека! И уже сорок лет я тебя люблю. Мы обручены. Нам осталось всего два часа, может три. Человечеству осталось всего два часа!

– Вот именно! – с негодованием отрезала Флора. – Человечеству осталось всего два часа, как можно думать о всяких фриivolностях?! Нет уж! Вот если мы выживем, если нас ждет безоблачное будущее, тогда поженимся – и все будет честь по чести. Иначе опять бросишь меня. Найдешь себе армянскую жену и бросишь. Или после кометы я умру, а ты останешься. Всего уже от тебя жду. Так что, пошли-ка вниз, дорогой, там Наташа чай наливает. Надо рассказать родным о нашем обручении, пусть будут свидетелями. Эх, жаль, Луизы нет с нами... Она бы порадовалась за свою престарелую тетку, всегда хотела, моя девочка, чтобы мы с тобой сошлись. Она такая добрая была... И ты ей нравился, хороший он, говорила.

– Почему была? – недоуменно спросил Альберт, намекая,

что комета еще не унесла ничьи жизни. – Ты зачем беду кликаешь?

Флора нахмурилась и не ответила. С утра было тревожно на душе, и началось это задолго до приближения кометы. Она знала: Луиза в беде. Но помочь они уже не смогут, слишком поздно. Слишком мало у них осталось времени.

Они спустились вниз, взявшись за руки, и объявили Наталье и Виталию, что отныне намерены жить одной семьей.

– Не прошло и полвека, – одобрительно кивнул Виталий. – Что сказать, совет да любовь!

Наталья тепло обняла сестру и Альберта.

– Радостно за вас, – сквозь слезы сказала она, не стесняясь уже плакать, чего теперь стесняться! – Хорошо, что вы наконец-то забыли обиды, я долго этого ждала. Ведь у кого настоящая любовь, как не у вас! Столько лет вокруг ходите, никого не замечаете! Жаль только, жаль, что так не ко времени, Виталя, это твоя комета! И не поживете совсем одним домом, не порадуетесь своему счастью!

– Почему моя? – обиделся Виталий, – Как будто я ее сюда пригнал! Я только заметил и всех предупредил. А так летит она себе сквозь Вселенную, у нее своя траектория. Рано или поздно это должно было случиться: бесчисленные небесные тела летят вдоль земной орбиты, ясно, что однажды какое-то да врежется в нас.

– Почему ты думаешь, что мы все погибнем? – спросил Альберт. – Был же Тунгусский метеорит, никто не погиб. Ну,

если кто и погиб, то не все же!

– То метеорит, камень, осколок. А тут комета – большое небесное тело. Это как с велосипедом столкнуться или с «Камазом», есть разница?

– Некоторые и на велосипеде так ездят, что насмерть убьют, – сварливо заметила Флора, усаживаясь за стол. – Ладно, давайте, выпьем что ли, за нашу будущую свадьбу! И перекусим, чего на пустой желудок помирать. Наташа, чаю мне тоже налей, пожалуйста.

– Когда ешь и не очень вроде тревожно, – согласилась Наталья, Альберт уселся рядом с невестой и только кивнул, причем как-то неосознанно, как если бы не слышал ее слов.

На его лице застыла тихая, спокойная улыбка, и Наталья с удивлением поняла, что сейчас он не думает о комете: он забыл о ней. Забыл о предстоящей гибели Земли, о вплотную приблизившейся к ним смерти, о том, что скоро его душе предстоит пересечь бесчисленные миры и отправиться туда, где когда-то она была рождена. Все это потонуло в океане счастья, в котором парила его душа сейчас, а там такой яркий свет, что не видно кометы, не видно ее хвоста, не видно багрового неба и второй луны. Там царят любовь и покой. Флора тоже улыбалась, мягко, беззаботно. Они прошли свой путь и пришли к финалу. И о лучшем финале даже мечтать не могли.

Виталий, которого в отличие от влюбленных, обуревали сотни тревожных мыслей, тяжело вздохнул, поднялся из-за

стола и выглянул в окно. Небо посветлело, комета сияла еще ярче и стала больше луны, значительно больше.

– Ну что, астроном, – спросила Флора, – Сколько осталось? Можешь вычислить?

Он пожал плечами. Можно было бы рассчитать, если постараться, но зачем? Какая теперь разница. Взял телевизионный пульт, включил телевизор, чтобы хоть фоном послушать новости про комету, но, к всеобщему удивлению, часть каналов вообще отключилась, по другим шла реклама. Кое-где транслировались старые фильмы или музыкальные клипы. Никаких новостей, никаких трагических подробностей. Телевидение в том виде, в котором к нему привыкли люди, прекратило работу. Служащие разошлись по домам, к семьям.

– О! – воскликнул Виталий. – Я – гений! Придумал, что мы будем делать! Сейчас это самое лучшее решение, поверьте!

Он с неожиданной прытью умчался на чердак, а оттуда вернулся со старым проектором. Наталья с Флорой быстро сориентировались и повесили на кухонную дверь белую простыню, погасили свет. Виталий зарядил старую пленку, на стене возникло черное пятно. Он покрутил ручку – и пятно посветлело, теперь экран был черно-белым. В кадре совсем еще молодая Наталья полотенцем вытирала после купания в речке голенькую Луизу. На женщине было платье в крупный белый горох, выгодно подчеркивающее ее статную фигуру, высокая прическа, модная в то время. Сама Луиза еще де-

вочка, не больше семи, а то и меньше. Худенькая, маленькая, она морщила нос, сжималась, казалось, совсем замерзла в холодной воде, экран не передавал этого, но наверняка покрылась гусиной кожей, посинела. Наталья старалась как можно скорее растереть и укутать дочь в плед, чтоб не заболела. У девочки были две тоненькие смешные косички, в те времена она еще даже не носила купальника, надевала плавки, как мальчик.

Подошла Флора, протянула девочке стаканчик то ли с квасом, то ли с лимонадом, теперь уж не вспомнить, Луиза капризно отмахнулась, и тетка сама выпила его с явным удовольствием, еще молодая, стройная, как балерина, в черном слитном купальнике. Флора выглядела эффектно и вызвала одобрителный кивок Альберта, который спустя столько лет раздувался от гордости, что сумел завоевать сердце потрясающей, как ему казалось, женщины. О том, что характер у Флоры был на самом деле прескверный, он и думать забыл. Тем более, какая разница теперь, перед смертью.

– А счастливая у нас была семья, правда? – спросил Виталий. – И жизнь хорошая. Мы прожили ее в сказочном городе, где все спокойно, по-доброму. Все дружили, никто не ссорился. У нас и проблем-то не было никаких, кроме, разве что, Павла Петровича и его домов. И чего он приставал с этими домами? А мы зачем-то сопротивлялись, а зачем – неясно. Зря он, конечно, столько усилий приложил. Комета прилетит и, никого не спрашивая, все снесет. А Павел Пет-

рович, как порядочный, ходил, разрешения спрашивал. Нет бы: действовал, как комета! Сейчас научится у нее – так ведь поздно. Не понадобятся уже новые знания.

– Почему «была счастливая семья»? – ворчливо спросила Флора. – У нас и была, и есть счастливая семья. Жаль только, Луиза не с нами, но, может, ей там куда лучше, чем здесь. А так мы очень счастливая семья.

– Мы счастливая семья, – согласился Виталий. – Спасибо, Флора, ты права. Мы очень счастливые. Все, о чем мечтали, – сбылось. Даже самое, казалось, невероятное, – и то сбылось. Нам жалеть не о чем.

– Нам жалеть не о чем, – эхом повторила за мужем Наталья. Дальше сидели молча, Виталий крутил ручку проектора, и кадры юности разворачивались перед ними.

Донск, еще полный старых домов и машин, друзья и родные, многих из которых уже нет, а другие изменились так, что не узнать. Кто-то покинул город, о ком-то не получали вестей. Но здесь, на киноплёнке, они были веселыми, молодыми, полными жизни, и такими останутся навсегда.

Комета приближалась.

Глава 18. Искупление

Меланья и Павел Красавины спешили домой. Они ехали по ночному шоссе, убегавшему в темноту, фары высвечивали белую разделительную полосу, серебристо блестящую на поворотах. В каких-то странах ее делают желтой, но в России она традиционно белая, хотя, казалось бы, почему, зимой у нас столько снега! Но в летнюю ночь, такую прозрачную, сумеречную, полосу видно отлично.

– Ты можешь быстрее ехать, – спросила Меланья, повернувшись к мужу и положив руку ему на локоть. – Ну, хоть чуточку?

– Нет, быстрее не могу, – он покачал головой. – И так гоним нещадно, остановили бы меня, не будь я мэром, оштрафовали бы. А так – стыдоба. Да и дорога скользкая, сама видишь. Дождь недавно прошел. Странно, мы не застали ни капли. Улетим в овраг, лишимся даже тех крупниц, что нам остались. Не хочется валяться без сознания во время конца света! Согласна? Пожалуй, это самое мерзкое, что можно вообразить! Поэтому, едем, как едем.

– Да может, наоборот, так лучше, – задумчиво ответила женщина. – Быть без сознания в эту минуту. Мы же не знаем, каково оно... Умирать. И есть ли там что-то, по ту сторону, тоже не знаем. Может, и нет ничего, просто пустая чернота. И никакого ада, никакого рая. Просто чернота, тишина...

– Кто знает.

– Все-таки, нужно торопиться, Паша. Чтобы с мальчишками быть... Дома!

– Не успеем, далеко слишком, – вздохнул Павел Петрович. – Гони, не гони, не успеваем мы домой, видишь же? Как ни крути! Далековато забрались.

– Черт нас понес в эти гости! – Меланья зло сжала кулаки, на глазах выступили слезы. – Зачем мы вообще туда поехали?! Все ради твоей карьеры!

– Ну, во-первых, мы не знали, что сегодня случится такая катастрофа. Никто не знал. Власти скрыли, в администрации тоже профукали. Не сообщили нам. А во-вторых, разве не ты больше всех интересовалась моей карьерой? Думал, тебе нравится быть замужем за мэром города? И для твоей карьеры этот визит тоже мог стать полезным, так что не только во мне дело, дорогая. Ты у нас дама амбициозная, – в его голосе послышались скептические нотки.

– Мне бы понравилось, если бы в момент, когда все закончится, я была бы со своими детьми, – резко бросила Меланья.

– Я бы тоже хотел быть с ними, они лучшее, что нам удалось сделать, наше лучшее творенье, – согласился Павел Петрович. – Но мы должны ценить то, что есть. Вот я, к примеру, рад, что сейчас с тобой. Плохо одному.

Меланья протянула руку и накрыла его ладонь.

– Мне тоже лучше с тобой, чем одной, – тихо сказала

она. – И лучше, чем с кем-то еще.

Потом отвернулась и долго смотрела на убегающее вдаль темное шоссе. Выглянула в окно, пытаясь разглядеть комету, но за деревьями ни ее, ни полной луны не было видно.

– Как глупо все это, – нарушила она молчание чуть погодя. – Погибнуть от какой-то кометы. От куска камня, прилетевшего ниоткуда, безо всякой причины! Глупо, правда?

– От чего бы ты хотела погибнуть? От болезни лучше разве? Или в аварии?

– Не знаю... От старости, например.

Он засмеялся, потом снова стал серьезным.

– Ты уверена, что без причины? – его голос был задумчивым и даже печальным, – Никак не могу отделаться от мысли, пусть и нелепой, что может, есть причина, по которой она прилетела. Есть причина, по которой мы должны погибнуть. Не просто так все это случилось? Почему-то люди должны умереть. Может, заслужили? Странно представить, что в сотнях миллиардов световых лет Вселенной не нашлось другой траектории? Не могла она пролететь немного подальше, мимо пройти? Нет, как будто кто-то нарочно пытается нас ударить! Наверное, у меня паранойя.

Меланья сжала губы, она уже не могла сдерживать слезы, бегущие по щекам, стиравшие подводку с глаз, оставлявшую мутные ручейки. Открыла сумочку, вытащила тонкий, почти прозрачный, носовой платок, вытерлась. Глянула в боковое зеркало – ручейков не было, лицо снова стало чистым. Хо-

тя, кому какая теперь разница! Скоро ее лицо засыплет землей, а потом от него и вовсе ничего не останется. А может она просто сгорит, в одно мгновение, как птица-феникс. Это было бы лучше, чем лежать бесконечно долго и ждать, пока тебя съедят черви, пока останется только белый скелет... Люди такие разные, а скелеты почему-то все одинаковые!

– Вот и я думаю, – всхлипнула она, повернувшись к мужу, – И мне страшно, Паша. А вдруг – это я виновата? Мы с тобой?

– Почему «мы с тобой»?! В чем виноваты? В том, что комета прилетела? В том, что люди должны погибнуть? – недовольно нахмурился он. – С чего бы?

– Ну... ты знаешь, почему, – она смотрела на него, мокрые от слез глаза были окружены пучками слипшихся ресниц, но даже сейчас жена казалась очень красивой.

– Понятия не имею.

Меланья была настойчива, она молчала, боялась говорить на эту тему, боялась много лет, но теперь, раз уж разговор начался, не хотела его заканчивать. Пришло, наконец, время обсудить.

– Знаешь! – она внимательно взгляделась в его лицо. – Ведь это же мы создали... То, что там.

– Не мы, – уклонился Павел Петрович.

– Но мы участвовали. И мы знаем, что там. И знаем, что скрываем правду. Думают, в Донске все отлично, мы гуманны, не похожи на другие города, боремся за экологию, за со-

циальную защиту... Но ведь это неправда. Я, когда захожу туда... Даже находиться там не могу!

– Прекрати, – он повернулся и обнял жену свободной рукой за плечи, тихонько встряхнул, призывая успокоиться. – Да, место не из приятных, согласен. Но такие места есть во всех странах и во всех городах. Ничего нового. С этим ничего не поделаешь, такова жизнь.

– Но в других странах и городах не мы их создали... И там хотя бы не врут людям. А мы врем.

– Это как посмотреть, – Павел Петрович ободряюще улыбнулся, – Можно сказать, что мы врем, или, к примеру, скрываем правду. А можно, что мы защищаем людей от ненужной негативной информации. Делаем их мир чище и счастливее. Зачем видеть некрасивую изнанку? Ты же, когда шьешь одежду, – прячешь швы, на показах вещи не выворачиваешь наизнанку. Так и в жизни. Швы надо уметь прятать – и все будет хорошо.

– Можно прятать швы, и все будет хорошо, а потом прилетит комета, – мрачно заметила Меланья. – Сейчас думаю, может и хорошо, если она туда ударит и уничтожит все. Все следы. Чтобы не было этого больше, чтобы стереть с лица Земли... И себя мне тоже не жалко для такого дела, в конце концов, неплохо пожила. Много повидала, много успела. Но Сенечку жаль! Такой славный малыш! Он точно не заслужил...

При мысли о сыне Меланья вновь залилась слезами, ни-

как не могла успокоиться, сквозь рыдания просила и просила мужа ехать быстрее, еще быстрее! Но он, напротив, вдруг резко затормозил и съехал на обочину.

– Успокойся, все, хватит! – он отстегнул ремень и повернулся к жене. – Не успеем мы. Если только не изобретем телепорт. Не надо говорить мне про эту несчастную комету! И про завод не хочу больше слышать ни слова! И про твое производство тоже! Да, у нас есть дети. Но они сейчас далеко, к сожалению, далеко. Надеюсь, Бог их защитит. Если хоть кто-то спасется, пусть это будут они! Ты права, Сенечка – самый чудесный мальчик на свете, и он точно не заслужил такого конца. Но мы с тобой им уже ничем не поможем. У нас теперь есть только эти минуты, и мы сами. Больше ничего не осталось. Так зачем плакать? Давай, попробуем радоваться, хотя бы сейчас? Мы очень много работали, слишком много. Так много, что не видели жизни, она шла мимо. Может, настал, наконец, момент остановиться, оглянуться назад, вспомнить хорошее? Чтобы смотреть в будущее без страха? Ведь хорошие дела мы тоже делали!

Он коснулся рукой лица жены, вытирая ее слезы, Меланья всхлипнула, кивнула, а потом бросилась мужу на грудь, зарыдала с новой силой, и он никак не мог ее успокоить. Попытался поцеловать, но она не отвечала на его ласки, а снова и снова содрогалась от рыданий. Вздохнув, Павел Петрович вытянул руку, достал из бардачка бутылку воды, налил в стакан и дал ей. Та сквозь слезы поблагодарила, сделала

несколько больших глотков. Потом открыла сумочку, нашла успокоительные таблетки, приняла одну, предложила мужу. Ей почти мгновенно стало легче, сработала психология – выпил таблетку, полегчало. А раньше как-то жили без таблеток, справлялись.

– Выпей, станет лучше, – она протянула упаковку Павлу Петровичу, но тот с неожиданным упрямством замотал головой.

Меланья Красавина не ожидала, что будет настолько сильно бояться смерти, но, как оказалось, боялась. Боялась и самой смерти, и божьего гнева, и еще сильнее – куда, как сильнее, – боялась оказаться виновной в случившемся. Она была твердо уверена, что именно она, модельер Меланья Красавина, супруга градоначальника Донска, являлась причиной, по которой комета оказалась здесь. Причиной, по которой скоро погибнет Земля и населяющие ее люди.

Наконец, она совсем успокоилась, рыдания стихли, женщина подняла голову и улыбнулась мужу.

– Пойдем, выйдем из машины, – предложила она, – Прогуляемся? Посмотри, тут симпатично, какое-то поле...

– Так ведь темно?

– А зачем нам свет? – чуть игриво и даже кокетливо спросила она, отстегивая ремень безопасности. – Пошли! Чего сидеть и ждать!

Она открыла дверь, вышла наружу, Павел Петрович последовал за ней. Вечер был прохладным, несмотря на жар-

кий день, или холодно от страха? Он не стал закрывать машину, какая теперь разница. Некому украсть. Вещи и даже кошельки оставили прямо на сидении. Взяв Меланью за руку, мэр Донска пошел по дороге, туда, где заканчивалась лесная полоса и начиналось поле.

Едва они вышли из-за деревьев и оказались на открытой местности, как увидели комету, зловещим белесым пятном выделявшуюся на фоне посветлевшего неба.

– Она стала еще больше, – испуганно выдохнула Меланья. – Уже больше луны!

– Да, – Павел Петрович кивнул, потом повернул жену к себе, так, чтобы она смотрела ему в лицо, а не на угрожающе блестящее пятно, – Вот скажи, что она может нам сделать? Ну, убьет. И все. Ничего страшнее, чем это, не будет. Так ведь? Стоит ли бояться? Плевать на эту проклятую комету, ты сама только что хотела, чтобы все закончилось! Знаешь, что я думаю? Что я совершал ошибки, много ошибок. Я хотел быть лучшим мэром для Донска, но лучшим не был. И то, о чем ты говорила в машине, – тоже правда. Мы во многом виноваты, наверное, мы заслужили. И смерть такую скорую заслужили. И с домами этими... какая разница сейчас, что я построил новые дома, если все будет уничтожено! А сколько скандалов из-за этого было, сколько проклятий! Все зря... К чему это было? Ведь я верил, считал, что делаю хорошо, правильно. А оказалось – ничего не нужно, все без толку! Одно знаю: чем горжусь в жизни, так это моими сыновьями.

Нашими сыновьями. Они разные, но оба замечательные. Отличные парни. И своей женой. Горжусь, что такая чудесная женщина вышла за меня, выбрала меня. Надеюсь, не из-за денег, как думали все.

– Все так думали, – вдруг как-то радостно подтвердила Меланья, глядя в лицо. – И сама я так думала, представляешь? Думала, вышла за тебя из-за денег, ну, по большей части, из-за них. А в итоге оказалось – нет. Совсем даже нет. Если бы ты был самым бедным человеком на свете, я все равно хотела бы быть твоей женой. Теперь это понимаю, только теперь...

– Из-за кометы?

– Не только из-за кометы. Но и она помогла.

– Видишь, какая полезная комета, – усмехнулся Павел Петрович. – Значит, уже не зря прилетела! Многие можно было бы изменить, но, к сожалению, поздно... Слишком поздно.

– А знаешь, что самое страшное? – вдруг спросила Меланья. – Что, если прямо сейчас комета исчезнет, – ничего не изменится. Мы не станем жить по-другому, не закроем завод. Ничего не сделаем, никому не расскажем. Все будет прежним.

– Но, хотя бы, теперь знаешь, что ты меня любишь, – ответил он.

– Хорошо хотя бы успела сделать доброе дело! Хоть одно доброе дело перед смертью, – начала было Меланья с нежиз-

данным воодушевлением, но он не дал ей договорить и закрыл рот поцелуем, а потом повел за собой, дальше, в поле, где им уж точно не мог встретиться никто из припозднившихся путников.

В это же самое время Сенечка и его друзья приближались к заводской территории. Лес остался позади, но деревья скрывали комету, и мальчики не заметили, что на небе неожиданно-негаданно появилась вторая луна. Хотя, если бы появилось даже сто лун или посреди ночи взошло новое солнце, они и тогда вряд ли бы заметили: все внимание их было приковано к махине завода, чьи мощные бетонные стены выступали прямо из земли и поднимались высоко-высоко. В темноте очертания разглядеть было трудно, но ясно, что перед ними – исполинская громада, непреступная крепость, в которую невозможно проникнуть, чьи стены нельзя преодолеть. Еще выше, за стенами, возносились к небу кирпичные и железные трубы, некоторые до сих пор дымились, над ними курился белый пар, ветер уносил его прочь.

– Ничего себе, – прошептал Мишка. – Я и не думал, что он такой огромный... Выглядит жутко!

– И мне он казался меньше, – согласился Сенечка. – Правда, жуть.

– Как же мы хотим найти здесь Карлсона? – пискнул Славик. – И как туда попадем? Мы же не перелезем через стену! Тут вообще не пройти!

– Найдем, не волнуйся, – откликнулся Сенечка. – Все най-

дем. Сейчас Артем приедет – и вместе справимся.

– Может, двинуть обратно? Пока не поздно? – предложил Кирюха. – Стремно как-то. Мрачный он такой. А вдруг там, и правда, что-то есть? Что-то злое?

– Мама сказала, завод, как завод, – упрямо повторил Сенечка. – Да вы что трусите вечно! Как можно идти назад теперь, когда проделали такой путь! Мы обманули родителей, ушли из дома! Два часа топали через лес, аж ноги гудят! И вот, дошли до нужной точки. Наш квест почти завершен, мы у цели. И теперь сдать, покрыть себя позором? Да ни за что! К тому же, мы не пойдем туда прямо сейчас. Надо дождаться Артема. Найти его, он где-то здесь. Говорил, будет в районе ворот.

– А я никого не вижу, – заметил Славик. – Наверное, Артем не приехал, поэтому нам надо пойти домой.

– Не видишь, потому что темно, – отрезал Сенечка. – И хорошо, что темно. Нас не заметят, и мы проберемся внутрь! А если начнем фонарями светить, тут же обнаружат. Поэтому пока сидим в темноте, и сидим тихо. Артем не мог не прийти, сказал, придет, значит придет. Что я брата не знаю? Он всегда слово держит. Пошли, поищем!

– Может, позвонить? – предложил Кирюха?

Сенечка вытащил телефон.

– Здесь связи нет, – констатировал он. – Мы далеко от города, не ловит. Телефон не помощник. Да ладно, что мы, не справимся? Найдем его или он нас найдет, пошли! В двух

соснах не заблудимся.

Он медленно побрел вдоль заводской стены, на расстоянии от нее, параллельно. Мальчики, скрепя сердце, отправились за ним. Не хотелось прослыть трусами, не хотелось потерять уважение товарищей. И еще больше не хотелось сидеть в темноте. А если где-то рядом Артем, уже не так страшно. Он взрослый, он полицейский, если что-то случится, может защитить. Надежда крепла в их сердцах, придавала сил, и они продолжали путь к неясной пока призрачной цели. Смысл квеста открылся им позже, много позже, и то – не до конца. Остальное так и осталось скрытым в глубинах Вселенной: то, о чем людям знать не следует.

Артем между тем летел во весь дух по дороге, мчался куда быстрее Павла Петровича, он и думать забыл о мальчиках, притаившихся у входа на индустриальный полигон. Все его мысли сейчас были об одном: спасти Луизу, если еще не поздно, если она еще жива! Он не пришел на выручку Алле, но должен успеть спасти невесту! А если слишком поздно – хотя бы поймать убийцу обеих женщин, и пусть тот понесет заслуженное наказание. Артем вглядывался в темноту, замечая, что сегодня светлее, чем обычно. Странно, какая-то слишком светлая ночь, почти полярная, как на севере. Интересно, какие ночи в Салехарде? Какая ночь была тогда? Когда убили то ли Тоню, то ли Таню... Прогнал ненужные мысли, бросил тревожный взгляд на спидометр: он едет быстро, непозволительно быстро, мотор работает на пределе, поче-

му же еще так далеко, зачем выбирать такую дачу, неужели, нельзя было взять домик где-то поближе, рядом с городом! Тогда все было бы проще, тогда еще была бы надежда! Каждая секунда казалось веком, а минута – тысячелетием, сердце колотилось, как бешеное, глухо ударяя в груди, казалось, он мог даже слышать его биение, футболка прилипла к телу, пот градом катил по спине, – ничего этого Артем не замечал. Сейчас он был собран, напряжен. Думал о том, что должен успеть, невыносимо сильно, страстно, почти маниакально желал успеть вовремя! И отчетливо понимал, что не успеет. Время упущено. Он опоздал.

Глава 19. Смерть

Марк по-прежнему стоял напротив прислонившейся к дереву Луизы. После прощального поцелуя он больше не прикасался к девушке, молча смотрел, долго и пристально, даже пронзительно, словно стремился запомнить черты ее лица, сохранить образ в галерее памяти, среди других таких же милых обликов, украшавших стены.

– Я не забуду тебя, – произнес он, – Обещаю. Помню всех. Аллу тоже. Я не был на ее похоронах, потому что для меня она осталась. Осталась жить во мне. Останешься и ты. И займешь особое место!

Губы Луизы дрогнули.

– Ты убил Аллу? – спросила она, понимая, что ответа не требуется. Она знала сама, чувствовала, что так и было. Он убил Аллу, как и других. Как собирается сейчас убить ее. Так вот что имел в виду Марк, когда говорил о Закулисье, в которое ей предстоит уйти, и о том, что она не создана для этого мира!

Но он ответил – кивнул.

– Зачем?

– Как я тебе сказал, красота недолговечна. И цветы, которые увяли, нужно срезать. Не волнуйся, моя Луиза! Когда умрешь, я срежу твои розы. И раскрытые розы, и эти чудесные, еще не успевшие расцвести бутоны... Ты будешь

усыпана ими, с головы до ног. Чарующее зрелище... Жаль, мне нельзя его запечатлеть и сохранить! Но оно останется в памяти, будет стоять перед глазами... Зачем Господь, если он правда любит людей, создал старость? Зачем позволяет нам дожить до нее? Старость, это слабость, это закат. Увядание. Нет, милая Луиза, нельзя допустить, чтобы твоя красота столкнулась с жестокостью старения, цветы нужно срезать прежде, чем они увянут!

– Срывать, – поправила Луиза. – Не срезать, а срывать. Ты задушил Аллу руками! Знаю, мне сказали, что ее задушили.

– Это была случайность, – Марк улыбнулся. – Она выронила нож, потеряла, а у меня в тот день ничего не было, мы неожиданно встретились на пустыре. Я не собирался убивать ее. Но она угрожала, нападала, оскорбляла. И я вдруг понял, что не могу этого выносить: единственный способ прекратить истерики – избавиться от Аллы немедленно. Мне пришлось ее задушить, я не хотел. Я бы сделал иначе. Но довольно смешная игра слов. Срезать, срывать... ты молодец!

Он незаметным движением вытащил из кармана брюк складной нож с острым и длинным лезвием, блеснувшим в свете луны.

– Срезать надежнее, – заметил он. – Теперь ты понимаешь, к чему я сказал про платье?

– Теперь понимаю, – кивнула Луиза, как замороженная, она смотрела на сияющее холодное лезвие, но не могла думать о нем. Все мысли были по-прежнему о другом. – Зна-

чит, ты не любишь меня?

– Люблю, конечно, люблю. Иначе разве хотел бы провести в лучший мир? Помочь уйти в твоё Закулисье?

– Ты можешь не делать этого, – Луиза печально улыбнулась. – Нам: людям, животным и самой планете осталось лишь несколько часов. Мне снился сон, помнишь, я говорила тебе, что вижу вещие сны и никогда не ошибаюсь. И мой сон был о том, что все заканчивается. Скоро. Сегодня. Не убивай меня, мы погибнем, погибнем в любом случае. Но можем провести оставшиеся часы вместе. И ты расскажешь, зачем делаешь это. И будет время раскаяться! Возможно, Бог простит тебя, когда предстанешь перед ним!

– Мне не в чем раскаиваться, я делаю то, чего не доделал, не додумал Создатель. Подчищаю за ним. Исправляю его ошибки. Поверь, делаю то, что должно. Не благодари. Сознание, что это важно, есть лучшая награда, – на его красивых губах мелькнула улыбка, зловещая, нервная, искривленная. Комета теперь светила ярче, багрово озаряя белоснежные стволы берез, и в этом свечении Луиза впервые увидела, как в его глазах вспыхнули искорки безумия. Или горело какое-то темное пламя? Марк одержим и в этой одержимости истина поблекла. Он не понимает, не ведает, что делает. Ему кажется, он выполняет великую миссию, вершит суд, исправляет несовершенство мира. Ему нравится убивать, с ужасом подумала Луиза.

И пассивное безразличие к смерти, владевшее девушкой с

той самой минуты, когда она вспомнила сон и поняла, что он точно сбудется и она погибнет так или иначе, вдруг оставило ее. Если еще несколько мгновений назад смерть от руки любимого мужчины представлялась желанным избавлением, то теперь она ощутила мучительное желание спастись, жить дальше, избежать страшной участи, выбранной ей Марком. Она хочет погибнуть вместе со всеми и прожить те несколько часов, что им остались! Обнять родителей, проститься с ними. Убедиться, что Артем и Сенечка вернулись с завода благополучно. Попросить у Артема прощения, что не нашла сил поговорить, а оставила лишь холодное письмо. И да, вдыхать аромат цветов, смотреть в звездное небо, заглянуть в телескоп отца, побежать к берегу Донки, окунуться в ее прозрачную, сладкую на вкус воду! Сколько всего хочется сделать, а времени остается мало! Все успеть не получится. Но пусть речь лишь о нескольких часах, эти мгновения стоят, чтобы их прожить. Ей захотелось удержать жизнь, сохранить ее. Может быть, ею двигал всего лишь инстинкт, присущий каждому живому существу: сражаться до последнего, защищая себя. Девушка рванулась в сторону, метнулась, словно молния, пытаясь бежать, но он оказался быстрее. Луиза никак не ожидала, что Марк так быстр и силен, в мгновение ока он схватил ее за руки, его нога выбила почву, и она рухнула на землю. Удар смягчили листья, хвоя, мох. Она почти не ушиблась. Марк упал сверху. Теперь его сильное тело крепко прижимало ее, сковывало движения. Она задергала нога-

ми, попыталась скинуть его, но это не принесло результата. Руками изо всех сил уперлась ему в грудь, отталкивала, кричала. Никто не услышал ее крика, на дачах они были одни, за многие километры вокруг – ни души. Никто не приехал, все остались дома, испугавшись кометы.

– Кричи, сколько хочешь, – тихо сказал он. – Тут никто не слышит.

Луиза почувствовала холод лезвия у шеи. Она, расширенными от ужаса глазами, всматривалась в его лицо: он казался взволнованным, как если бы происходящее сейчас было куда значительнее, чем случившееся между ними в дачном домике. Тогда он выглядел куда безмятежнее, словно их любовь и радость проведенных вместе мгновений, не волновали, не оставили в душе следа. Как если бы Луиза прошла мимо, мелькнула в толпе – и растаяла, как если бы не была главной любовью его жизни, как он не раз говорил. А теперь его глаза сверкали, белков не видно, настолько огромными стали зрачки, он тяжело дышал, сердце колотилось, – Луиза могла слышать стук, – на лбу блестели капли пота. Он медлил, но не потому, что колебался. Не потому, что хотел сохранить ей жизнь. Не потому, что жалел ее. Совсем нет. Хотел лишь подольше растянуть мгновение, продлить свое удовольствие. Девушка вручила ему жизнь, как делали другие до нее. Они поплатились за опрометчивые чувства. Так и есть, Луиза сама произнесла эти слова. «Моя жизнь принадлежит тебе», сказала она, и теперь он забирал ее жизнь

со всем правом. Внезапно, и Луиза осознала это: ее тело расслабилось, она замерла, опустила руки. Поняла его правоту: ведь он спрашивал, согласна ли она принадлежать ему целиком, согласна ли отдать жизнь. Она согласилась. Уверяла, что пойдет за ним до конца, говорила, что любит его. Пусть будет так. Недопустимо стать клятвопреступницей дважды: предать Артема, потом Марка. Нет, это неправильно. Она дала слово и его сдержит.

Но можно ли любить убийцу? Разве это правильно? Разве такое возможно? Ведь он не тот человек, которым она его считала. Она полюбила чудесного мужчину, сошедшего со сцены во всем блеске своего таланта, удивительного, щедрого, любезного и бесконечно красивого. Он хотел восстановить театр, помогал беднякам, устроил в ее честь восхитительный бал. Но тот, кто перед ней сейчас... Он не Тонино, не покровитель Донска. И даже не прекрасный актер, танцевавший с ней волшебный вальс среди наряженных в чудесные платья гостей. Он – жестокий убийца и психопат, все, что он сделал, делал лишь для себя, не для нее. И бал – тоже не для нее. Ему хотелось посмеяться над ее наивностью, подыграть ей, запутавшейся, заблудившейся между миром фантазий и реальностью. Вот для чего был этот бал. Чтобы унижить еще сильнее, чтобы подчеркнуть его всемогущество и превосходство. Все было лишь обманом, мишурным блеском, ослепившим ее. Под окутанной тайной театральной маской скрывалась холодная пустота, безжизненный вакуум,

в котором нет места чувствам. Луиза открыла глаза, сомнения отразились в ее взгляде, и Марк, отличавшийся внимательностью, заметил их. Он понял, что тянуть дольше нельзя. Еще немного, и она передумает, изменит мнение! Еще немного, и задумается, а любит ли его? Добровольно ли отдает ему жизнь? Нужен ли он ей? Тот ли это мужчина, кому она подарила сердце, кому согласилась принадлежать до конца? Этого нельзя допустить, пока не стало поздно, нужно заканчивать. Быстрее! Всего один миг – и его мрачная, но такая чувственная, такая яркая и оригинальная сказка будет разрушена! Он глубоко вздохнул, замахнулся. Рука замерла, он немного помедлил перед ударом, Луиза не сводила глаз с занесенного над ней ножа. Цветы нужно срезать. Она закрыла глаза и представила, как он покрывает ее остывающее тело бутонами роз. Белыми, в цвет ее платья. Алыми, в цвет крови. Желтыми, в цвет кометы.

Марк, понимая, что мгновение и так непозволительно затянулось, направил руку с ножом вниз, туда, где пока еще билась под тонкой белой кожей голубая жилка.

Сверкающее лезвие вошло в шею, очень прямо и очень глубоко. Редко кому удастся нанести столь точный, можно сказать, виртуозный, удар. Кровь, горячая и темная, хлынула на белое платье Луизы. Она никогда прежде не думала, что крови бывает так много и что она такая горячая. Сейчас, глядя, как она льется, девушка понимала слова Марка про белое платье. На белом платье ее заметно особенно хорошо.

Почему-то она подумала про белые простыни, которые вывешивали на балконы в Испании после первой брачной ночи, чтобы подтвердить непорочность невесты. Луиза читала о средневековой традиции в книгах, да и после Средневековья она оставалась в ходу в деревнях, лишь в наши дни нравы гордых жителей смягчились, к большому облегчению невест и их родителей. Сколько трагедий случилось из-за этих простыней, сколько судеб было сломано! Но лишь подтвержденный брак считался подлинным, настоящим. Ее платье тоже можно повесить куда-нибудь в подтверждение подлинности клятвы, опрометчивой, глупой, поспешной: принадлежать Тонино до самой смерти.

Недолговечная красота, так он сказал. Как у розовых бутонов. Да, они отцветают очень быстро, вспомнила девушка. Так долго она ждет каждый раз, пока высаженный ею в грунт маленький розовый куст укоренится, подрастет, на нем появятся бутоны, долго-долго они стоят закрытые, а потом вдруг распускаются, появляется цветок, чей аромат наполняет весь сад. Всего несколько дней – и вот его лепестки становятся вялыми, сморщенными, желтеют, падают на землю. Совсем скоро от чарующей красоты останутся лишь воспоминания. Да, удивительная, недолговечная красота. Все обращается в пыль, рассыпается в прах. Бег времени нельзя ни замедлить, ни остановить. Скоро жизнь уйдет, вместе с этой кровью и душа покинет тело. Почему все вокруг так недолговечно? Мы рождаемся из праха и уходим во прах. Так за-

чем этот бесконечный круговорот? Есть ли в нем смысл? Был ли смысл в их любви с Артемом? Был ли смысл в ее короткой жизни? В страницах ее дневника, исписанных каллиграфическим почерком? В работах детей, которые она проверяла? В том танце на балу? В убийстве Аллы? В их дружбе с Аллой? Был ли смысл в ее ночных встречах с Тонино, в ее клятвах? В тех упоительных часах, которые провели они в дачном домике? В аромате роз? В ее залитом кровью платье? В строительстве Донска? В развитии ее любимого городка? В бегущей в Донке воде?

Есть ли смысл в этой багровеющей, суровой комете, что смотрит на них сверху, неотвратимо приближаясь к Земле? В существовании Земли? В существовании людей? Или все это ненужно, бессмысленно, бесцельно? Скоро жизнь завершится, и она уже не узнает ответа.

Вдали слышался гул автомобиля, яркий свет фар на повороте прорезал темноту. В такой тишине звуки доносились отчетливо, и Луиза хорошо слышала, что кто-то ехал по дачной дороге, щебенка шуршала под колесами машины. Кто-то приближался к ним. Кто-то не испугавшийся кометы.

Глава 20. Последние часы

Артем стремительно влетел на территорию дачного поселка, не снижая скорости несмотря на плохую, всю в выбоинах, дорогу, обогнул небольшой лесок и въехал в рощицу. Здесь дорога заканчивалась, дальше не проехать, только пешком. Он резко нажал на тормоз, остановился, чуть не врезавшись в молоденькую рябину, заглушил двигатель, выскочил из автомобиля и прислушался. Кругом тишина и темнота. Точнее, темнота весьма относительная: не было яркого электрического света, но все вокруг будто неярко сияло. Благодаря комете даже небо казалось подсвеченным. На стволах деревьев плясали багровые пятна. Дачный поселок словно вымер. Никого.

– Луиза! – крикнул он, прислушался. Очень тихо. Даже птиц не слышно. Куда все подевались? Вытащил фонарь, но не включил, бросился к дому. Потряс дверь. Заперто. Неужели, он снова не туда приехал? Неужели, и здесь никого не было, он опять ошибся? Артем остановился на ступеньках. На миг ему показалось, что он все выдумал: загадочного серийного убийцу, актеров, бал, покровителя города Тонино и Луизу, которая находится в смертельной опасности. Что если это лишь порождение его мозга? Что если она просто уехала? Уехала с другим мужчиной и находится сейчас где-то в дороге, уже далеко от Донска? Что если это – и есть та

самая страшная и одновременно банальная правда, которую он отказывается признать, придумывая невероятный, нелепый, почти фантастический сюжет, достойный женского детектива? Правда о том, что Луиза просто не любит его?

Нет, Артем покачал головой, как если бы отвечал незримому собеседнику, хотя тот, кто вел с ним споры, находился внутри, в той же голове. Нет. Это не было самым страшным. Это больно, неприятно, даже оскорбительно, можно сказать, унижительно. В будущем он хорошо подумает, прежде чем начинать отношения! А скорее всего, предпочтет остаться один, опасаясь нового предательства. Да и не нужен ему никто, тем более, не нужен никто, кроме нее! И все-таки, если она просто ушла – это совсем нестрашно. Пусть едет с другим, лишь бы тот другой не обманул, не разбил ей сердце, лишь бы была с ним счастлива! Лишь бы получила все, о чем мечтала и чего сам Артем дать не смог. Куда страшнее другое. Если он опоздал. Если она уже мертва. Сердце неровно стукнуло, и Артем отчетливо понял: да, это так.

Все уже свершилось. Ничего нельзя исправить, он пришел слишком поздно, чтобы предотвратить смерть, неслышно шагавшую сейчас по роще. Он различал ее: темную фигуру, бредущую среди будто вырезанных из бумаги березовых стволов, чувствовал присутствие так же явственно, как если бы смерть была человеком, настоящим, живым! Убийство уже произошло, остановить его он не сумел. Как и в случае с Аллой, не сумел! Он почувствовал отчаянную без-

надежность, потом сбежал со ступенек, прошел по огороду и снова крикнул:

– Луиза! – ответа не было. Включил фонарь, теперь уже без страха быть обнаруженным, пошел обратно к роще, к автомобилю, больше не ожидая найти невесту или хотя бы следы преступника. Просто шагал к машине. Луч фонаря выхватил из темноты что-то темное, лежавшее на земле. Привычный внимательный взгляд полицейского зацепился за нечто, чего в роще, по его представлению, быть не должно. Или просто пригорок? Но лучше проверить... Артем бегом помчался туда и снова крикнул:

– Луиза? Луиза, ты здесь? Ответь! Луиза!

Он кричал громко, что есть мочи, как если бы хотел, чтобы она услышала, где бы ни была, как если бы его голос мог заставить ее вернуться с того света, остановить улетающую в бесконечность душу!

И оторопел, в растерянности застыл на месте, услышав то, чего услышать никак не ждал: слабое «Артем! Я тут, здесь!»

Что-то белое зашевелилось в темноте, и Артем, прогнав оцепенение, бросился вперед: нет, не опоздал, жива!

Когда он подбежал, Луиза сидела на земле вся в крови, теперь белым ее платье оставалось лишь со спины, спереди оно было темным и мокрым. Кровь была и на ее щеках, и на лбу, на руках. Перед ней на земле лежало тело Марка. Не нужно быть экспертом, чтобы понять, что тот мертв. Нож с темно-серой рукояткой вонзился ему в шею сзади и прошел

насквозь, перебив аорту.

– Луиза, ты жива! – Артем кинулся к ней. Сейчас он забыл, что она бросила его и ушла с другим, счастье, да такое, какого не испытывал он никогда прежде, переполняло. – Ты жива! Ты жива!

С этими словами он опустился на колени и крепко прижал девушку к себе, она обняла его в ответ, и он почувствовал, что ее плечи вздрагивают.

– Все хорошо, хорошо, – он успокаивающе погладил ее по спине. – Теперь все будет хорошо! Главное, ты жива!

Так сидели они долго, и постепенно его сознание начало проясняться, он понял, что не ошибся: Марк, и правда, оказался убийцей. Он был в дачном поселке и пытался убить Луизу. Значит, его гипотеза подтвердилась: именно Марк убил Аллу и других девушек. Но сейчас он мертв. Как же так, неужели... Артем осторожно отстранил плачущую Луизу и внимательно, с испугом, в котором он не признался бы и себе самому, взгляделся в ее измазанное кровью, будто для страшных древних ритуалов, лицо: он знал ее с детства, но теперь увидел впервые. Никогда бы не подумал, что она, – его трогательная, наивная лесная фея, – способна убить человека! Даже опасного злодея. Даже защищаясь. Самому Артему никогда не приходилось стрелять в преступника. Никогда не приходилось убивать. Он смотрел на нее с нескрываемым изумлением, даже с отвращением, и она перестала плакать: пристальный взгляд смутил ее. Губы так и оставались полу-

открытыми, слезы висели на ресницах. Непонимание, чего хочет Артем и почему так смотрит, отразилось в ее взгляде.

– Хороший удар, – пояснил он, против воли поджав губы, – Ты молодец.

На лице девушки отразилось еще большее изумление, она наклонила голову, пытаясь уловить смысл сказанного, и вдруг резко отстранилась.

– Ты что, думаешь, это я убила его?! – с возмущением воскликнула она. – С ума сошел?! Я бы никогда не убила человека... Тем более его! Я не смогла бы его убить...

– Кто же это сделал? – удивился Артем. – Тут был кто-то еще? Кто-то третий? Где он? Убежал? Кто это был?!

– Нет. Тут никого не было.

Артем сжал губы и снова не удержался, усмешка искривила их.

– Не мог же он сам нанести такой удар? Даже если бы Марк хотел покончить с собой у тебя на глазах, он бы ударил спереди и уж точно не вогнал бы нож в шею сзади, да еще с такой ювелирной точностью!

– Он не убивал себя, – Луиза покачала головой. – И в мыслях у него такого не было! Нет, он пытался убить меня. Признался, что убил Аллу. Это был он, Артем! Он мне все рассказал, про Аллу, про других девушек... Как я могла не догадаться сразу! Но я так верила, что он и есть Тонино! Верила, что он любит меня! Что все по-настоящему! И сама любила его.

Артем решил пропустить мимо ушей, что Луиза любила Марка, все равно соперник мертв. Полицейский победил в нем влюбленного, и Артем снова обернулся к ней. В его взгляде она различила сомнения. Она слишком хорошо знала такой взгляд!

– Ты мне не веришь, – девушка грустно усмехнулась. – Как и всегда. Как и раньше не верил.

– Но как я могу верить? – он развел руками. – Или мир опять начал двоиться? Мы только-только вошли в нормальное русло. Только-только, хвала всем святым, выяснили, что бал был ненастоящим и Тонино фальшивым. Зато настоящим оказался убийца, и мы его нашли. Я убедился, что был прав, когда не верил тебе. Ведь я знал: все это твои сказки!

– Потому и написала, что между нами всегда будет пропасть, потому и хотела уйти! – с этими словами Луиза отодвинулась. – Ты ведь получил письмо?

– Получил и прочитал. Пойми, для меня это ничего не меняло... Мне нравились твои фантазии, я любил тебя такой, какая ты есть, с этими смешными сказками!

– А я могла бы любить тебя, если бы ты мне верил! – жестко ответила Луиза. – А ты заставил меня думать, будто схожу с ума, будто не могу отличить реальность от иллюзии! Будто у меня галлюцинации, как тогда, с грузовиком! Ты ведь разыграл меня, да? Я только недавно это поняла. Что ж, Артем, теперь не до шуток, к счастью, ты – сотрудник полиции. И надеюсь, хоть что-то да смыслишь в убийствах и оружии.

Чему-то же вас учили в академии? Посмотри и скажи, могла ли я так ударить?

Артем поднялся и снова опустился, уже возле тела Марка. Осторожно осмотрел нож, не вынимая его. Если Луиза упала, Марк придавил ее к земле, – она явно выбиралась из-под его тела, услышав, как Артем кричал ее имя, – значит, она могла бы ударить его ножом только сбоку. Даже если бы дотянулась и ударила сзади – лезвие не вошло бы настолько вертикально. Такой удар она могла нанести только в одном случае: если бы подкралась к Марку со спины. Но это невозможно. В спину Луиза бить не будет, в этом он был уверен. Луиза так не поступит. И как бы тогда Марк упал прямо на нее? Она бы отошла, отбежала, если бы падало тело. Нет. Он придавил ее к земле, попытался убить. Вот, рядом валяется и его нож... Луиза сказала, что любила Марка, что неспособна его убить, даже защищаясь. Значит, это сделала не она.

– У него было два ножа? – Артем обернулся.

– Один.

– Тогда откуда нож был у тебя? Или вы грибы ночью собирали? – он не смог удержаться от сарказма.

– Да говорю же тебе, у меня не было ножа! – воскликнула Луиза, всплеснув окровавленными руками, сетуя на его непонятливость. – Я не знаю, что произошло, не знаю, как это случилось! Сколько еще объяснять!

Она, наконец, поднялась с земли и тоже приблизилась к Марку. Присела на корточки, осторожно коснулась рукоят-

ки. Свет фонаря выхватил из темноты серую, потертую ручку. Артем обратил внимание, что это очень старый нож. Кухонный нож. С проржавленным лезвием. Такие часто можно встретить в дачных домах и сараях.

– Боже мой, – прошептала вдруг Луиза, прижав руку ко рту. – Боже мой!

– Что?

– Нож... – она показала на рукоять, – Артем, нож!

– Вижу, что нож. И этим ножом Марк был убит.

– Это тот самый нож, – просто сказала Луиза, уже придя в себя. – Тот самый, который улетел в небо. Тот самый, который мне приснился. Тот самый, который Бог обещал вернуть, когда будет нужно.

– Лучшего момента и придумать трудно, – изумленно прошептал Артем. Он смотрел на нож, потом на Луизу, потом снова на нож. Истина медленно доходила до его сознания.

Нож упал сверху, с дерева, где пролежал больше двадцати лет. Артем молчал, и молчал очень и очень долго. Луиза не перебивала его молчания.

– То есть, ты никогда ничего не сочиняла? – почти с уверенностью спросил он. – Никогда не обманывала меня?

– Нет, никогда, – она улыбнулась. – Никогда. И насчет второго сна, помнишь? Тоже не обманула.

Луиза вытянула руку, указывая на комету, которая уже напоминала гигантское солнце, и ее окружность продолжала расти.

– Видишь, будет катастрофа. Скоро мы все погибнем.

И только тут Артем впервые заметил комету. Он даже вскочил от неожиданности.

– Господи, это еще что?! – изумленно воскликнул он.

– Комета. Комета Виталия. Ее открыл мой отец. Скоро она будет здесь.

На его лице мелькнул ужас.

– Что значит «будет здесь»? Хочешь сказать, она ударит в Землю?

– Да, помнишь, я сказала, что мне снился сон... Про катастрофу, которая унесет все. Унесет наши жизни? А потом отец увидел в телескоп комету. Я сразу поняла, что к чему, но папа меня не слушал. Он стал догадываться, только когда увидел, с какой скоростью она растет. Да, Артем, она приближается. Астрономы уже подтвердили, столкновения нельзя избежать. Мне очень жаль, что все так вышло. Что ты был занят погоней за убийцей и даже не успел узнать про скорую смерть. Мне правда жаль! Все из-за меня. Может быть, и комета эта прилетела из-за меня, потому что я – предательница. Потому что обманула твое доверие. Ведь мы были женихом и невестой, должны были оставаться вместе. А я написала тебе письмо и ушла. Даже не нашла смелости поговорить напрямую, открыто. Прости меня! Прости, пусть уже слишком поздно.

– Но почему никто ничего не говорил?! Хотя нет, я слышал по радио... Но они сказали, что она пролетит мимо, –

и все! – изумился Артем. – Мой отец! Он знает? Боже... Сколько времени нам осталось?

– Может, несколько часов. Может, чуть меньше.

Артем в ужасе прижал руки к лицу.

– Что? – Луиза взволнованно вскочила и, не сдержавшись, обняла его. – Ну вот, теперь ты тоже весь в крови... Я тебя испачкала. Извини...

– Сенечка, – прошептал Артем. – Я обманул его, не пришел. Хотел объяснить, но уже не успею. И если он погибнет, то погибнет с мыслью, что брат бросил его, оставил на произвол судьбы. Надеюсь, хотя бы, он не пошел на завод. Это худшее место, чтобы умереть. Да, неприятнее местечка трудно и вообразить!

– Мне жаль, – тихо сказала Луиза, покачав головой, – Все из-за меня... Ты ведь оставил Сенечку, чтобы спасти меня, защитить от Марка и от меня самой... Но ты прав. Мы уже не успеем. Осталось мало времени, смотри, как быстро она растет! Не успеем доехать к родителям. Не успеем к Сенечке. Ничего не успеем!

– Что же нам делать? – спросил Артем.

– Пойдем в поле? На наше место? Давай ждать комету там? Там и погибнем?

Артем кивнул, ему не хотелось выяснять отношения, напоминать, что вообще-то сегодня она бросила его, оставила прощальное письмо и сбежала с другим мужчиной. И только что заявляла, будто любит Марка. Что они тут делали в этом

домике, вдвоем, целый день? Луиза бросила последний сожалеющий взгляд на то, что еще недавно было Марком, Артем решительно обнял ее за плечи, поставил на ноги и повел в сторону поля. Какая теперь разница, что тут было. Какая разница, кто кого любил. Им осталось лишь несколько часов, только это имело значение.

В молчании они шли через поле. Колосья были мокрыми от вечерней росы, они кололись и цеплялись за одежду. Артем старался раздвигать их руками, дорожка, ведущая к пригорку, сильно заросла, добраться было непросто, но они решили не сдаваться. Наконец, появилась уходящая вверх тропинка. Когда добрались до вершины, комета светила еще ярче, вокруг было светло, почти как днем. Они сели рядом на траву, Артем постелил куртку: ночная земля была уже холодной, сидеть прямо на ней неудобно и совсем уж мокро. Одной рукой он обнял Луизу, она положила голову ему на плечо. Стало теплее. Какое-то время они сидели молча. Потом Артем, подумав, что раз уж они тут вдвоем и жить им всего-то пару часов, попытался поцеловать девушку, но она уклонилась от его попытки.

– Не могу, – тихо, но очень твердо сказала она. – Не могу. Сейчас не время.

– Другого уже не будет.

– Уже не будет. Но все равно не могу, прости. Там, – она показала в сторону дач, – Лежит тело Марка, которому сегодня я признавалась в вечной любви. И сама верила в это.

Там – она указала в сторону Донска, – наши родители, которые скоро погибнут. И моя тетка. А вот там, на севере, где-то идет твой брат. Идет со своими друзьями, такими же малышами, как он сам, они идут по этой страшной заводской зоне. Как можем мы забыть о них? Даже если времени осталось мало...

– Значит, между нами по-прежнему пропасть? – вздохнул Артем. – До тех пор, пока комета не исчезнет?

– Ты знаешь, что она не исчезнет, – грустно ответила Луиза. – Значит, теперь уже пропасть навсегда. Прости, Артем. Я очень тебя люблю и всегда любила. Мне важно, чтобы ты это знал. Особенно, учитывая, что теперь ты, наконец, начал мне верить. Лучше поздно, чем никогда.

– Ты еще недавно говорила, что любишь Марка?

– Да, говорила... Все так сложно, запутанно. Если бы ты верил мне сразу, Марка бы не было. Он появился, мне кажется, как ответ, данный судьбой, на мой призыв. Я долго стучала в твою закрытую дверь, а ты не слышал... Зато теперь знаю, что такое настоящая любовь. С детства мечтала понять, а поняла вот только сейчас.

– Почему все так не вовремя? – зло пробормотал Артем, глядя на комету, которая все росла и росла. – Почему ты поняла, что любишь меня, только сейчас? Почему я понял, что тебе можно верить, когда уже слишком поздно? Почему теперь, когда мы могли бы, наконец, быть на самом деле счастливыми, все должно закончиться? Почему Марк пытал-

ся убить тебя в те же часы, когда я обещал быть с Сенечкой? Почему я должен выбирать спасать тебя или спасать брата? Почему все случается так? Неуместно, неправильно?

Он замолчал, повисла тишина, было слышно лишь стрекотание сверчков, ставшее сегодня каким-то угрожающим. Обычно этот звук, напротив, навевал умиротворение, вызывая ассоциацию с летом, с природой, с дачными домиками. Где-то вдалеке заухала ночная птица, потом раздался собачий вой. Собаки чувствовали приближение беды, и вой этот был полон отчаяния и неумной боли.

– Я все думаю... про тот нож, – тихо сказала Луиза, – Он пропал на долгие годы! Лежал ли он на ветвях деревьев, на самой верхушке, или правда был в небесных чертогах, но он не мог найти лучшего момента, чтобы упасть!

– Что ты имеешь в виду?

– Пытаюсь ответить на твой вопрос, – улыбнулась Луиза. – Мне кажется, Артем, на него легко ответить. Легко-легко!

– Да? И как же?

– Все случается так, как нужно, и тогда, когда нужно. У жизни очень простая формула.

Артем кивнул и крепче прижал Луизу к себе. В ее словах была истина, которую оба искали так долго. Которую все человечество искало так долго. Приятно знать, что ты разгадал формулу жизни, хотя бы теперь, перед смертью.

– Сенечка сказал бы сейчас что-нибудь пафосное, – усмехнулся Артем.

– Например? – губы Луизы дрогнули в улыбке при воспоминании о мальчишке, которого она больше не увидит.

– Что-нибудь вроде: «Я рад быть сейчас здесь с тобой. Рад встретить смерть с тобой!»

Она повернула к нему лицо и произнесла с детской серьезностью, которую он так в ней любил:

– Я рада быть сейчас здесь с тобой, Артем. И для меня честь – встретить смерть с тобой.

– И я рад встретить смерть здесь, с тобой. И я люблю тебя, – ответил он, а потом все-таки поцеловал девушку.

Комета была совсем близко, теперь она занимала добрую четверть неба, она летела стремительно, ее хвост расчертил воздух, движение тела было заметно невооруженным глазом. Косые лучи метеоритного дождя яркими вспышками разрезали пространство, камни, совсем мелкие и побольше, рушились на землю, ударяя то тут, то там, где-то взрывая клубы пыли, а где-то поднимая столпы огня, образуя чудовищного размера песчаные воронки. Пока довольно далеко от Донска, на большом расстоянии, но, при всем желании, в Донске нельзя было не видеть и не слышать этого. Катастрофа приближалась и приближалась с отчаянной скоростью. Время, отведенное Создателем, на исходе. Никаких сомнений: у них нет нескольких часов: до конца осталось совсем немного. Десятки минут, самое большее – один час.

Луиза снова вспомнила о занавесе, который опускался над сценой: он вот-вот упадет, ознаменовав окончание величай-

шего спектакля в истории Земли. Девушка вдруг поняла, что неожиданно у ее пьесы, по задумке автора или вопреки ей, случился счастливый финал. Такой, какой бывает, когда тяжелый занавес уже давно опустился, но зрители все еще продолжают улыбаться. Улыбаются и актеры, довольные выполненной работой. Все прошло хорошо.

Глава 21. Последний ужин

Тетя Поля глядела на светящееся странным красноватым сиянием небо, на воцарившуюся в нем комету, напоминавшую яичный желток: она была абсолютно круглой, чуть блестящей, ее свет стал почти непереносимым, смотреть на комету невооруженным глазом сделалось невозможно.

Тетя Поля слышала новости краем уха, слышала и взволнованные крики людей, доносившиеся со двора. Сначала решила, что подвыпившие дачники отдыхают: сколько таких, считающих своим долгом отметить каждую летнюю субботу громкими посиделками на свежем воздухе! Хорошо еще, мусор за собой научились убирать. А во времена ее молодости после каждого такого собрания оставались горы пустых бутылок, тарелок, бумажек, окурков, да и бог знает, чего еще. Потому она долго не хотела выходить на улицу, боялась, что не выдержит и вступит с кем-то из выпивох в перепалку, стоит сделать им замечание – и понеслось! Никто не промолчит из уважения к ее возрасту: она услышит о себе куда больше, чем хотела бы знать! Поэтому уж лучше тихо сидеть, закрывшись в доме, постараться отвлечься и не слушать. Что она безуспешно и пыталась сделать. Только когда крики превзошли все допустимые, по мнению тети Поли, нормы, вышла, заметила людей, совершенно трезвых, но каких-то странных: совсем не веселых, скорее возбужденных,

взволнованных. Они, как сговорившись, стояли, задрав головы к небу. Тетя Поля последовала заразительному примеру и охнула – отчетливо увидела в небе вторую луну!

Как же так... Откуда она взялась? Разве на небе бывают две луны? Женщина прожила долгую жизнь, но никогда не видела подобного. Даже не читала про такое явление. Первой мыслью было: новый искусственный спутник запустили, вот все и смотрят за началом следующей эры освоения космоса. Тете Поле не было до спутника никакого дела. Стара уже! Где она, а где космос! Потом, наконец, услышала «комета» – и все встало на свои места. За желтой луной тянулась едва различимая полоса. Тетя Поля вздрогнула: с детства помнила, что хвостатые звезды всегда к несчастью. К войне, голоду, катастрофам. Только этого не хватало! Мало она повидала в жизни? Потеряла сына. Мужа. Столько перенесла невзгод. Так еще и войну на старости лет да голод? Нет уж, увольте! И уже позже по доносившимся отовсюду обрывкам фраз поняла, что комета была другой. Она не предрекала голод и несчастья. Она несла гибель. Она и была гибелью для всех, кто жил на Земле. Теперь уже своими старыми глазами тетя Поля не могла не видеть, что комета приближалась. Она росла, росла, постепенно занимая все большую часть неба. Свечение становилось ярче и ярче.

Завернувшись в теплую старую шаль от прохладного ветра, тетя Поля вернулась в дом и долго стояла у окна. Потом задернула занавески, вошла в комнату, зажгла свет и

огляделась. Хорошо, электричество не погасло, все видно! Старая мебель, почти раритетная, дубовая. Часы с кукушкой над камином. Чисто и аккуратно. Тетя Поля гордилась, что несмотря на возраст, ей удавалось поддерживать дом в чистоте. Многолетняя привычка, усвоенная еще от матери. Тогда девочек так воспитывали. Говорили, будешь грязнулей, никто на тебе не женится, одна останешься. И все боялись, аккуратноничали, старались мыть чисто. Она прошла в кухню, принесла чайник, накрыла на стол, собираясь поужинать, пусть и в одиночестве, а потом силы оставили ее, и женщина опустилась в кресло, уронив руки. Есть не хотелось. Тетя Поля, не мигая, смотрела прямо перед собой, куда-то в пространство и думала: как же все не вовремя! Как не вовремя эта отвратительно-желтая комета! В другое время она бы сказала: все не так уж плохо, я прожила длинную, даже слишком длинную и вполне хорошую жизнь. Достойную. Не богатую, но и не в нищете. Много трудилась и на работе, и дома. Всегда был порядок и в доме, и на огороде. Хороший муж, жаль, не смогли больше иметь детей, но жили хорошо. Сын погиб совсем молодым, поехал в город, монтажником работать. Сорвался с крыши. Насмерть разбился. Ловкий был мальчик, почему ему выпало такое? Почему ей выпало? Но пережила, нашла силы продолжать дальше. С соседями ладили, друзья были. Все шло своим чередом, спокойно, мирно. И сейчас она бы ни о чем не жалела, наоборот, радовалась, что скоро будет с сыном и мужем,

после стольких лет, если б не Карлсон! Мысль о том, что она больше не увидит любимца, что именно сейчас, когда Сенечка и его друзья, наконец-то, отправились на выручку и уже к утру могли бы вернуться, но уже не успеют, – отравляла все. Почему этой комете не прилететь бы завтра? Конечно, и она, и Карлсон все равно погибнут... Хотя, может, он бы и спасся, он маленький, а мыши, крысы, – они живучие. Но важно другое: перед смертью она посмотрела бы в его умные глазки, они были бы рядом, вместе, когда случится удар. А теперь она так и не узнает, что с ним было. Не узнает, смогли ли мальчики добраться до дома. Вдруг с ними что-то случится, и это будет ее виной! Но она твердо верила: поход завершится удачно. Хотя, одно дело верить, совсем другое – знать точно. Из-за кометы она не узнает. Как не узнает, жив ли ее Карлсон. Никогда больше не увидит его, не возьмет в руки. У тети Поли было много питомцев: и кошки, и собаки, и попугай. Но никого она не любила так сильно, как этого мышонка с белой шерсткой, темным пузиком и грустноватыми глазками-бусинками, умевшего откликаться на свое имя и отличать хозяйку от прочих людей. Говорят, мыши этого не умеют, но он точно мог.

Она вспоминала, как купила его, не в Донске, на выезде. В небольшом зоомагазине. Зашла случайно, было время до приезда автобуса, которое нечем занять, а других магазинов поблизости не оказалось. Обычно она не ходила в такие места и точно не пошла бы, будь у нее хоть какой-то выбор.

Но тут лишь неприветливые жилые дома, проезжая часть, да этот магазин. Ждать предстояло долго, не будешь же стоять на улице! Тетя Поля, обреченно вздохнув, толкнула дверь, вошла внутрь. Животных, не только в Донске, но и в других городах, уже не продавали в магазинах, только совсем небольших: мышей, хомяков, попугаев, да еще стоял аквариум с рыбками. Она долго наблюдала за смешными сомиком и блестящими, переливающимися всеми красками неонами. Когда она была маленькой девочкой, у нее был такой аквариум, в нем плавали разноцветные рыбки. За ними ухаживала мама, раз в месяц меняла воду, пересаживала рыбок в банку, тщательно мыла и вытирала аквариум, снова заливала уже чистую воду. Тетя Поля помогала складывать ракушки, камешки, придавливать ими водоросли, чтобы не всплыли. И уже только затем наступал черед рыбок, которых нужно было снова поймать сачком и посадить обратно. А когда она стала чуть старше, у нее появилась овчарка. Самая первая ее собака, тетя Поля теперь с трудом могла вспомнить о ней хоть что-то. Помнила лишь, что собака была очень большой, при желании могла сбить девочку с ног, а еще пушистый хвост и всегда мокрый черный нос, большой и очень симпатичный. Иногда с отцом они гуляли по улице, он держал собаку на длинном поводке. Вот и все, так давно это было! Тетя Поля отошла дальше – к клетке с птицами. Попугайчики в ней были забавными, всех цветов, совсем молоденькие, самцы и самочки, – вчерашние птенчики. Перелетали

с жердочки на жердочку, смешно стрекотали, хлопали крыльшками, но тетя Поля подумала, что, как ни хороши были птички, она больше не совершит этой ошибки: никогда не приобретет попугая, даже самого маленького. Уж слишком много от них шума, громко кричат, особенно, если забудешь накрыть клетку тряпкой. Еще их надо выпускать полетать, а потом сложно загнать обратно. Не с ее стариковским проворством угнаться за шустрым пернатым! А уж если вылетит в окно – пиши пропало! Тетя Поля нуждалась в свежем воздухе и постоянно проветривала комнаты, образуя настоящий сквозняк. Потому попугай имел все шансы покинуть дом и отправиться в неизвестность. Эта мысль пугала ее. А крупные попугаи – и вовсе живут долго. Питомец мог пережить хозяйку. И что тогда? Кому он останется? Родственников, даже дальних, у тети Поли не было, а соседям, как бы дружны они ни были, можно ли доверять? Вдруг никто не захочет принять пернатого друга в дар? Все-таки с попугаями, да и с другими птицами, много мороки!

Клетка с мышами была последней, у которой она остановилась. Тетя Поля никогда не любила морских свинок, хомячков, крыс, мышей, кроликов и вообще не понимала, для чего люди заводят дома грызунов. Что в них за радость? Кошки, собаки хотя бы разумные, а от этих что проку? Они даже хозяина узнавать – и то не умеют. Мыслями она поделилась с продавщицей, симпатичной молодой блондинкой в вишневом фартуке.

– Напрасно вы так, – пожалала чуть полноватыми плечами девушка. – Разные есть. Иные грызуны умнее собак. А подчас, мне кажется, умнее людей. Уж некоторых моих знакомых – так точно! Взгляните на этого мышонка. Очень сообразительный. Уже узнает меня, когда подхожу. Слушает, будто все понимает. Показать?

Тетя Поля, конечно же, собиралась отказаться, но девушка, не дожидаясь согласия, открыла клетку, ловко вытащила белого мышонка с темным мехом на пузике, схватила руку посетительницы, перевернула ладонью вверх и положила туда смешного зверька. Мышонок не убежал, затих. Потом поднял мордочку, повел носиком, уставился на тетю Полю умными глазками-бусинками. Сначала она с изумлением наблюдала за ним, ей, и правда, показалось, что в глазах мышонка есть проблески сознания. А потом заметила, что чем дольше смотрит, тем сильнее он напоминает Виктора, ее погибшего сына. Точно такое же выражение, какое часто видела она на лице Витюши в детстве, было на мордочке зверька, что-то схожее нашлось и в глазах. Тетя Поля удивленно сказала об этом девушке, проклиная себя за откровенность. Ей не хотелось, чтобы, пусть даже эта незнакомая продавщица, приняла ее за пожилую чудачку.

– А что, – та кивнула. – Бывает. Иногда души наших родственников приходят к нам через животных. И души умерших питомцев тоже. У меня в детстве была собака. Пятнадцать лет прожила, считайте, мы росли вместе. Очень ее лю-

била. Потом она умерла. Прошло много лет, и как-то знакомая нашла щенка, предложила мне. Я не хотела никого брать, хватило мне смерти первой собаки, пришла только, чтобы знакомую эту не обидеть. Уж больно настаивала! Взглянула щенку в глаза – и узнала свою собаку, представляете? У меня прямо мороз по коже! Вот как такое возможно? Смотрю – и ясно вижу ее, понимаю, что это – она и есть. Снова нашла меня.

– Ну, то собака, а то – сын, – с сомнением покачала головой тетя Поля.

– Все бывает, – ответила девушка. – Ну что, возьмете мышонка, похожего на сына? Я вам скидку сделаю на корм и клетку.

И тетя Поля решилась. Теперь, оглядываясь назад, она с ужасом думала, что могла отказаться. А могла и вовсе не зайти в тот магазин. Тогда бы они не встретились.

Но они встретились, потому что это судьба. Все всегда случается так, как нужно, и тогда, когда нужно. В ее доме появился мышонок, которому дала она имя Карлсон: он напоминал своими повадками героя детской сказки. Прежде всего, был хулиганом, мог спрятаться, не показываться и нарочно поддразнивать хозяйку, научился поднимать дверцу клетки и убегать, мог перегрызть проводок, отключив электричество во всем доме, да много чего натворил за свою не слишком-то долгую жизнь. Но главное – успел сделать тетю Полю счастливой.

И вот теперь, когда у нее появился шанс на новую встречу, теперь, когда его правда могли спасти, прилетела эта кошмарная комета – и все разрушила! Нет, ей не жаль своей жизни, ей жаль, что все произойдет так нелепо! Так жестоко! Почему именно сейчас, а не завтра? Почему Бог жесток к ней, в чем она-то провинилась? Разве мало ей выпало испытаний?

Или она просто обманывает себя? И нет никакого шанса? Если разобраться, если мыслить разумно, а всю жизнь она отличалась тем, что мыслила разумно и логично: никакого шанса нет. Как можно поверить, что горстка мальчишек сумеет преодолеть высоченные стены, стальные двери и пробраться на завод? Да их тут же схватят охранники, коих там легион! А если нет, смогут они отыскать среди десятков гигантских зданий, складов, цехов, то единственное помещение, где находятся лабораторные мыши? Смогут ли пробраться туда? Смогут ли найти именно Карлсона? Ведь мышей там сотни, а может и тысячи! Как забрать его? Да и жив ли он еще... Тетя Поля вздохнула и закрыла глаза. А если так, может, она и к лучшему, эта комета. Лучше, чем жить в жестоком мире, где возможна подобная несправедливость. Как они посмели выкрасть животное у хозяйки? Как осмелились забрать его на завод? Настоящее преступление, это незаконно! Но никто не пытался найти виновных. А похитители еще и лгали в лицо, пытаясь выставить ее перед всем Донском сумасшедшей старушкой. Она слабо улыбнулась, вспомнила, как Сенечка рассказывал о своем брате и

его невесте. Эту девушку, Луизу, тоже считают немного не в себе, думают, будто все ей кажется. Сенечка говорил, однажды она видела какую-то болотную тварь из другого мира... А однажды подумала, что на нее едет грузовик, которого не было на самом деле! Да и Сенечку друзья считают фантазером, мечтателем, идеалистом. И то верно. Кто еще захотел бы отправиться в безумный поход? Кто еще мечтал бы совершить что-то великое, спасти мир, если не Сенечка? Только такие, как он, и могут отважиться. Обычные люди, твердо стоящие на земле, не способны. Сама она не была такой, как Сенечка. Не была такой, как Луиза. Людям выгодно представлять тех, кто чуточку отличается, мечтателями, безумцами, сумасшедшими. Тогда сами будут казаться нормальными. Удобный и простой метод, позволяющий опорочить другого, лишить его слова силы. Но она не мечтательница и не выдумщица. Они хотели, чтобы она такой слыла. Будто стара, мозг работает не так, как прежде, началась деменция. Ничего подобного! Они забрались в дом и выкрали мышь! А теперь пытаются выдать ее за безумную. А у нее нет сил что-то доказывать, сопротивляться. Будь она моложе, всем бы устроила! Показала, где раки зимуют! Да, хорошо, что прилетела комета. Хорошо, что и они погибнут тоже. И этот мэр, и его красавица-жена, для которой построен завод. И все их приспешники, готовые душу продать ради богатства и благополучия. Хорошо, что завода не будет. Пусть они все погибнут. С этими мыслями тетя Поля успокоено

открыла глаза, прочла благодарственную молитву и убедила себя подняться. Она села за стол и приступила к вечерней трапезе. Есть не хотелось, но она аккуратно разложила посуду и еду, порезала хлеб, а после съела пару ложек творога и небольшой бутерброд. Как знать, может, это последний прием пищи. До завтрака они вряд ли дотянут, судя по крикам, доносившимся с улицы. Стало ощутимо светлее.

Пожилая женщина вновь принялась думать о Сенечке. Где он сейчас? Где бредут эти мальчишки, по каким тропам? Повернули назад, не дойдя до места, или продолжили путь, преодолели непреступные стены и теперь навечно останутся пленниками злосчастного завода? Они, не она, встретят смерть рядом с Карлсоном. Что же, с ними ему будет лучше, чем одному. Бедняга так любит людей.

Тетя Поля встала из-за стола, подошла к окну и слегка отодвинула занавеску: комета смотрела ей прямо в лицо.

Глава 22. Завод

Сенечка и его друзья напряженно ждали. Им не удалось дозвониться до Артема или обнаружить его присутствие. В конце концов, Сенечка, скрепя сердце, вынужден был открыто признать, что Артем просто не приехал. Сознание того, что брат не явился, бросил в ответственный момент, привело мальчика в отчаяние. Как он мог? Ведь знал, что они шли сюда так долго, что квест важен для Сенечки: это его первая в жизни и, возможно, единственная, попытка совершить подвиг! Артем не мог не понимать, что теперь мальчишки засмеют его брата!

– Наверное, что-то случилось, – мрачно буркнул Сенечка, спрятав телефон в карман, – Может, в аварию попал, когда ехал. Мало ли. Если б телефон работал, я бы узнал точно. Но тут связи нет, сами видите.

– Что будем делать? – спросил Мишка, вглядываясь в чернеющую громаду завода. – Надо же, какие стены! Прямо до неба! Как могли люди построить такое! С ума сойти. Будто инопланетяне прилетели и сделали.

– Да, – с восхищением прошептал Славик, он испытывал гордость и легкое головокружение, что они осмелились дойти сюда и теперь сидят в темноте, одни, без взрослых, и смотрят на исполинское сооружение. Это ли не подтверждение, что они – настоящие смельчаки?

– Назад пойдём? – спросил Сенечка. – Или сами попробуем?

– А как мы сами попробуем? – пискнул Славик. – Ты как туда войдешь?

– Вообще-то изначально мы и собирались идти одни, – решил напомнить Сенечка, – Что Артем присоединится, придумали позже. И в плане своем мы на него не рассчитывали. Вот я и спрашиваю, пойдём по первоначальному плану или домой?

Мальчики колебались, на лицах мелькали сомнения.

– Жаль назад идти, – протянул, наконец, Мишка. – Столько прошли уже. Как уйти и не глянуть, что там! Ведь любопытно. Хоть одним глазком!

– Еще как любопытно! – подтвердил Кирюха. – А если зайдём на завод и выберемся, всем расскажем, что там, пацаны завидовать будут, представляете, как? Мы же героями станем настоящими! Ну, просто, посмотреть? Далеко не забираться?

– Что ж, – Сенечка кивнул. – Согласен. Дело того стоит. Тогда осторожно. Пробираемся к стене. Там есть проходная. В ней калитка, для сотрудников. Я открою ее маминой карточкой. Если охранник спит, сможем пробраться в темноте. Если не спит, ползем в угол, прячемся. Темно, авось, не заметит.

– Может, он с фонарем? – предположил Кирюха.

– Не попробуем – не узнаем, – отрезал Сенечка. – Все,

пошли.

Но сам медлил, колебался, помнил, что обещал брату не входить на завод один. В конце концов решился: Артем тоже клялся, что приедет, и где он?

– А вдруг там собаки? Сторожевые? – не унимался Славик.

– Нет там собак. Я у мамы спрашивал. Она сказала: завод, как завод. Все нормально будет, не бойтесь. За мной!

Он осторожно двинулся вперед. Мальчики, пригибаясь к самой земле, медленно шли следом. Они перелезли через небольшой ров, намочили ноги о траву, уже покрытую густой холодной росой, и оказались у заводской стены: она возвышалась над ними, уносясь к самому небу, мрачная, циклопическая, рядом с ней Великая Китайская стена показалась бы низенькой изгородью. Стены завода были толстыми, прочными. Говорят, могли выдержать ракетный удар.

Мальчики медленно, вытянувшись в шеренгу, двинулись в сторону проходной, которую Сенечка заранее отметил на карте. Приблизившись к окошку, Сенечка осторожно глянул внутрь и с изумлением обнаружил, что охранник не спал. Его там не было вовсе!

– Тут чисто! – с восторгом шепнул он, обернувшись к ребятам, – Скорее! Бежим!

Он вытащил из кармана магнитный пропуск Меланьи, приложил к считывателю. Раздался тоненький писк, потом стальная дверь дрогнула, замок открылся. Сенечка толкнул

дверь, вошел внутрь, мальчики последовали за ним. Они оказались в узком темном коридоре длиной около десяти метров, вырубленном в массивном теле стены и напоминающем проходы в древние крепости. Он был слабо освещен мигающими под потолком тусклыми лампочками. В конце виднелась вторая дверь.

Опасаясь подвоха, они медленно приблизились, – вдруг там притаилась охрана? Сенечка снова приложил карточку. Раздался тот же звук, после чего дверь отворилась, и ребята, наконец, оказались на заводской территории. Она была куда больше, чем они представляли: просторный полигон размером с десяток футбольных полей, и повсюду высились бесконечные здания, уходили вверх трубы.

Сенечка огляделся, пытаясь заметить охрану, он опасался, что те затаились и неожиданно нападут из темноты, схватят нарушителей. Но никого не было.

Разумеется, попади Сенечка на завод в обычную ночь, охранники на проходной не замедлили бы остановить мальчиков. А если бы каким-то чудом тем удалось их миновать: по территории ходили целые отряды сторожей, рабочие ночной смены, механики и инженеры, – мальчики никогда не остались бы незамеченными, и хитроумный план был бы обречен на провал с самого начала.

Только наивные дети могли решиться проникнуть сюда, вооруженными лишь фонарями да пропуском Меланьи, и надеяться остаться незамеченными.

Но это была необычная ночь, и все случилось иначе. Охранники и рабочие уже покинули заводскую зону через главные ворота, находившиеся с противоположной стороны, поэтому мальчики их не видели. Работники завода торопились, ехали, спешили к семьям. Никто не желал быть погребенным навеки в этом мрачном склепе, хотели встретить конец дома, в тепле и уюте, рядом со своими близкими. Комета сыграла на руку Сенечке, и он, пожалуй, был единственным человеком, кто мог бы подумать, что она прилетела вовремя. Если бы, конечно, знал о ней.

Но мальчики не знали. Все, что они видели перед собой: гигантские постройки и цель, важная, трудная, к которой шли они так мучительно долго.

– Никого! – с изумлением прошептал Мишка, оглядываясь по сторонам, – Нет охраны! Вообще никакой! Спят все, что ли? Говорили, тут каждый метр охраняют! Наврали, как обычно, с три короба!

– Странно, – Сенечка пожал плечами. – Правда, очень странно. Вот, видите, нет здесь никакого зла, и охранять нечего. Мама была права. Ничего особенного. Обычный завод. Просто очень большой.

– Потому что это не один, а много заводов, все производство тут, из города вынесли, – пояснил Славик, будто остальные не знали и без него. – Ну что, куда пойдём?

Прямо перед ними располагалось прямоугольное здание, чью стену украшал гигантский портрет Меланьи Красави-

ной.

– Мама твоя, – Кирюха вытянул руку.

– Вот туда и пойдём. Там её фабрика, туда карточка точно дверь откроет, – предложил Сенечка, остальные, признав его рассуждения логичными, согласились.

Мальчики направились к зданию. Сенечка угадал: пропуск сработал, и, беспрепятственно, они вошли внутрь. Там было пусто и тихо, тускло мерцали лампочки ночного освещения.

Пройдя через узкий коридор, они попали в пошивочный цех: множество швейных машин, столов, заваленных рулонами с тканями, вдоль стен стояли замотанные в ворох лент, перьев и кружев жутковатые безрукие манекены.

Чуть дальше – складские помещения, где хранились ткани и фурнитура, а ещё дальше, на бесконечно длинных, уходящих в темноту вешалках, обитали уже готовые модели. И нигде – ни души. Только тишина и полумрак.

– Тут никого, – заметил Мишка. – Одни тряпки. Охраны тоже нет.

– И мышей нет, – добавил Славик.

– Откуда тут мышам быть, здесь же фабрика, – буркнул Сенечка. – Зачем на фабрике мыши? Они только все погрызут. Тут мы ничего не найдем, пошли дальше.

Ребята согласились, вышли на улицу. Ночь, по-прежнему, оставалась светлой, звезды ещё не вспыхнули. Во дворе никого не было. В глубине души каждый радовался, что им

удалось проникнуть хотя бы в одно здание, да еще убедить-ся, что никакого зла тут нет. Просто горы одежды. Ничего страшного.

– Куда дальше? – спросил Мишка, тревожно озираясь. Он все еще не мог до конца поверить, что охраны, и правда, не предвидится.

Мальчики посетили еще несколько помещений, оказавшихся складами, набитыми всякой всячиной. Везде одинаково темно и пусто. Над ними возвышались бесконечные, уносившиеся к потолкам полки, заставленные продукцией, сложенной в коробки, ящики, замотанной в упаковочную бумагу, перетянутой липкими лентами. Стеллажам, казалось, не будет конца, – никогда бы они не подумали, что в Донске производят так много!

– Как только люди тут ориентируются, – заметил Сенечка. – Ничего не найдешь в этих ящиках! Бедолаги. Тяжело, наверное, тут работать. Поэтому маме не нравится сюда ездить.

– Да уж, – вздохнул Славик. – Может быть, заберем что-нибудь? Небольшое? На память?

– Нет, – Сенечка сурово покачал головой. – Не обесценивай наш поход! Взять мы можем только Карлсона. Мы не грабители и не воры, а спасатели.

Славик обреченно кивнул.

– А Робин Гуд был вором, – мрачно заметил он. – И ничего.

– Я что-то не вижу у тебя лук и стрелы, – Мишка скептически оглядел друга. – Молчи уж, тоже мне, Робин Гуд!

Кируха фыркнул и огляделся.

– Тут тоже ничего, – произнес он, когда прошли в очередной склад, в точности повторявший предыдущие.

– Потому что мы ходим по складам. Мы даже в цехах нигде не были, на производстве не были. А там много опасного! Это же не из-за складов людей сюда не пускают, – наставительно заметил Сенечка. – Пошли дальше. Время есть еще до утра, найдем Карлсона.

– Завод такой большой, ничего мы тут не найдем, – всхлипнул Славик, – А я и устал уже... Мы договаривались только заглянуть одним глазком – и все!

– Это если бы охрана была. А тут пусто. Не хнычь, отдохнем завтра, – прервал Мишка. – Пошли! У нас дело есть!

И они снова двинулись в ночь. Однако дальше пошло хуже: едва они подошли к производственным цехам, окруженным огромными металлическими цистернами с неизвестными жидкостями, опутанным паутиной трубопроводов, как выяснилось, что в эти здания волшебная карточка Меланьи двери не открывает: все, как одна, накрепко заперты.

– Внутрь не попадем, – вздохнул Мишка. – Теперь ясно.

– Тут цеха по производству тканей, там – бумажные, – Сенечка кивнул, уставившись в карту, оказавшуюся на удивление точной, – Дальше какие-то химические. Вот там – пищевая промышленность начинается, а там – дерево обраба-

тывают. Судя по карте. Маме моей там делать нечего, вот пропуск и не открывает. Она одеждой занимается. Зачем ей дерево и химическая промышленность? Тут другие заправляют.

– Надо было у отца пропуск взять, – хмыкнул Кирюха.

– У него вообще нет пропуска.

– Как нет, он же мэр?

– Вот именно, что мэр. Ему и пропуск не нужен – так пропускают. Ладно, хватит болтать, идем, посмотрим, что тут еще есть. Думаю, для пищевых цехов и лесного дела мыши не нужны. Как и для бумажного производства. Все согласны? Или есть возражения?

– А где нужны мыши? – недовольно спросил Славик. – Может, эта тетя Поля из ума выжила? Мыши вообще нигде не нужны.

– Тетя Поля говорит, что Карлсон нужен для каких-то опытов. Потому что у него мозговая деятельность развита необычно для мыши. Они его исследовать хотели, потому и выкрали.

– А зачем им мозговая деятельность мышей? И кто это – они?

– Они – ученые, которые здесь работают, – пояснил Сенечка, – А исследовать мало ли для чего. Для медицины, например. Для обучения.

– Или просто тетя Поля выжила из ума и все придумала, она же старенькая, – не унимался Славик.

– Значит, надо искать лабораторию, – Мишка задумчиво почесал голову. – Есть она на твоём плане? Но, сдаётся мне, туда твою маму тоже не пускают. И мы не попадём.

Сенечка снова вытащил карту и бегло проглядел, хотя знал уже наизусть. Ни одно строение не обозначено лабораторией, но самое, судя по карте, большое здание отмечено зеленым крестом и не названо никак.

– Давайте, здесь посмотрим, – предложил он. – Тут места больше всего, и крест какой-то поставили. Непонятно что, заодно выясним!

Ребята согласились, интересно увидеть самое большое здание. Однако оно находилось в другом углу территории, идти далеко, они изрядно устали, кроме того, помнили: предстоит обратный путь – тоже неблизкий.

– Давайте, туда и обратно? – неуверенно сказал Кирюха. – Мы и так посмотрели завод, будет что пацанам рассказать. Тут просто обычное производство. Нет ничего страшного и не водится никакое зло. Парням неинтересно будет. Что мы им расскажем? Через стены не лезли, с охраной не боролись, опасного не нашли, полезного не сделали. Так, побродили – и все.

– Выдумали про зло, крысы лагерные! – пробормотал Сенечка с досадой. Сейчас ему было очень горько, что не удалось совершить ничего героического. Кирюха прав, не случилось ни от охраны спрятаться, ни со злом сразиться. Просто прошли мимо темных пустых зданий, да посмотрели на

горы тряпок и стеллажи с грузом.

И он от всего сердца согласился с правотой Кирюхи: квест пора заканчивать. Им хотя бы удалось сделать то, чего прежде никто не делал: проникнуть на завод. Хотя это, пусть и без всякого смысла.

Наконец, они добрались до помеченного зеленым крестом здания, поражающего воображение колоссальностью размеров: в длину оно достигало около полукилометра, в ширину, почти квадратное, немногим уступало. Здание было простым, белым, без окон, к прочным дверям вели высокие железные ступеньки. Нужно подняться на несколько метров над землей, чтобы попасть внутрь.

– На тюрьму похоже, – заметил вдруг Славик и принялся, – И пахнет тут как-то неприятно.

Сенечка втянул воздух, но ничего не почувствовал: тот же легкий запах дыма, что примешивался ко всему – запах завода. И однако, что-то незримо изменилось, как если бы атмосфера сгустилась, стала тяжелее, плотнее. Больше всего почему-то захотелось развернуться и бежать прочь, быстрее, так быстро, чтобы только пятки сверкали! Сенечка ощутил, как покрывается мурашками при мысли, что возможно именно так оно и ощущается – зло вокруг. Но не стал озвучивать это товарищам, испугаются еще, повернут назад. А нельзя. Теперь уже точно – нельзя.

– Пошли, – твердо сказал он, усилием воли заставил себя преодолеть нерешительность и первым поднялся по желез-

ным ступенькам, ребята последовали за ним, скорее радостно, предвкушая обратный путь. Они испытали двойственные чувства, когда пропуск Меланьи неожиданно сработал и дверь отворилась. С одной стороны – это значило, что домой прямо сейчас они не пойдут: предстояло осмотреть гигантских размеров здание, а на это уйдет много времени! С другой – уходить ни с чем не хотелось, а тут может ждать что-то поинтереснее, чем гора тряпок!

Сенечка толкнул дверь, они вошли внутрь и зажмурились от неожиданно яркого света. Здание лаборатории освещалось сильнее, чем остальные, благодаря дополнительным дневным лампам. На миг мальчики испугались, что вот здесь-то и столкнутся с охраной, тогда им не поздоровится! Но тут было так же пусто, как везде, только изнутри доносились легкие, еле-слышные звуки неясного происхождения.

Они шли гуськом, Сенечка впереди, за ним остальные, пока не оказались перед дверью, ведущей в следующее помещение, которая была открыта. На миг Сенечка почувствовал страх: кто знает, что там, за открытой дверью? Но они решились. Вошли и замерли, пораженные увиденным.

Кругом, докуда хватало глаз, стояли металлические поддоны, размером не более метра, заполненные замороженными мертвыми телами животных, грызунов, напоминавших то ли небольших бобров, то ли выдр. Сотни, если не тысячи, они лежали, умильно сложив лапки, как если бы были игрушками, выставленными на продажу в магазине. Но нет –

это были не чучела и не игрушки. Это были некогда живые, а теперь мертвые существа.

– Боже мой, – прошептал Сенечка. – Что это еще такое? Зачем они тут? Откуда столько?

Мальчики изумленно оглядывались по сторонам.

– Из них твоя мать потом шубы шьет, – злым шепотом бросил Мишка.

– В жизни такой чуши не слышал, – отрезал Сенечка. – Думай, что говоришь!

Всем в Донске было известно, что Меланья Красавина никогда не использует в одежде натуральные материалы. Да и никто в Донске ничего натурального не носил. Не потому что они были борцами за экологию, не потому что отличались повышенной добротой и социальной ответственностью. Просто это казалось стыдным. Сенечка вспомнил жгучий стыд, который охватывал его, когда в других городах ему доводилось встречать женщин, одетых в натуральные шубы. Эти люди что-то говорили, улыбались, смеялись, а он смотрел и мучительно краснел, испытывая неловкость и смущение за них. Они стояли, одетые, как неандертальцы, в чьи-то шкуры, как если бы не знали, что мир изменился, как если бы не знали, что настала эпоха прогресса, что так давно никто не ходит. Его поражало, что они совсем не стеснялись, будто не понимали, что именно делают не так.

– Не обращай внимания, – говорила Меланья. – Это просто отсталые регионы, отстают в развитии. Не надо их осуж-

дать, люди не виноваты, что они отстают. В Донске знают, что так делать нельзя. А эти люди пока не знают, поэтому им не стыдно. Не смотри на них, нельзя так смотреть на людей, это же не музейные экспонаты. Какие-никакие, а люди. В Донске не используют животный мех, вообще не используют животных. Никак, нигде. Их не держат в клетках, не убивают. Все это давно осталось в прошлом.

– Но мама, они даже не понимают, может, надо объяснить? Или бесполезно, не поймут? – попытался возразить Сенечка. Меланья обернулась и бросила еще один взгляд на одетых в меха незнакомцев.

– Да, неловко как-то, – поежилась она. – Пошли отсюда.

И вот сейчас мальчики стояли и смотрели на мертвые меховые тельца и не понимали, как такое могло случиться. Кому и зачем понадобилось убивать несчастных грызунов?

– Поэтому тут такой запах, – добавил Славик. – Из-за них.

Сенечка по-прежнему не чувствовал никакого запаха, но спорить не стал.

– Кто-то еще считает, что тетя Поля не в своем уме? – спросил он, повернувшись к спутникам.

– Знаете, уже не хочется идти дальше, – продолжил неумный Славик. – Может, ну его, давайте домой, а? Хватило мне впечатлений на сегодня! На все лето хватило!

– С ума сошел? – Сенечка повернулся к нему, и его лицо даже исказилось от злости. – Ты это видишь?! Тетя Поля права была! Тут есть животные, значит Карлсон может быть

здесь. Мы же за ним пришли! Забыл уже?

– А если он такой же мертвый, зачем он ей? – Славик пожал плечами.

– Может и живой, – мрачно заметил Мишка. – Идем, раз пришли. Не уходить же теперь, осталось совсем чуть-чуть!

– А вдруг, это – и есть зло? – чуть слышно прошептал Кирюха, – Вдруг это оно убило их?

Никто ему не ответил. Все знали, что думали об одном. Байки летнего лагеря не были выдумкой. На заводе, и правда, живет нечто жуткое, нечто, способное убивать. Неизвестное зло. Неведомое пугает больше, чем хорошо известное, воображение докручивает, дорисовывает ужасные картины, которые природа создать не в состоянии. И сейчас каждый из мальчиков воображал своих, разных, но бесконечно ужасных монстров, живущих в темной глубине завода. Монстров, которые по ночам выбируются из темноты, из труб, из окружающих здание цистерн и убивают все живое. Они способны убить не только маленьких грызунов! Что стоит им в мгновение ока проглотить, растерзать нескольких беспомощных мальчуганов, оказавшихся волею случая в ночное время на заводе. Сейчас они мучительно желали столкнуться с охраной, пусть охранники могут разозлиться, но все ж это – люди. Они бы взяли мальчиков под защиту, не позволив злу расправиться с ними. Но никого не было, только они четверо, наедине с непознанным злом. На миг Сенечке вспомнилась Луиза, рассказывавшая о существовании разной нечи-

сти: о домовых, призраках, приведениях. Теперь ее странная история с кикиморой на болоте уже не казалась нелепой выдумкой, Сенечка понял: Артем ошибался. Луиза не обманывала, не сочиняла, все, что она говорила – было правдой! И видела, своими глазами видела стоявшую на болоте маленькую женщину из потустороннего мира.

Он взволнованно оглянулся, как если бы опасался глаз тысяч незримых тварей, следивших за ним, страшился столкнуться с их немигающим, сулящим ужас взглядом. Никого не увидел: только грязно-белые стены повсюду.

Мальчики продолжили путь в молчании, говорить не хотелось.

Глава 23. Карлсон

Сенечка чувствовал подкативший приступ тошноты, но знал: если он остановится сейчас – остальные развернутся и уйдут. Нет, это его квест, он должен пройти до конца. Теперь отступить? Повернуть назад? Ни за что! И он, преодолевая дурноту, сделал шаг вперед, потом еще и еще, стараясь не смотреть на окружающие поддоны с мертвыми животными, просто шел мимо и, наконец, дошел до двери. Мальчики бегом догнали, не хотелось оставаться здесь, оно и понятно.

Сенечка толкнул дверь, она тоже была не заперта, и они оказались в большой круглой комнате, в которой по периметру располагались на расстоянии нескольких метров друг от друга огромные чугунные печи: они разинули черные жадные рты, в которых сейчас не полыхал огонь, стояли безжизненные, холодные, а сама комната напоминала опустевший ад, оставленный демонами.

– Что это? – с ужасом прошептал Славик. – Зачем?

– Ты дурак? – с негодованием оборвал Кирюха, а Мишка вдруг добавил:

– Жарко здесь, наверное, обычно-то.

Сенечка смотрел на печи, словно замороженный. Он не думал ни об упомянутом невыносимом жаре, что царит здесь обычно, ни о пустоте этих пугающих чугунных жерл, ни о мертвых скрюченных телах, что остались за дверью в сосед-

ней комнате. Даже не спрашивал больше, почему не появился Артем. Теперь он задавал себе лишь один вопрос: почему сработала карточка Меланьи? Почему у его матери был пропуск СЮДА?

Он вспомнил их разговор, внезапное напряжение в ее голосе, неохоту, прикрытую равнодушием, когда та говорила о заводе. Мать сказала, что детям тут не место и сама бы с радостью не посещала эту зону. Завод, как завод, сказала она. Значит, она знала. Значит, бывала тут. Возможно, была, когда горели печи...

– Пошли домой, а? – заныл Славик, потянув, будто маленький, Сенечку за рукав, – Хватит, не хочу больше! Пойдемте домой!

– Слушай, мы что пока видели? – Сенечка решительно повернулся к нему и встряхнул за плечи, пытаясь привести друга в чувство. – Видели мертвых животных. И только. А дальше – живые. Понимаешь? Нам туда надо.

– Откуда ты знаешь, что дальше живые? – подозрительно спросил Кирюха.

– Знаю, – мрачно ответил Сенечка. – Кому нужны эксперименты на мертвых?

– А родители говорили, что время, когда в лабораториях использовали для экспериментов животных, прошло, – настаивал Славик.

– Видел, как прошло? Иди, загляни туда, хочешь?

– То есть, ты хочешь сказать, что родители врут?

– Нет, зачем врут. Просто не знают, – с этими словами Сенечка решительно пошел вперед, ему хотелось побыстрее увести друзей от опасной мысли, что его-то, Сенечкины, родители знают все. Они были в числе основателей завода, стояли у истоков, им даже принадлежит его часть. В том числе и эти печи.

Сенечка почувствовал, как глаза подозрительно защипало, потом толкнул следующую дверь. И так и застыл на пороге от неожиданности. Мальчики оказались в просторном помещении, занимавшем почти всю внушительную площадь здания, потолок находился высоко, примерно на уровне пятого этажа. Как таковых самих этажей не было, здание представляло собой единое пространство, огромное настолько, что дальний конец скрывался в темноте. Вдоль боковых стен располагались массивные, прочные, железные лестницы, ведущие на следующий уровень. А сами уровни, докуда хватало глаз, были заполнены клетками с живыми животными, именно они издавали те звуки, которые были еле-различимы снаружи. Здесь же они оглушали: свист, хрипы, рычание, визг, хлопанье крыльев, топот ног, шорохи, – все это сливалось в единый, протяжный гул, и мальчики зажали уши от неожиданности. Они стояли, дезориентированные, озираясь беспомощно по сторонам, в ужасе глядя на открывшееся зрелище. Тем больше они были поражены, что каждому ребенку в Донске с детства внушали: нельзя держать зверей в клетках, зоопарки – это стыдно и убого.

– Нельзя причинять страдания другим ради развлечений, – с раннего детства наставительно говорила Сенечке Меланья. – Это же так просто, правда? Но люди почему-то долгие годы не понимали. И водили детей в цирки, в зоопарки, в дельфинарии, в аквариумы, платили деньги, думая, что детям от этого делается хорошо. А это просто стыдно. Стыдно и убого.

И Сенечка много лет испытывал неловкость за людей, которым непонятны простые вещи. В Донске таких, разумеется, не было. Но он видел их по телевизору, читал о них в новостях, некоторые даже выкладывали фотографии из зоопарков в социальных сетях. Сенечка смотрел на эти снимки с недоумением, а чаще и вовсе старался не смотреть. Сейчас же, глядя на эту колоссальную тюрьму, наполненную всевозможными неприятными запахами: прения, жизнедеятельности, но более всего – запахом смерти, они стояли, потрясенные. И Сенечка понял, что сбылось то, чего он боялся: они попали туда, куда так опасались попасть. Здесь жило зло. Страшное, непобедимое, с ним не справиться детям. Они тут бессильны.

– Смотрите, – вытянул руку Мишка, они прошли дальше и увидели ванны, небольшие, чуть больше домашних, в которых лежали, едва помещаясь, тюлени или котики, мальчишки не отличали их. – Они даже шевельнуться не могут...

– Боже, – прошептал Сенечка, прижимая руки к лицу и, точно как Славик незадолго до того, спросил, – Зачем?

Ошарашенные, потрясенные ужасом увиденного, они застыли. У них опустились руки: сделать что-либо не представлялось возможным. Это не в их власти, дети не смогут помочь даже крохотной части несчастных существ. Они стояли и стояли, не зная, как быть дальше с этим печальным открытием, а Сенечка был потрясен сильнее других по причинам, о которых упоминалось выше. Его родители. Они ходили сюда. Они это создали. И никому не сказали. Скрывали и от него, и от Артема. Если бы Артем знал, он не пустил бы брата сюда. Если бы мать знала, для чего Сенечка задает вопросы, она сделала бы что угодно, лишь бы он никогда не попал на завод. Теперь он и сам хотел бы никогда здесь не оказаться. Но сейчас этого уже нельзя ни изменить, ни исправить.

Ситуацию, почти безнадежную, спас Мишка, который шмыгнул носом, насупился и очень четко, спокойно и деловому, сказал:

– Мыши на два яруса выше. Пошли.

– А как же остальные? – тихо спросил Кирюха. – Мы оставим их здесь?

– Всем не поможешь, – отрезал Мишка. – Идем.

– Если бы пришел с нами Артем... – начал было Славик.

Сенечка резко обернулся и взмахнул рукой, прерывая его.

– И что?! Что бы он сделал?! – не выдержав, он сорвался на крик, – Тут их тысячи, этих клеток, что он открыл бы все? Всех выпустил? На себе отсюда вынес? Что ты все время

ерунду мелешь! Артем нам ничем бы не помог! Ничего бы он не смог! И хорошо, что его тут нет.

– Зато родители твои помочь могли бы, – мрачно заметил Мишка. Сенечка не ответил, в глубине души понимая, что Мишка прав. Но ругаться сейчас или выяснять отношения не хотелось, так недолго и до драки дойти. А им надо забрать Карлсона и выбираться из проклятого места. Теперь он сам, как и Славик, отчаянно желал поскорее покинуть завод.

Они, все так же, гуськом, поднялись выше, добрались, наконец, до клеток с мышами, те стояли в ряд, животных было множество, сплошная меховая масса, как понять, кто из них Карлсон, это совершенно невозможно! Все одинаковые, где-то белые, где-то серые, черные. Их мириады!

– Почему нет охраны, странно! – нарушил молчание Кирюха, просто чтобы что-то сказать. Тишина становилась угнетающей, казалось, в ней самой таится угроза.

– Да кому охота тут находиться! Еще среди ночи! Чего странного! – прикрикнул Мишка, а Сенечка почувствовал, что рубашка взмокла и прилипла к телу, пот заливал глаза, тек по лицу, хотя не было жарко, скорее, наоборот. Что это, от волнения? Или от подъема по лестнице?

– Ни черта не разберешь, – Мишка направил фонарь на клетки, хотя и без того было светло. В некоторых лежали уже мертвые зверьки, кое-где было видно, что обитатели вольеров доживают последние минуты. Мальчики резко отвернулись, чтобы не видеть смерть.

– Мы его не найдем, – заметил Славик. – Их слишком много. Наша миссия обречена на провал.

Сенечка пребывал в такой же растерянности, как и его друзья, задача казалась безнадежной. Артем прав: как искать иголку в стоге сена! К тому же многие мыши уже мертвы, Карлсон вполне мог быть среди них. Не будут же они осматривать мертвых зверьков. А потом вдруг вспомнил: Карлсон должен отличаться, и не только темным мехом на пузике, нет! Его ценность в другом. Тетя Поля всегда говорила, что он – не такой, как остальные!

– Он не должен быть в клетках с другими мышами, – четко осознал мальчик. – Его держат отдельно. Ведь его забрали для какого-то особого эксперимента с мозгом. Только бы еще был жив! Только бы они не опоздали!

– Нам надо найти мышь, которая сидит в отдельной клетке, – произнес он, постаравшись голосом не выдать товарищам свои опасения. – Он белый, а живот темный. Размером чуть крупнее обычного мыша. Тетя Поля говорила, что он реагирует на людей и откликается на свое имя. Говорила, что понимает человеческую речь. Но это, может, присочинила.

– Что еще она говорила? – деловито спросил Славик. – Может, она все время сочиняла! А ты ей верил!

– Еще... – Сенечка задумался, пытаясь вспомнить, что еще рассказывала тетя Поля о своем любимце, но в голову ничего не шло, – Еще говорила, что он куда лучше и достойнее большинства известных ей людей.

Славик с тоской оглядел помещение и вздохнул.

– Не, не сочиняла, – тихо сказал он.

Сенечка снова сжал губы и заморгал, чтобы удержать предательские слезы. Не таким он представлял себе их квест, не таким видел зло, с которым предстоит бороться! Он ожидал, что из канализационной трубы вылезет черное нечто с длинными загнутыми когтями, которыми пугали его старшеклассники в лагере, что призраки и привидения, невидимые, но смертоносные, будут преследовать их. Что в подвалах полигона обитают безжалостные вампиры и зомби, убивающие людей, выпивающие до капли всю кровь. Один из таких мог выйти в город и убить Аллу! Он ждал, что столкнется с толпой мерзких, отвратительных черных орков, охраняющих помещения. Сильных и безжалостных, несокрушимых. Но он никак не ожидал, что встреченное зло окажется вот таким. Будничным. Обычным. И страшным настолько.

Он медленно зашагал вперед, стараясь не смотреть по сторонам, краем глаза высматривая клетку, в которой находилась бы одна-единственная мышь, но такая не попадалась. Они прошли весь ярус до конца.

– Дальше куда? Наверх или вниз? – поинтересовался Мишка.

– Внизу мы уже были, идем выше, – ответил Сенечка. Они поднялись еще на один уровень, прошли его, в некоторых местах закрывали глаза и шли вслепую, чтобы не видеть то, что предстало перед ними.

– Я бы хотел это разведать, – прошептал Мишка.

– Я б тоже, – согласился Кирюха.

Они все хотели разведать, забыть, не вспоминать больше, но знали, что уже никогда не забудут.

Наконец, остался последний, пятый уровень. Здесь располагались ниши, часто пустые, поэтому идти стало чуть легче, но немного погодя они добрались до зоны, уставленной большими чанами, некоторые странно дымились, от других шел неприятный запах. Рядом Сенечка увидел стойку с противогазами.

– Разбираем, – приказал он.

– Зачем?! – хором спросили остальные.

– Вдруг понадобятся.

Здесь же лежали и брезентовые сумки, Сенечка взял одну, на случай если придется посадить туда Карлсона. До этого он планировал нести его в руках, но сейчас показалось, что идея с сумкой неплоха. Откуда-то из темноты донесся вдруг глухой стон, и Славик пошел на звук, понимая, что не хочет идти. Но, одновременно, пугающее любопытство, заставляющее людей читать криминальные хроники в газетах и смотреть фильмы ужасов, толкало вперед. Он так и не успел увидеть, что же стонало там, впереди: пол провалился, Славик ногой угодил прямо в дыру, увяз по колено и теперь беспомощно и виновато смотрел на товарищей.

– Тьфу-ты, тридцать три несчастья, – сплюнул Мишка, – Только с тобой и могло случиться. Давай, вытаскивай ногу

свою!

– Не могу, я застрял, – Славик потряс ногой, потянул вверх, но нога не поддавалась.

– Ты покрути ею, ступней покрути? – предложил Сенечка, осторожно приблизившись. Осторожность оказалась излишней – других дыр поблизости не было. Славик крутил ступней, дергал ногой в разные стороны – не помогало. Застрял крепко.

– Мне придется остаться тут? – испуганно спросил он, готовый расплакаться, – Вы же не уйдете без меня?

– Да вытащим, не бойся, – Сенечка лег на живот и принялся светить фонарем в дырку, пытаясь увидеть, что именно держит ногу.

– А знаешь, как в таких случаях обычно делают, чтобы спастись? Ногю отпиливают, – мрачно продолжил Мишка. – Там на нижнем уровне были ножи. И у нас парочка с собой. Давай ногу тебе отпилим?

– Не надо... – прошептал Славик, покрывшись смертельной бледностью, – Не надо, пожалуйста!

– А иначе ты нас всех подставишь, – нагнетал Мишка. – Если найдут охранники. Тут уж выбирай, или дружба, или нога!

Сенечка поднялся и вытащил из кармана складной нож, Славик расширенными от ужаса глазами смотрел на блеснувшее холодом лезвие, казалось, он даже потерял дар речи. Не говоря ни слова, Сенечка снова лег на живот и просунул

руку с ножом в отверстие.

– Сеня, ты что? Ты серьезно?! – взвизгнул очнувшийся Славик, – Не нужно ногу пилить! Не нужно, прекрати!

Он бешено задергал было ногой, но Мишка и Кирюха, крепко сжали ее, вынудив остановиться.

– Порядок, – раздался голос Сенечки снизу. – У тебя ботинок большой. Он и застрял. Я шнурки разрезал. Давай, вытаскивай ногу свою. Дальше босиком пойдешь.

Славик, вздохнув с облегчением, напрягся и вытащил ногу из обуви. Теперь он стоял перед ними в одном ботинке.

– Снимай второй, – холодно заметил Сенечка. – В одном неудобно будет. В носках лучше.

Славик покорно стянул ботинок, потом бросил его по совету мальчиков в ту же дыру, чтобы не оставлять улики на виду. Он огорченно взглянул на свои ступни в носках и побрел за товарищами.

– Ладно тебе, – Мишка хлопнул Славика по плечу, – Подвиги без жертв не бывают. Подумаешь, ботинки. Купят тебе новые.

Сенечка подумал, что попросит Артема купить Славику ботинки: в конце концов, это он виноват, что они, дети, на заводе без всякой поддержки.

А потом, завернув за угол, они наконец-то оказались на широкой, освещенной площадке, где стоял большой прозрачный ящик, аквариум или террариум, или как еще его назвать? Он располагался на столе, внутри опилки, кормуш-

ка, поилка и даже небольшой домик с норкой. А в центре сидела мышь. Сенечка готов был поклясться, что это и есть Карлсон. Мальчики бегом помчались к аквариуму. Остановились. Сенечка постучал по стеклу. Мышь подняла голову. На ней было что-то вроде странного шлема с проводочками.

– Это они мозг изучают, – шепнул Мишка.

– Карлсон! – громко позвал Сенечка, – Карлсон! Тот поднял глаза, показавшиеся мальчикам в высшей степени несчастными, – совсем не так описывала его тетя Поля. Было неясно, отреагировал он на звуки и появление людей или правда знал свое имя.

– Надо открыть крышку и перевернуть его. Посмотреть, какое брюшко, – распорядился Сенечка. Вдвоем с Мишкой они отодвинули довольно тяжелую крышку, без страха Сенечка опустил руку. Схватил мышонка и с криком отдернул ладонь. Удар тока был настолько силен, что заставил подпрыгнуть от боли, а глаза чуть не выскочили из орбит. Но своего он добился, грызун перевернулся на спину, запищал, – он тоже получил разряд, – и теперь бултыхал лапками. Пузико у него было темным.

– Карлсон! – снова позвал Мишка, тот повернул голову на звук.

– Это он, – тихо сказал Сенечка, постепенно приходящий в себя. – Видите, имя знает. Надо придумать, как снять с него эту штуку. Потом все, забираем и уходим отсюда.

Ничего резинового у них не было, поэтому решили попро-

бовать отцепить шлем носком ботинка. Мишка снял кеды, подошва была прорезиненная, и осторожно толкнул шлем. Тот не поддавался, закреплен. Они пробовали снова и снова, но тщетно. Тогда решили, что Мишка кедами придавит Карлсона к полу, чтобы тот не шевелился. Сенечка, вытащив нож, которым он недавно освободил Славика, перережет проволоку. У ножа была пластмассовая ручка – электричества он не проводил. Не с первой попытки, но манипуляции все же принесли успех, Карлсон не пытался сопротивляться и не мешал, как если бы чувствовал, что проходит спасательная операция его имени. Наконец, несчастный мышонок был освобожден, извлечен из ящика. На его голове были замечены две раны: через них к мозгу подводили электроды.

– Бедняга, досталось тебе, – вздохнул Сенечка, посадил Карлсона в сумку и осторожно прижал к груди. – Все, уходим.

И тут оглушительно взвыли сирены. Мальчики, вздрогнув от неожиданности, задрали головы вверх – лампочки мигали, звук становился все громче, животные беспокойно заматались в клетках, птицы захлопали крыльями.

– Что это? – спросил Славик с суеверным ужасом, озираясь по сторонам. – Что происходит?!

– Драпать надо, вот что! – завопил Мишка и помчался назад, к лестницам. Остальные неслись за ним, что есть мочи, Сенечка отставал: старался не выронить сумку. А вот бо-

соногий Славик летел впереди всех, еще говорят, бегунам важна экипировка! Бегунам важна правильная мотивация, а страх был отличной мотивацией! Они бегом спустились с лестницы, промчались к выходу из зала, к счастью, двери не были заблокированы, и снова оказались в помещении с печами. И тут поняли, для чего Сенечка велел взять противогазы! Ибо печи теперь изрыгали едкий желтый дым, от которого слезились глаза и перехватывало дыхание.

– Скорее, надевайте! – крикнул Сенечка. Спустя несколько мгновений, все нацепили защиту, как учили в школе на уроках по безопасности. Никогда школьники не думали, что навык может пригодиться, но он оказался неожиданно полезным.

– А Карлсон? – спросил Славик.

– Ничего, он в брезенте. Выдержит. Уходим, быстро! Пока не задохнулись!

Они вихрем пронеслись по залу с мертвыми грызунами, который тоже был наполнен едким дымом. Больше всего Сенечка боялся, что пропуск не откроет входную дверь и они окажутся в смертельной ловушке, ядовитый дым убьет их. Но к счастью, дверь не была закрыта: войдя внутрь мальчишки просто не захлопнули ее до конца! В мгновение ока они оказались на улице, стащили с себя резиновые маски и, откашливаясь, фыркая, упали на траву, судорожно пытаясь отдышаться. Здесь был чистый воздух, они втягивали его с наслаждением – сюда желтый газ не просочился.

Наконец, все пришли в себя, дыхание выровнялось, сердце перестало колотиться. Сенечка сел, потом медленно поднялся. Остальные последовали его примеру. Сигнализация сработала, но охраны по-прежнему нигде не видно. Что-то необъяснимое! Сегодня, определенно, очень странный день!

– Зачем они газ-то пустили? – поинтересовался Кирюха. – Ненормальные! Убить нас могли!

– Видимо, что-то ценное украли, раз сигнализация сработала. Они очень дорожили этой мышью, похоже, – ответил Мишка. – Сеня, как думаешь, зачем твоим предкам мышь?

– Причем тут мои предки, – зло ответил Сенечка, почувствовав, что опять предательски защемило в носу, наверное, от газа. – Они ж не ученые. Мало ли, кто тут работает. Тут не только мои предки, полно народу. Тысячи работников. Пойдемте, хватит лежать. Нужно скорее выбираться! Скоро сюда нагрянут!

Не желая продолжать разговор, он подхватил сумку и побежал к задним воротам, туда, где находилась проходная. Мальчики мчались за ним, им не терпелось покинуть территорию завода, как можно скорее. У проходной Сенечка остановился и еще раз обернулся на чудовищную громаду. Какое счастье, что они скоро оставят полигон позади! Охранников в будках, по-прежнему, не было. Отстегнул пуговицу и вытащил из кармана карточку, хорошо еще не потерял ее во всех перипетиях! Приложил к считывателю. Раздался тихий металлический звук. Датчик мелькнул красным. Дверь

не открылась. Сенечка пробовал снова и снова – безрезультатно. Пропуск не работал.

– Отлично, – он убрал карточку в карман. – Теперь еще и мамин пропуск заблокировали. Она мне спасибо не скажет.

– И как нам выбраться? – безнадежно спросил Славик.

– Пойдем к другим воротам, – предложил Мишка. – Тут полно ворот, может, где-то не успели заблокировать. Это они из-за кражи сделали.

– Тогда везде будет закрыто, – предположил Кирюха. – Чтобы воры не убежали.

Его предположение оказалось верным: за полчаса мальчики обошли несколько ворот, но пропуск Меланьи не работал, все попытки оказались бесполезны. Главные ворота открывали иначе, с охраны, пультом, но, как это сделать, никто не знал. Стало ясно, что прежним путем не выбраться.

В отчаянии, они опустили на траву, Славик закрыл лицо руками. Остальные напряженно молчали.

– Ну, что теперь делать? – мрачно спросил Мишка у Сенечки. – Ты же у нас мозг операции. Есть план Б? Телефон не заработал?

Сенечка пожал плечами, вытащил телефон, связи не было.

– Как вариант, можем подождать до утра? – предложил он. – Утром придут охранники, разблокируют двери – и мы незаметно прокрадемся.

Этот вариант никому не понравился, все понимали, что

прокрасться незамеченным мимо охраны не получится, а быть обвиненными в краже Карлсона не хотелось. Уж два и два охранники сложат – догадаются, кто украл ценную мышь! Кроме того, отсутствие охраны наводило на мысль, что работники могут не прийти и завтра. Но главное, всем хотелось, как можно скорее, покинуть ужасное, проклятое место, находится тут, а уж тем более ночевать, невозможно! Позади оставалось зло, оно нависало тяжестью, наступало удушьем, и хотелось бежать, карабкаться на стены, делать что угодно, лишь бы оказаться подальше отсюда!

– Жаль, не умеем телепортироваться, – протянул Мишка. – Здорово было бы.

– Да, полезное умение, – согласился Славик, поднимая, наконец, голову.

Они безуспешно пытались найти дыры, бреши в стене, но все было плотно закрыто, в прямом смысле: не проскочит и мышь! Даже если попытаться спасти только Карлсона, выпустить его из сумки, – ему не одолеть эти стены. И потом, как же вернуть его тете Поле?

Обреченно и медленно, измученные, притихшие, они шли по направлению к главным воротам, когда внимание Сенечки привлекла металлическая труба, тянувшаяся вдоль стены вверх. Он остановился, изучая ее. А потом снял рюкзак и вытащил свое снаряжение – веревку и альпинистский крюк.

– Можем заползти по одному, – предложил он. – Этот

крюк будем забрасывать и страховать себя. Хотите, первым полезу? Потом Мишка, давай ты, Славик за тобой, будете с Кирюхой курировать его. Так же спустимся на ту сторону, по этой трубе.

Мишка задрал голову и посмотрел вверх.

– Тут метров сорок будет, не меньше, – заметил он. – Сил может не хватить. А если упадем – все, хана.

– Выбора-то нет, – мрачно ответил Сенечка. – Или тут до утра сидим – или лезем наверх. С этими словами он крепко обвязал веревку вокруг пояса, потом размахнулся и закинул крюк за одну из скоб, удерживавших трубу. Лямку сумки перекинул через плечо, чтобы уж точно не уронить драгоценную ношу.

– Ну все, я полез, – сурово кивнул он товарищам.

Сенечка никогда не отличался ни смелостью, ни спортивностью. Он был тихим, домашним мальчиком, любившим смотреть фильмы и читать книжки. Но сейчас им двигала мрачная решимость, которая толкает людей, оказавшихся перед лицом смерти. Он не видел другого варианта, кроме как одолеть стену. Иначе они все окажутся в опасности, и, прежде всего, несчастный Карлсон. Они не спасут его от печальной участи, а сделают только хуже. И, прогнав мысли о возможной неудаче, он медленно полз вверх.

Когда преодолел первый десяток метров, труба вдруг качнулась и скрипнула, отчего сердце Сенечки ушло в пятки, а самого его прошиб холодный пот. На миг он представил, что

вот сейчас металлическая скоба отлетит от бетонного тела стены, и он вместе со своей брезентовой сумкой рухнет вниз, полетит далеко-далеко. Стоявшие внизу мальчишки кажутся крошечными. Лететь долго. Он никогда больше не поднимется на ноги – для него все закончится очень и очень быстро. Неужели, он родился, чтобы умереть сейчас, так бессмысленно глупо? Просто рухнуть вниз с заводской стены?

Но труба выдержала. Он перевел дух, подождал, чтобы руки перестали дрожать, отцепил крюк, уже уверенно размахнулся и закинул его выше, зацепил и полез дальше.

– Порядок там? – крикнул Мишка снизу.

– Да, все нормально, – откликнулся Сенечка.

Добравшись примерно до середины стены, он опять передохнул, стараясь унять предательски колотившееся сердце.

Главное, не смотреть вниз, ни в коем случае не смотреть вниз, думал Сенечка. Потом передышка закончилась, и он пополз дальше. Труба скрипела, железные скобы гнулись. Но мальчик продолжал упорно ползти.

Прошло довольно много времени, прежде чем Сенечка, наконец, оказался на вершине бетонной стены. Отсюда было видно поле, далекий темный лес и огни Донска.

Глава 24. Исход

– О, черт! – громко вскрикнул Сенечка, и ребята испуганно замерли.

– В чем дело? – донесся издали встревоженный голос Мишки.

– Нормально все, – крикнул Сенечка, обернувшись и глянув вниз. – Поднимайтесь, сами увидите! Миш, давай!

С этими словами он бросил крюк. Мишка насупился, вздохнул, обвязался веревкой и принялся, вслед за Сенечкой, карабкаться по трубе. Он был гораздо ловчее, сильнее друга, и потому путь дался бы ему куда проще, но Мишка побаивался высоты и испытывал сильнейшее напряжение, мышцы сводило, отчего руки и ноги становились, будто деревянные. Сенечка сверху подбадривал криками, вел душе-спасительные беседы, наконец Мишка все же справился с собой и преодолел подъем. Сенечка протянул руку и уже через мгновение друг стоял рядом на вершине стены. Сенечка радостно хлопнул его по плечу.

– Как будто в царя горы играем, – заметил Мишка, отстранившись, а потом присвистнул, взглянув туда, куда указывал Сенечка: впереди по стене шла колючая проволока, кое-где виднелись таблички, сообщавшие, что она под напряжением.

– И что будем делать?

Сенечка в ответ лишь пожал плечами.

– Славик, ты ползешь там?! – крикнул он вниз. До них донесся сдавленный голос Славика: тот был самым физически слабым, но с другой стороны – и самым легким. Беда, что Славик еще и трусоват, Сенечка опасался, что друг не выдержит подъема, потому присел на корточки и, глядя вниз, принялся подбадривать его.

– Давай, совсем чуть-чуть осталось!

– Половина еще, – просипел Славик. – Не могу больше! Не могу и все! Конец!

– Нет, половина уже пройдена! – возразил Сенечка, – Мне отсюда виднее. Немного совсем осталось, давай, поднажми! Последние метры!

Славик, скрипя зубами, полз выше. Наконец, у самого верха, Сенечка и Мишка подхватили его под руки и буквально втащили на стену. Славик обессиленно рухнул на бетонную поверхность и затих. Так он лежал все время, пока Кирюха лез по трубе.

Наконец, все четверо, они оказались наверху, Славик поднялся, и теперь с ужасом и недоумением взирали они на колючую проволоку, преграждавшую путь к долгожданной свободе.

– Там еще и ток, – испуганно прошептал Славик. – И чего мы сюда лезли? Тут еще хуже, чем там! Нам не пробраться... Может, здесь посидим? Спустят нас как-нибудь утром, не оставят на стене!

– А Карлсона отнимут, – Сенечка покачал головой. – И вернут в лабораторию. Не вариант. Зачем мы тогда пришли сюда...

– Там, с той стороны, выключатель, – заметил ходивший на разведку, уже вернувшийся Мишка. – Но до него не дотянуться: нужно на ту сторону перелезть, а проволока не дает.

Сенечка задумался.

– Идем, покажи, – попросил он.

Уже вдвоем они отошли на десяток метров в сторону, Сенечка, и правда, следуя указующему жесту Мишки, увидел с противоположной стороны стены небольшой выступ, где располагался рубильник. Далеко, не дотянуться. Вот если бы удалось отключить ток! Тогда, считай, полдела сделано! Останется спуститься – и можно бежать домой!

– Так, веревка же ток не проводит? – произнес Сенечка, скорее утвердительно, чем вопросительно. Потом поднялся, отошел в сторону от товарища, здесь проволока приподнималась, как если бы была немного погнутой. Сенечка осторожно, не касаясь, обвязал ее веревкой и потянул вверх. Образовался небольшой просвет. Взрослому человеку сюда никогда не пролезть, но ребенок сможет. И даже, если постарается, не коснувшись проволоки.

– Так, Славик, иди сюда! – крикнул Сенечка.

Тот неохотно поднялся и сделал робкий шаг вперед.

– Иди, иди! – прикрикнул Мишка, – Долго тебя звать?

Славик медленно двинулся вдоль стены и вскоре оказался

возле Сенечки.

– Ты самый маленький, – тот указал на образовавшийся проход, – Давай, пробуй. Лезь через эту дырку на ту сторону. И там повернешь выключатель. Вон он, видишь? Только помни, главное – не задеть проволоку, а то такшибанет током, со стены улетишь. Костей не соберем.

Славик смерил приятеля недобрый взглядом, приблизился, осторожно оглядел дырку, поколебался, но отверстие показалось годным. Он просунул одну ногу, весь сжался, как если бы съежился, перенес вес тела и, подняв вторую, втащил ее на другую сторону. Наблюдая за другом, Сенечка вспомнил, что тот в одних носках. Зря, ботинки были бы кстати, отвести электричество, если что. Ну да ладно. Затаив дыхание, мальчики следили за Славиком.

– Молодец! Отлично! Теперь ток отключи! – крикнул Сенечка.

Славик сделал шаг к краю стены, отвесно обрывавшейся вниз на десятки метров, и ужас сковал его.

– Боже мой! – вскрикнул он испуганно.

– Ты вниз не смотри, вверх смотри! – приказал Мишка.

Славик послушно поднял глаза к небу и вдруг: заорал не своим голосом.

– Что ты орешь! – еще громче завопил, подскочивший, будто ужаленный, Мишка. – Чего орешь?! Напугал, дурак!

– Смотрите, вторая луна! – выдавил Славик. Вытянув палец, он указывал на светящуюся в небе комету.

Мальчики с изумлением уставились на огромный шар: он был желтоватым, с багровым отливом, и, действительно, напоминал непомерно большую луну, никогда прежде они такой не видели! Другая, обычная, луна, тоже полная, тускло светила неподалеку от первой. Что за чертовщина? Что это может быть?

– Спутник искусственный, – мрачно сказал Мишка. Он вовсе не был уверен, что это спутник, но не хотел, чтобы перепуганный прилетом космических пришельцев Славик свалился со стены, – У меня папа на Байконуре работал, рассказывал про такие. Его только запустили, поэтому кажется большим. Потому что летит низко. Не обращайтесь внимания, скоро улетит. Нам надо дело делать, а не в небо смотреть!

Славик и другие были вынуждены удовлетвориться версией про спутник, тем более, в сложившейся ситуации им было, и правда, не до космоса. Славик, наконец, совладал с собой и, добравшись до выключателя, повернул рубильник.

– Молодец, Славик! – хором крикнули остальные.

Потом Сенечка и Кирюха благополучно миновали колючую проволоку, через все ту же дыру, только Кирюха порвал немного штаны, других трудностей не возникло. Теперь все с замиранием сердца ждали, когда перелезет Мишка. Он был самым крупным, и Сенечка опасался, что отверстие окажется недостаточным. Но, к счастью, отличаясь природной ловкостью, Мишка справился, и теперь они уже вчетвером, как Д'Артаньян и три мушкетера, выстроились у края, доволь-

ные собой. И только тут, наконец, заметили новую преграду. Они прошли уже так много, оставалось последняя задача – спуститься вниз. Но именно она-то и стала невыполнимой: с этой стороны трубы не было! Просто отвесно шла вниз гладкая стена, ползти по которой не представлялось возможным, если ты не Человек-паук и не граф Дракула.

– Да, дела! – прошептал Мишка.

Сенечка отвязал, тем временем, веревку, опутавшую ключую проволоку, чтобы не оставлять улики. Как знать, может еще понадобится!

– Что делать будем? – поинтересовался Кирюха. – Опять незадача! Устал от них.

– Пойдем вдоль стены, медленно, осторожно, вниз не смотрим, – мрачно ответил Сенечка. – За проволоку не хватаемся. Друг друга не тянем и не толкаем. Осторожно идем. Рано или поздно будет труба или еще что-то. Не может не быть. Раз с той стороны была – и тут будет.

И пошел первым, мальчики шли за ним. Почти боком, повернуться не получалось: можно сорваться и упасть. Вниз старались не смотреть, вверх – на искусственный спутник, – тоже. Хоть иногда было любопытно, вдруг, когда спустятся, он уже улетит! Через некоторое время перед ними выросло новое препятствие, не добавившее радости и без того измученным детям, – бетонный блок почти в человеческий рост, преграждавший дорогу. Пришлось, подсаживая друг друга, забираться на него, потом прыгали вниз. Благо, за блоком

стена неожиданно стала шире, это облегчало дорогу. Теперь можно идти спокойно, не опасаясь сорваться, – и уже это было радостно. Еще через четверть часа они дошли до главных ворот. И вот тут, к великому счастью, обнаружилась лестница, ведущая вниз.

– Отлично, – Сенечка просиял. – Все, теперь спускаемся – и домой!

– Главное, чтобы она нас выдержала, – заметил Мишка. – И чтоб охранники внизу не ждали.

– Будем по одному, – ответил Сенечка, глядя вниз, – Охраны вроде не видно. Все, я пошел.

С этими словами он свернул веревку, но, когда хотел снять рюкзак, чтобы убрать ее, драгоценная сумка, где был Карлсон, соскользнула с плеча. Удержать ее, подхватить, Сенечка не успел – руки были заняты. Сумка полетела вниз. Сердце замерло от ужаса. Мгновенно мелькнула мысль: все напрасно! Весь трудный путь был напрасным! За что?! Почему?!

И вдруг Славик, не ожидавший сам от себя, бросился вперед и в прыжке поймал сумку. Он рухнул бы вниз, со стены, если бы растерявшиеся Мишка и Кирюха не схватили бы его за ноги. Славик упал на бетонную поверхность, больно ударился, но сумки не выронил. Поднялся, из разбитого подбородка потекла кровь, которую он вытер ладонью.

– Видите, а говорили, что от меня никакого толку не будет, – чуть обиженно заметил он, возвращая сумку Сенечке.

– Молодец, – похвалил Сенечка, впечатленный неожиданным героизмом товарища. – На самом деле, все благодаря тебе! И ток отключил, и сумку спас. Молодец, Славик! Это значит только одно: в нашем походе не было лишних людей. Все нужны общему делу! Ну, я полез.

Сенечка закрепил сумку, надел рюкзак, повернулся к лестнице и принялся спускаться, медленно, осторожно. Пока переставлял ноги, железные ступени кое-где были скользкими, думал об Артеме. Легче было бы им, если б он все-таки пришел? Да, наверное, легче. Но не так интересно, и было бы куда меньше поводов гордиться собой! Хорошо, на самом деле, что Артем не пришел, они все сделали сами! Может, брат заранее знал, что так и будет, потому и не приехал? Мысли отвлекали от страха соскользнуть со ступеньки и рухнуть вниз.

Примерно в десяти метрах над землей лестница обрывалась.

– Вот, черт! – крикнул Сенечка. – Она не достает до конца! Далеко прыгать. Можно ноги переломать!

– Ползи тогда обратно, – крикнул Мишка. – Поищем еще чего-нибудь!

Сенечка поднял голову: стена возвышалась над ним, давила своей мощью, но еще сильнее давило то, что скрыто позади. Ему не хотелось возвращаться туда. Хотелось быть дальше, как можно дальше, от этого завода! Никогда он больше сюда не вернется! Ни за что!

– Нет! – крикнул он, – Не полезу! Сейчас веревку привяжу, спущусь, сколько хватит. А потом – прыгаю! Там трава вроде...

Сенечка привязал к лестнице веревку, надежно закрепил крюк и, радуясь, что не так давно научился лазить по канату, пополз вниз. Спускаться – не подниматься, куда легче!

Прыгать все равно было высоко и страшно, но Сенечка приземлился удачно, даже не ушибив ноги. Отлично! Теперь, по крайней мере, они с Карлсоном спасены! Осталось дожидаться мальчиков, Сенечка беспокоился за друзей.

Мишка спустился следом, ему это удалось довольно быстро, он сиганул вниз без страха, но, в отличие от Сенечки, упал неудачно и теперь немного прихрамывал.

– Ничего, заживет до свадьбы, – философски заметил он.

Сложнее всего оказалось заставить Славика спуститься: тот ни в какую не хотел ни ползти по лестнице, ни прыгать.

– Идите вы, я тут посижу, меня утром снимут спасатели, – повторял он снова и снова. – Карлсона забрали, вот и славно. А я тут посижу.

И лишь когда Кирюха сурово и очень достоверно пообещал, что сейчас скинет его вниз, Славик решился и, нехотя, бормоча под нос ругательства, направился к лестнице. Спускался долго, медленно, ноги в носках скользили и потому несколько раз он чуть не сорвался. Сенечке показалось, что эти минуты были самыми страшными из пережитого за ночь. Он был уверен, что Славик сорвется и погибнет, и кровь ле-

денела. Прошло много времени, прежде чем Славик дошел до конца ступеней, разобрался, как спускаться по веревке, и еще больше, прежде чем решился прыгнуть. Он долго нелепо болтался в воздухе, прыгал с громким криком, но приземлился удачно. За это время комета приблизилась.

– Ты говорил, он улетит скоро, а он только ближе подлетел, – едва придя в себя, Славик указал на небо, – Будто скоро в нас врежется! Вдруг он упадет? Рассказывал тебе папа такое?

– Спутники не падают, скажешь тоже, – заметил Мишка.

– А может, это орбитальная станция? – предположил Сенечка. – Американская. Падает.

– Да откуда у них станция? И почему круглая? – Мишка покачал головой. – Нет, это какая-то другая чертовщина. Не бойся, не упадет. Сейчас Кирюху дождемся – и домой. Пока дойдем – улетит.

– В любом случае, она не такая страшная, как то, даже если врежется прямо в меня, – Славик махнул рукой в сторону завода. – Вы как хотите, а я туда больше ни ногой! Устал, руки не гнутся. И мне обратно босиком шлепать. А мокро, камни и трава колетя!

– Хочешь, отдам тебе ботинки? – предложил Сенечка.

– Да ладно уж, не надо, – Славик пожал плечами, но Сенечка развязал шнурки, стянул кроссовки и отдал другу. Он был так счастлив, что все закончилось благополучно, что мог бы лететь до дома, как если бы Гермес подарил ему свои кры-

латые сандалии. Что в сравнении с этим счастьем какие-то камни на дороге! Сейчас Сенечка казался себе всемогущим. К тому же, надо быть честным: квест был его идеей, он втравил товарищей в эту жуткую авантюру, казавшуюся веселым приключением и чуть было не закончившуюся трагедией. Да, они спасли Карлсона, они проникли на завод и могли гордиться собой. Но стоила ли цель затраченных усилий? Ведь они заплатили своим покоем, своей детской наивностью. Верой в добрый и светлый Донск, в добрый и светлый мир.

Когда спустился Кирюха, Славик уже обулся и теперь удовлетворенно разглядывал ступни. Кроссовки оказались в пору.

– Ничего у тебя обувка, – заметил он с легкой завистью. – Мать делает?

– Нет, – зло фыркнул Сенечка. Воспоминание о матери и ее пропуске, позволившем войти в лабораторию, больно резануло, он предпочел бы никогда больше не говорить, не думать, не вспоминать об этом, но не выйдет.

– Пошли назад, – сурово сказал Мишка. – Поздно уже. Мы справились – и мы молодцы! Айда домой!

Он повернулся и направился в темноту, где светились огни Донска. Славик и Кирюха шли за ним. Сенечка замыкал процессию: идти босиком ему труднее, чем остальным. Он вытащил Карлсона из сумки, посмотрел в его умные глазки-бусинки. Спасенный, казалось, оправился от стресса и чувствовал себя спокойно.

Сенечка решил не убирать его в сумку, не сбежит. Он растянул куртку, положил Карлсона за пазуху и так и шел, бережно прижимая мышонка к груди.

Их квест завершился, и он оказался успешным.

Дети не знали про комету, не слышали слухов и разговоров и потому пока не понимали, что их ждет. Что ждет Землю в самом скором времени.

Сенечка думал о том, что видел на заводе, и на душе было тяжело. Да, они спасли Карлсона, они вытащили его, и совсем скоро вернут тете Поле. Но прочие остались в этих ужасных клетках. Он вспомнил жуткие печи, вспомнил о подносах с мертвыми грызунами. Неужели, никто не приходит на завод ни с какими проверками? Неужели, никто не знает про это? Его отец точно знает, но не пытается остановить. Как и его мать. Ведь они создавали завод. Зачем, для чего? Неужели, нельзя пойти другим путем? Почему так? Проще, дешевле? Этого Сенечка не знал. Он понимал, хотя был еще совсем юным, что не сможет уговорить родителей закрыть завод, не сможет никому рассказать о том, что видел, если только Артему, но что это даст? Даже если они будут бороться вместе, завод не закроют, производство не прекратят. А пробраться туда снова, спасти всех – нет, бесполезно. Слишком сложно. Да и зачем? Найдут новые жертвы. Сегодня им повезло, не было охраны. Но такое больше не повторится. Как они могут? Как могут все эти люди, – охранники, ученые, – работать, находиться там? Оттуда хо-

телось бежать, как можно дальше, чтобы никогда больше не видеть! Как могут они приходить каждый день? Да еще получать зарплату! Сенечка почувствовал, что слезы скатились по щекам.

– Когда я стану взрослым, – подумал он, – Найду способ это прекратить! Смогу решить эту проблему. Займу место папы, стану руководить Донском. И тогда – прогоню зло с завода. Закрою лабораторию. Сделаю завод открытым, чтобы все могли приходить в любое время. Зачем ужасные стены, зачем эта крепость? Пусть будет открыто и понятно! Дети начнут посещать завод со школьными экскурсиями, смотреть, как и что делается. И никто никогда больше не увидит того, что сегодня видели мы!

Мальчики шли молча. Их лица были суровыми, губы плотно сжатыми. Сенечка знал, что никто не забудет квест, не забудет увиденного, но каждый постарается это сделать.

Отправляясь сюда, он не думал, что они, и правда, найдут Карлсона: в глубине души считал тетю Полю выжившей из ума старушкой. Как не думал, что встретят столько боли и горя, столкнутся с реальными опасностями и будут бороться за свои жизни. Он рассчитывал, что квест станет интересным приключением, позволит разнообразить похожие друг на друга летние дни, внесет в них живую, веселую струю и займет достойное место между игрой в футбол и купанием в речке. И конечно, он ожидал, что они попробуют хотя бы сделать вид, просто ради игры, будто спасают мир.

Но теперь Сенечка решил посмотреть правде в глаза: мир они не спасали, зато спасли одну-единственную жизнь. Сенечка отодвинул куртку и взглянул на Карлсона.

– Теперь ты в безопасности, не бойся, – сказал он: Сенечка помнил, что Карлсон умел понимать человеческую речь. Ему даже показалось, что тот благодарно кивнул в ответ.

Что ж, на их долю не выпал красивый поход, как в кино. Они не станут прославленными героями, никто не будет провожать их восхищенными взглядами. Если кто-то узнает про вылазку – назовут мальчишками-хулиганами, и только. Они не бились с вурдалаками, не истребили орду чудовищных зомби, не поймали преступников. Но пусть Сенечка и сожалел, что их поход не был во славу Родины, во имя победы добра или ради спасения человечества, мальчик считал, что они вполне могут гордиться собой. Узнали, на что способны, справились без Артема, не бросили друг друга. Все было хорошо. И хотя они не победили тьму, обитавшую на заводе, они попробуют сразиться с ней однажды. Потом, когда станут взрослыми.

Эпилог

Уже на рассвете мальчишки подошли к дому тети Поли, постучали в калитку. Никто не открыл, и они вошли во двор сами, поднялись на крыльцо, забарабанили в дверь. Тетя Поля дремала, стучать пришлось долго. Наконец, раздались шаркающие шаги.

– Кто там? – послышался ее скрипучий голос.

– Это мы, – крикнул Сенечка, – Мы вернулись!

А когда заскрежетали замки, и она настежь распахнула дверь, деловито добавил:

– Дело сделано!

Он расстегнул куртку, вытащил Карлсона и протянул хозяйке.

– У него тут ранки на голове, но ничего, заживет, – пояснил Сенечка. – Берегите его, не теряйте больше. В остальном – он в полном порядке. Что-то мне подсказывает: никто теперь не решится его выкрасть, побоятся.

Пожилая женщина, вскрикнув от радости, схватила мышонка, сжала в ладонях, начала что-то бессвязно говорить, долго сетовала по поводу ран и совсем забыла про мальчигов. Те стояли на пороге, чувствуя, что причастны к ее радости, и это рождало неведомый восторг внутри. Они всего лишь вернули хозяйке потерянную мышь, но чувствовали себя так, будто совершили великий подвиг.

– Ладно, мы пойдем, устали, – заявил, наконец, Сенечка. –

Всю ночь по этому заводу лазили, пока искали его.

– Ой, мальчики, дорогие, – тетя Поля, наконец, вспомнила про их существование, – Спасибо, родные! Большое, большое спасибо! Вы не представляете, что сделали! Даже не представляете... Бедные, такие уставшие, выпачкались. А ты, Сенечка, еще и босиком... Холодно ведь! Замерзли? Чаю хотите? Конфет?

С этими словами она перецеловала всех по очереди. От чая и конфет мальчики отказались, им не терпелось скорее добраться домой. Сенечка еще и волновался за брата: то, что Артем не приехал, казалось подозрительным, и мальчик боялся, что с ним что-то случилось. Неужели, он встретился с убийцей? Поймал его? Или напротив... Нет, об этом не хочется даже думать!

***

Артем, глядя на неумолимо приближающийся рассвет, на заалевшее на востоке небо, сунул руку в карман куртки, осторожно отодвинул обнимавшую его Луизу, – измученная событиями ночи, девушка дремала, – и вытащил телефон.

– Ладно, уже светает, – сказал он. – Надо позвонить в полицию, пусть едут.

– Что ты им скажешь? – Луиза мгновенно проснулась, подняла голову и испуганно посмотрела на него.

– А что я могу сказать? Что Марк убил Аллу и пытался убить тебя. Что виновен в смерти других людей. А там –

пусть делают, что хотят. В любом случае, будет расследование. У них достаточно улик, чтобы выяснить правду. Да и свидетели есть, среди актеров. Многие слышали их с Аллой ссору, знают, что они были близки. Знают, что разыгрывали тебя.

– Нас могут арестовать?

– Скорее всего, – Артем кивнул. – Тело-то есть. Орудие есть. А других подозреваемых, кроме нас, нет.

– И будут допрашивать? – растерянно спросила девушка. – Мне придется все рассказать? Про свои отношения... с ним?

– Вероятно. Полицию не надо обманывать, лучше говорить правду. Так меньше шансов себе навредить.

– Ужасно... – она спрятала лицо у него на груди. – По отношению к тебе. Что будут думать о нас, обо мне? Будут всю жизнь смотреть и вспоминать, тыкать пальцами, что у тебя была невеста, которая хотела сбежать с убийцей... Боже, как это стыдно!

– Почему «была»? – Артем улыбнулся. – У меня есть невеста. Когда нас отпустят, а рано или поздно, они выяснят правду и отпустят нас, когда все закончится, давай, поженимся? Сколько можно тянуть? Теперь между нами нет пропасти. Так ведь? Нет Марка, нет непонимания. И мы знаем, что любим друг друга. Теперь я тебе верю, и ты знаешь, что я тебе верю. Мы будем счастливы! Согласна?

– То есть... – она нерешительно подняла смущенный

взгляд. – Ты можешь просить меня? После всего, что случилось? Что я сделала?

– Ну... – Артем пожал плечами, – Я же понимаю, что сам тоже виноват. Если бы не был таким, если бы не сомневался в тебе, не думал так, как думал, ничего бы не случилось. Никакой пропасти. Ты пыталась спрятаться от меня в своем мире иллюзий, скрывалась за занавесом, чтобы не было больно. Ты любила меня, а я тебе не верил, не понимал. И когда появился Марк, он использовал это, чтобы обмануть, соблазнить красивой мечтой, поманить в новую, волшебную жизнь. Ты поверила, что он – тот, кто тебе нужен. Зря я тогда решил пошутить и разыграл тебя с этим грузовиком. Сам подал Марку идею для новой шутки! Но я же не знал. А он умел использовать людей в своих целях, только и всего. Не ты одна ему поверила. Даже Алла, рациональная, практичная, – и та купилась на его уловки. Один актер из театра называл Марка крысоловом, который играет на своей дудке, заманивает, лишает разума... Зачем он убивал? Чего хотел?

– Считал, что красота недолговечна и нужно сохранить ее от увядания, – тихо сказала Луиза, обнимая Артема. Он положил руку ей на плечо, чувствуя тепло ее тела. Не хотелось никуда уходить, не хотелось вызывать полицию.

– Сегодня необычайно красивый рассвет! – вздохнул Артем. – И его красота недолговечна. Как и красота этого чудесного, спокойного утра. Так разрушим ее, спасем от увядания!

Он набрал номер и вызвал полицию. Потом они долго сидели, обнявшись, понимали: чтобы добраться сюда из Донска у наряда уйдет много времени. Они еще смогут побыть вдвоем, в тишине, вдыхая пахнувшую луговыми травами утреннюю свежесть.

– Так выйдешь за меня?

– Да, когда это закончится. Когда нас отпустят, когда узнаем, что с Сенечкой все хорошо.

– С ним все хорошо, он молодец, в нем я уверен, – Артем улыбнулся при мысли о младшем брате. – Раз Марк уже мертв, Сенечке ничто не грозит, других проблем в Донске нет. Главное, чтобы теперь простил меня.

– Ты же прощаешь меня? И он простит.

– Теперь ты уверена, что любишь меня? – Артем попытался не спросить, но не смог.

Луиза надолго задумалась, он напряженно ждал. Девушка повернулась и внимательно взгляделась в его лицо. Сейчас, в рассветных сумерках, ее глаза казались серыми.

– Знаешь, я всегда мечтала разобраться. Мечтала понять, какая любовь настоящая, а какая нет. Думала, а любовь ли то, что я чувствую к тебе? Или просто привязанность, родственность, симпатия, а настоящее – что-то другое... Но не нужно думать, не нужно пытаться понять. Мы сидим здесь, на пригорке, все в засохшей крови, выглядим ужасно. Мы пережили самую страшную ночь из всех возможных. Могли потерять друг друга. И, все-таки, мы вместе. Все, что про-

изошло вчера, связало нас еще больше. Но этого и не требовалось – ведь нас уже связала жизнь. Наше детство, юность, Донск. Воспоминания, которых нет ни у кого больше. У нас и раньше было столько воспоминаний, а теперь – еще и эта ночь! Марк был не прав. Есть что-то, что никогда не увянет. И да, Артем, теперь я знаю, что люблю тебя, прости, что сомневалась. Мне было не с чем сравнить. Теперь знаю точно.

Артем ласково коснулся губами ее лба, и так сидели они, прижавшись друг к другу, пока вдали не послышались гудки полицейских сирен.

– Мы странно выглядим, – Луиза посмотрела на свое платье, темное от крови. Руки, лицо, шея, все в мутных разводах. – Сегодня была очень странная ночь.

– Не более, чем обычно, – заметил Артем. – Жизнь вообще – странная штука. Еще вчера мы были уверены, что не доживем до утра. А, видишь, встает солнце.

***

В тот день Бог решил уничтожить Землю. Этот крошечный клочок материи, один из множества во Вселенной, не оправдал ожиданий и все больше откатывался назад, в адские дебри, а закрывать глаза на прорастающий в холодной пустоте темный мир, полный мрачных страданий и безысходности, Он не хотел.

Он решил, что пора заканчивать с ней. Сегодня. Сейчас. И послал комету, которая не приближалась к Земле долгие тысячи лет, нет, она появилась сразу, из ниоткуда, на опасном,

близком расстоянии. Теперь слишком поздно, люди уже не успеют ее уничтожить, не успеют спастись. Удара достаточно, чтобы расколоть Землю на части. Останутся лишь осколки. Став астероидным поясом, они полетят по новой орбите, огибая Солнце.

На миг Он приблизился к волшебному зеркалу – зеркалу Вселенной, – отделявшему высший мир от мира материального: на его тусклой непрозрачной поверхности непрерывно отражался каждый миг прошлого, настоящего и будущего в любом из тысяч миров на миллиардах планет в миллионах звездных систем. Их было множество, но Он мог видеть все. И каждого в отдельности.

Создатель всмотрелся в зеркало, туда, где голубой бусиной все еще мягко светилась Земля. И Его взгляд устремился к движущейся точке, микроскопической точке, которая чем-то привлекала внимание... Теперь точка была видна отчетливо.

Маленький мальчик, шагавший босиком по дороге, державший в руках крошечного белого мышонка. Только что вместе с товарищами он преодолел множество опасностей, чтобы спасти его. Хотя, вообще-то, спокойно мог оставаться дома, смотреть телевизор или играть. Несколько мгновений Бог задумчиво смотрел на мальчиков, бредущих сквозь темноту.

Ему не понадобилось щелкать пальцами, что-то делать или говорить – достаточно лишь мысли. Комета сменила тра-

екторию и, обогнув земную орбиту, полетела дальше.

А Сенечка и его друзья шли и шли по дороге, не зная, что их мечта исполнилась. Они отправились в дурацкий квест, чтобы спасти никому не нужную мышь, но им выпало спасти мир.

Они не стали бы и пытаться уничтожить комету, не стали бы открывать клетки и спасать всех, томившихся в страшной тюрьме, они не победили несокрушимое зло, и уже сейчас знают, что никогда, даже когда вырастут, не смогут остановить завод. Не смогут помочь всем и решить все проблемы. Не превратят Донск в город без недостатков, каким считают его в окрестностях. Они просто сделали то, что могли: совершили нелепый маленький поступок во имя добра, неприметный, не способный изменить общей картины, ничего не решающий.

Так, каждый день, кто-то отправляется в будничный поход к светлой, но никчемной цели, не зная, что спасает мир, который некому больше спасти.